

Научно-правовой журнал

# ЦИФРОВОЕ ПРАВО

№ 4 (ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ) 2025 ГОД

---

Учредитель: доктор юридических наук, профессор Грудцына Л.Ю.

Издатель: Юридическое издательство «Юркомпани»

Журнал основан в 2023 г., включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке E-library с 2023 г.

Выходит один раз в три месяца

ISSN 3034-4271

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций  
(Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-85529 от 4 июля 2023 г.)

Издатель: Юридическое издательство «Юркомпани». 2025

научно-правовой журнал

*Ежеквартальный научно-правовой РИНЦ-журнал,  
посвященный теоретическим и практическим вопросам цифровизации права,  
использованию искусственного интеллекта в правоприменительной деятельности,  
цифровизации правосудия, изучению влияния цифровых технологий  
на развитие современного права, а также перспективам развития  
правового регулирования в условиях цифровизации.*

**Главный редактор:** Сангаджиев Бадма Владимирович  
**Первый заместитель главного редактора:** Эриашвили Нодари Дарчоевич  
**Заместитель главного редактора:** Шайхуллин Марат Селирович  
**Председатель Редакционного совета:** Иванова Светлана Анатольевна  
**Корректор:** Ерошина Екатерина Андреевна  
**Компьютерная верстка:** Ерошина Екатерина Андреевна  
**Дизайн:** Ерцев Роман Александрович

**Адрес офиса редакции:** 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис Б 218. Этаж 2.  
Бизнес-центр “Гранд Сетунь Плаза”.

**Для писем:** 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

**Home page:** <https://economy-law.ru>

**E-mail:** [info@law-books.ru](mailto:info@law-books.ru)

**Многоканальный (по России):** +8-800-700-45-88

**WhatsApp:** +7-900-155-56-05

*При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Цифровое право» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.*

|||||

Первый заместитель главного редактора: **Н.Д. Эриашвили**, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

**Научная специальность:**

• **Л.А. Тхабисимова** - доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея.

**Научная специальность:**

- **А.Х. Миндагулов** – доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан).

# РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Научная специальность:  
**5.1.4. Уголовно-правовые науки**

- С.А. Гримальская - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
- Ю.В. Николаева - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.
- В.Е. Усанов - академик Российской академии образования (РАО), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
- М.С. Шайхуллин - доктор юридических наук, доцент, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России» (г. Уфа, Россия)



# EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: **B.V. Sangadzhiev**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, FSBEI HE "All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)" (Moscow, Russia)

First Deputy Editor-in-Chief: **N.D. Eriashvili**, Doctor of Economics, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of the Education Sector of the Russian Federation, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the Field of Science and Technology, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.J. Kikot (Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief: **M.S. Shaikhullin**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, FGKOU HE "Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia" (Ufa, Russia)

## *Scientific specialty:*

### **5.1.2. Public law (public law) sciences.**

- **O.N. Bulakov** - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State Humanitarian University.
- **L.Yu. Grudtsina** - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Constitutional and International Law, FSBEI HE "All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)," Professor, FSBEI HE "Russian State Academy of Intellectual Property," Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences.
- **B.V. Sangadzhiev** - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, FSBEI HE "All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)"
- **L.A. Tkhabishimova** - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political and Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea.

## *Scientific specialty:*

### **5.1.3. Civil (civilistic) sciences.**

- **A.V. Barkov** - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia.
- **E.V. Bogdanov** - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.
- **L.Yu. Grudtsina** - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Constitutional and International Law, FSBEI HE "All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)," Professor, FSBEI HE "Russian State Academy of Intellectual Property," Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences.
- **A.N. Levushkin** - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice.
- **A.Kh. Mindagulov** - Doctor of Law, Professor (Republic of Kazakhstan).

# EDITORIAL BOARD



***Scientific specialty:***  
***5.1.4. Criminal law sciences.***

- S.A. Grimalskaya - Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of International and Public Law, Financial University under the Government of the Russian Federation
- Yu.V. Nikolaeva - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation.
- V.E. Usanov - academician of the Russian Academy of Education (RAO), doctor of legal sciences, professor, professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov
- M.S. Shaikhullin - Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, FGKOU HE "Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia" (Ufa, Russia)



# РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **С.А. Иванова** – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН, Почетный адвокат России

- **С.А. Барков** — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
- **Ж.А. Бокоев** — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики
- **А.П. Галоганов** — доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов
- **В.Н. Жуков** — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук
- **С.Д. Каракозов** — доктор педагогических наук, профессор, проректор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета
- **В.В. Комарова** — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
- **Г.Б. Мирзоев** — доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бридчпортского Университета (США), Почётный доктор философии университета «EuroSwiss»
- **Р.М. Мырзалимов** — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики
- **К.Х. Рахимбердин** — доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республики Казахстан (2007 г., 2013 г.).
- **Б.С. Эбзеев** — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России



# EDITORIAL BOARD

Chairman: **S.A. Ivanova** - Doctor of Law, Professor, Deputy First Vice-Rector for Academic and Methodological Work, Professor of the Department of Finance University under the Government of the Russian Federation, Expert of the Russian Academy of Sciences, Honorary Lawyer of Russia

- **S.A. Barkov** — Doctor of sociological sciences, professor, head of the Department of economic sociology and management of the sociological faculty of Moscow Lomonosov State University
- **Zh.A. Bokoev** — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Council on Judicial Reform under the President of the Kyrgyz Republic
- **A.P. Haloganov** — Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers
- **V.N. Zhukov** — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor, Department of State Theory and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Chief Researcher, Philosophy of Law, History and State Theory and Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences
- **S.D. Karakozov** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector, Director of the Institute of Mathematics and Informatics of Moscow Pedagogical State University
- **V.V. Komarova** — Doctor of jurisprudence, professor managing department of the constitutional and municipal right of the Russian Federation of the Moscow state legal university of O.E. Kutafin (MGYuA)
- **G.B. Mirzoev** — Doctor of Law, Professor, President of the Guild of Russian Lawyers, Rector of the Russian Academy of Lawyers and Notaries, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Doctor of Bridchport University (USA), Honorary Doctor of Philosophy of the University «EuroSwiss»
- **R.M. Myrzalimov** — Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Editorial Council of the Bulletin of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic
- **K.Kh. Rakhimberdin** — Doctor of Law, Chairman of the Board of the Chamber of Legal Advisors of the East Kazakhstan Region, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, VKSU named after S. Amanzholova, holder of the title «Best University Teacher» of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (2007, 2013)
- **B.S. Ebzeev** — Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (retired), Member of the CEC of Russia



# СОДЕРЖАНИЕ:

## ПОЛИТИКА И ПРАВО

Ахмерова Д.И. \* Трансформация системы международной безопасности в условиях формирования многополярного мира ..... 11

## ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Грудцына Л.Ю. \* Права и свободы «человека цифрового» (homo numericus) ..... 15

Назарова А.И., Большакова Е.А. \* Проблемы одновременной применимости международного права прав человека и международного гуманитарного права в вооруженных конфликтах ..... 20

Мецгер А.А. \* Характеристика системы гарантий прав участников правоприменительного производства ..... 24

## ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Балхаев С.А. \* Адаптация зарубежных практик в области банкротства к правовой системе Российской Федерации ..... 30

Карунный М. М. \* Правовое регулирование использования земель сельскохозяйственного назначения в целях развития виноградарства в Республике Крым ..... 36

## ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Макарова Е.В., Кондратенко Е.В. \* Обзор судебной практики, регулирующей правоотношения договора строительного подряда ..... 41

## ЦИФРОВОЕ ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Павлов А.В. \* Цифровизация экономики: терминологический аспект ..... 50

Алиев Т.Т., Сишук Е.Я. \* Механизм исполнения судебных актов в эпоху цифровизации: проблемы и перспективы развития ..... 56

## ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

Храмова М.В. \* Доверие населения к полиции Российской империи XVIII-XIX вв.: факторы и условия влияния ..... 61

## АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Зайцева Е.М. \* Понятие публичной власти в России ..... 65

Моисеев И.А. \* Понятие «историческая правда» в конституционно-правовом и межотраслевом измерении: к проблеме определения юридического содержания ..... 69

Фирсова Д.Д., Моисеенко М.И. \* Влияние искусственного интеллекта на гражданское право: правосубъектность ИИ, ответственность за его действия ..... 73

Зорин А.В. \* Проблемы совершенствования уголовно-правового противодействия коррупции ..... 77

Голощапова Е.О. \* Актуальные проблемы реализации института суда присяжных и пути их решения ..... 80

Стрыгина С.В. \* Деятельность транспортной прокуратуры в обеспечении внутренней безопасности страны ..... 85

Титаренко И.А. \* Убийство, совершенное в состоянии аффекта: проблемы теории и практики ..... 89

Бадоян А.А. \* Сущность дополнительного расследования и специфика истории его развития в России XVIII-XX вв., как инструмента по контролю уголовного преследования ..... 93

# CONTENT:

## POLITICS AND LAW

Akhmerova D.I. \* Transformation of the international security system in the context of the formation of a multipolar world . . . . . 11

## HUMAN RIGHTS

Grudtsina L.Yu. \* Rights and freedoms of «digital man» (homo numericus) . . . . . 15

Nazarova A.I., Bolshakova E.A. \* Problems of simultaneous applicability of international human rights law and international humanitarian law in armed conflicts . . . . . 20

Metsger A.A. \* Characteristics of the system of guarantees of rights of participants in law enforcement proceedings . . . . . 24

## CIVIL LAW

Balkhaev S.A. \* Adaptation of foreign bankruptcy practices to the legal system of the Russian Federation . . . . . 30

Karunny M.M. \* Legal regulation of the use of agricultural lands for the development of viticulture in the Republic of Crimea . . . . . 36

## BUSINESS LAW

Makarova E.V., Kondratenko E.V. \* Overview of judicial practice regulating legal relations of a construction contract . . . . . 41

## DIGITAL LAW AND ECONOMICS

Pavlov A.V. \* The digitalization of the economy: terminological aspect . . . . . 50

Aliev T.T., Sishchuk E.Ya. \* The mechanism for enforcing judicial decisions in the digital age: problems and development prospects . . . . . 56

## LEGAL ARCHIVE

Khramova M.V. \* Public Trust in the Police of the Russian Empire in the 18th and 19th Centuries: Factors and Conditions of Influence . . . . . 61

## CURRENT RESEARCH

Zaytseva E.M. \* The concept of public authority in Russia . . . . . 65

Moiseev I.A. \* The concept of «historical truth» in the constitutional-legal and intersectoral dimension: to the problem of determining legal content . . . . . 69

Firsova D.D., Moiseenko M.I. \* The impact of artificial intelligence on civil law: the legal personality of AI, responsibility for its actions . . . . . 73

Zorin A.V. \* Problems of improving criminal-legal anti-corruption . . . . . 77

Goloshchapova K. O. \* Current problems of implementing the institution of trial by jury and ways to solve them . . . . . 80

Strugina S.V. \* Activities of the transport prosecutor's office in ensuring the country's internal security . . . . . 85

Titarenko I.A. \* Murder committed in a state of affect: problems of theory and practice . . . . . 89

Badoyan A.A. \* The essence of additional investigation and the specifics of its development in Russia in the XVIII-XX centuries as a tool for controlling criminal prosecution . . . . . 93

# ПОЛИТИКА И ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.12.2025 г.

DOI: 10.24412/3034-4271-2025-4-11-14

Дата принятия рукописи в печать: 21.12.2025 г.

**АХМЕРОВА Дилара Ильдаровна,**  
Студент, Уфимский государственный  
нефтяной технический университет,  
г. Уфа,  
e-mail: dilaraahmerova23@gmail.com

Научный руководитель:  
**ЧЕКРЫЖОВ Алексей Владимирович,**  
старший преподаватель кафедры международных отношений,  
истории и востоковедения,  
Уфимский государственный нефтяной технический университет,  
г. Уфа,  
e-mail: alexey\_v.chek@mail.ru

## ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

**Аннотация.** В статье рассматриваются процессы трансформации системы международной безопасности в контексте формирования многополярного мироустройства и усиления структурной нестабильности на глобальном уровне. Анализируется взаимосвязь геополитических и экономических факторов, обуславливающих эрозию традиционных механизмов поддержания международной стабильности, а также углубление кризиса универсальных институтов безопасности. Особое внимание уделяется выявлению причин ослабления прежней модели мирового порядка, основанной на доминировании ограниченного круга государств, и формированию новых центров силы, обладающих самостоятельным политико-экономическим потенциалом. В работе обосновывается тезис о том, что современная многополярность не является фактором автоматической стабилизации международной системы, а, напротив, становится катализатором конфликтности, фрагментации и усиления конкуренции за ресурсы, технологии и зоны влияния. Делается вывод о необходимости переосмысления концепции международной безопасности с учётом комплексного взаимодействия экономических, военно-политических и цивилизационных параметров.

**Ключевые слова:** международная безопасность, многополярность, геополитика, мировая экономика, глобальная нестабильность, баланс сил, международные конфликты, стратегическая конкуренция.

**AKHMEROVA Dilara Ildarovna,**  
Student, Ufa State Petroleum  
Technological University, Ufa

Academic Supervisor:  
**CHEKRYZHOV Aleksey Vladimirovich,**  
Senior Lecturer, Department of International Relations,  
History, and Oriental Studies  
Ufa State Petroleum Technological University, Ufa

## TRANSFORMATION OF THE INTERNATIONAL SECURITY SYSTEM IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF A MULTIPOLAR WORLD

**Annotation.** This article examines the transformation of the international security system in the context of the formation of a multipolar world order and increasing structural instability at the global level. It analyzes the interrelationships between geopolitical and economic factors that contribute to the erosion of traditional mechanisms for maintaining international stability, as well as the deepening crisis of universal security

*institutions. Particular attention is paid to identifying the causes of the weakening of the previous model of world order, based on the dominance of a limited number of states, and the emergence of new centers of power with independent political and economic potential. The paper substantiates the thesis that modern multipolarity does not automatically stabilize the international system, but, on the contrary, is becoming a catalyst for conflict, fragmentation, and increased competition for resources, technologies, and spheres of influence. It concludes that a rethinking of the concept of international security is necessary, taking into account the complex interaction of economic, military-political, and civilizational parameters.*

**Key words:** international security, multipolarity, geopolitics, global economy, global instability, balance of power, international conflicts, strategic competition.

## Введение

Современная система международной безопасности находится в состоянии глубокой трансформации, обусловленной структурными изменениями мировой политической архитектуры и переориентацией глобального баланса сил. Переход от относительно устойчивой модели биполярного противостояния к однополярному миру конца XX века, а затем к формирующейся многополярности сопровождается не только перераспределением влияния между государствами, но и кризисом традиционных механизмов регулирования международных конфликтов. Глобальная нестабильность становится не ситуативным явлением, а устойчивой характеристикой мирового развития, формирующей новую логику политического взаимодействия, основанную на конкуренции, асимметрии и институциональной фрагментации [2, с. 73].

## Цель и задачи

Целью настоящей статьи является теоретическое осмысление процессов трансформации системы международной безопасности в условиях становления многополярного мироустройства, а также выявление ключевых факторов, влияющих на изменение структуры глобальной стабильности и механизмов её обеспечения.

Для достижения поставленной цели в работе предполагается решение следующих задач:

- проанализировать особенности эволюции международной системы безопасности в постбиполярный период;
- выявить основные геополитические и экономические детерминанты формирования многополярного мира;
- определить характер влияния новых центров силы на устойчивость международных отношений;
- раскрыть причины кризиса традиционных институтов коллективной безопасности;
- оценить последствия усиления конкуренции и фрагментации мирового политического пространства для глобальной стабильности.

## Методы исследования

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы анализа. В работе использованы методы системного и структурно-функционального анализа, позволяющие рассмотреть международную без-

опасность как сложное и динамичное явление. Применение сравнительного метода обеспечило выявление отличий между биполярной, однополярной и формирующейся многополярной моделями мирового порядка.

## Обсуждение

Многополярный мир, провозглашаемый как альтернатива доминированию отдельных держав, на практике демонстрирует сложную картину усиления противоречий между новыми центрами силы, чьи интересы не совпадают ни по вектору развития, ни по идеологическим основаниям, ни по пониманию принципов международного права. Возникает ситуация, при которой отсутствует единый нормативный консенсус относительно допустимых границ применения силы, вмешательства во внутренние дела государств и интерпретации суверенитета [1, с. 132]. Это, в свою очередь, подрывает саму концептуальную основу международной безопасности, изначально опиравшуюся на предпосылку рационального согласования интересов и сдерживания на основе взаимного баланса.

Экономическое измерение трансформации системы безопасности играет не менее значимую роль, чем военно-политическое. Современные угрозы всё чаще приобретают геоэкономический характер, выражаясь в санкционной политике, торговых войнах, манипулировании энергетическими потоками, монополизации критически важных технологий и формировании зависимостей через финансовые инструменты. Экономика перестаёт быть автономной сферой и становится стратегическим ресурсом в борьбе за глобальное лидерство, что трансформирует само понимание безопасности как исключительно военной категории. В этой связи наблюдается интеграция понятий экономической устойчивости и национальной безопасности, где уязвимость логистических цепочек, деформация валютных систем и технологическое отставание выступают в качестве факторов стратегического риска.

## Результаты

Формирование многополярности сопровождается изменением конфигурации международных союзов и блоков, что ведёт к росту неопределённости и снижению эффективности коллективных механизмов обеспечения стабильности [3, с. 120]. Международные организации, ранее выступавшие гарантом координации и уре-

гулирования конфликтов, всё чаще оказываются неспособными выполнять свои функции в условиях политизированности и конкуренции интересов ключевых акторов. Это приводит к усилению практики односторонних действий, гибридных методов воздействия и обхода установленных процедур принятия решений, что дополнительно разрушает доверие как системообразующий элемент безопасности.

Особенность современной нестабильности заключается в её многослойности и комплексности. Наряду с традиционными угрозами в виде вооружённых конфликтов на межгосударственном уровне усиливаются нетрадиционные риски, связанные с киберпространством, информационным противостоянием, транснациональным терроризмом и неконтролируемой миграцией. Данные вызовы выходят за рамки классических представлений о суверенитете и территориальности, формируя новые уязвимости, требующие пересмотра стратегий национальной и международной безопасности. В условиях цифровизации мирового пространства информационное доминирование становится фактором влияния, сопоставимым с военной мощью, что усиливает конкуренцию за контроль над глобальными коммуникационными платформами и потоками данных.

Дополнительным измерением трансформации международной безопасности выступает изменение характера правового регулирования и практики применения международного права, которое всё чаще подвергается селективной интерпретации в зависимости от интересов конкретных акторов. В условиях ослабления универсальных норм наблюдается тенденция к формированию гибких коалиций и ситуативных партнерств, ориентированных не на долгосрочную стабильность, а на тактическое достижение преимуществ в конкретных регионах или сферах влияния. Подобная практика усиливает фрагментацию международного пространства и снижает предсказуемость поведения государств, что затрудняет разработку устойчивых механизмов коллективной безопасности [4, с. 5].

На фоне этих процессов возрастает значение регионального уровня регулирования, где государства стремятся компенсировать дефицит глобального консенсуса за счёт создания альтернативных форматов взаимодействия, основанных на принципах взаимной выгоды и прагматического баланса интересов. Однако фрагментарность таких структур и ограниченность их мандатов часто не позволяет им эффективно реагировать на системные кризисы, которые по своей природе выходят за рамки региональных границ. В результате усиливается разрыв между глобальными рисками и локальными инструментами их нейтрализации, что формирует устойчивую диспропорцию в архитектуре безопасности и способствует углублению глобальной нестабильности.

Геополитическая конфигурация многополярного мира характеризуется усилением региональных центров силы, стремящихся к расширению своего влияния за пределами национальных границ. Это проявляется в активизации военного присутствия, формировании альтернативных экономических союзов и выработке самостоятельных моделей политического развития. Такая диверсификация способствует ослаблению универсальных стандартов международного взаимодействия и увеличению зоны нестабильности, где противоречия перерастают в затяжные кризисы, не поддающиеся традиционным методам урегулирования.

### **Заключение**

Таким образом, трансформация системы международной безопасности в условиях формирования многополярного мира представляет собой сложный и противоречивый процесс, в котором экономические и геополитические детерминанты выступают как взаимосвязанные источники глобальной нестабильности. Ослабление прежней архитектуры мирового порядка, распад универсальных норм и рост конкурентности между центрами силы формируют пространство повышенной турбулентности, требующее переосмысления институциональных основ безопасности. Современные реалии демонстрируют, что устойчивость международной системы возможна лишь при условии формирования гибкой модели глобального управления, способной учитывать многообразие интересов и предотвращать эскалацию конфликтов за счёт баланса между политической конкуренцией и механизмами коллективной ответственности. В противном случае мир рискует погрузиться в состояние перманентной нестабильности, где безопасность превращается не в гарантированное состояние, а в постоянно оспариваемую категорию, зависящую от динамики перераспределения силы и ресурсов.

### **Список литературы:**

- [1] Баженов А. М. Социология международных отношений : учебник и практикум для вузов / А. М. Баженов. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Юрайт, 2025. — 227 с.
- [2] Егоров В. Г., Штоль В. В. Внешнеполитическая стратегия стран СНГ в условиях формирующегося миропорядка // Observer – Обозреватель. 2024. № 3 (404). С. 73-90.
- [3] Мальченков С. А. Категория «многополярность» в концептуальных документах России, Китая и Индии // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22, № 1, с. 120–137.
- [4] Рожкова Л. В., Сальникова О. В. Россия в системе современных международных отношений глазами молодёжи: многополярность и международная безопасность // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. № 3. С. 5-15.

### References:

[1] Bazhenov A.M. Sociology of international relations: textbook and workshop for universities/ A.M. Bazhenov. - 2nd ed., Rev. and add. - Moscow: Yurayt, 2025. - 227 s.

[2] Egorov V.G., Stoll V.V. Foreign policy strategy of the CIS countries in the context of the emerging world order//Observer - Observer. 2024. № 3 (404). S. 73-90.

[3] Malchenkov S. A. Category «multipolarity» in conceptual documents of Russia, China and India// Discourse-Pi. 2025. T. 22, No. 1, p. 120-137.

[4] Rozhkova L.V., Salnikova O.V. Russia in the system of modern international relations through the eyes of youth: multipolarity and international security//News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences. 2024. № 3. S. 5-15.



Юридическое издательство  
**«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,  
учебных и методических  
пособий, монографий,  
научных статей.

Профессионально.

В максимально  
короткие сроки.

Размещаем  
в РИНЦ, E-Library.

**ЮРКОМПАНИ**

*www.law-books.ru*

# ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.12.2025 г.  
Дата принятия рукописи в печать: 21.12.2025 г.

DOI: 10.24412/3034-4271-2025-4-15-19

**ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,**  
доктор юридических наук, профессор,  
председатель Московской городской коллегии адвокатов «Норма права»,  
профессор кафедры конституционного и международного права  
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции  
(РПА Минюста России)»,  
Почетный адвокат России, эксперт РАН,  
ORCID 0000-0001-7731-724X,  
e-mail: grudtsina@norma-prava.com

## ПРАВА И СВОБОДЫ «ЧЕЛОВЕКА ЦИФРОВОГО» (НОМО NUMERICUS)

**Аннотация.** В статье автор исследует «четвертое поколение» прав человека в аспекте цифровых прав (право на доступ к Интернету, право на защиту и реализацию прав в Интернете, право на бесплатное и открытое программное обеспечение и технологии и т.д.), изучает и сравнивает концепцию «живого права» Г.Д. Гурвича и концепцию «гибкого права» Ж. Карбонье, которая была разработана в трудах В.П. Казимирчука. В статье отмечается, что цифровая трансформация – это не только технологический, но и нормативный феномен. Автор делает вывод о том, что цифровое пространство делает видимыми «живые» источники права (правила различных сообществ, протоколы, стандарты), которые невозможно редуцировать к закону. Их необходимо признавать и институционализировать в качестве юридически релевантных порядков при соблюдении базовых процедурных стандартов.

**Ключевые слова:** цифровое право, четвертое поколение прав человека, искусственный интеллект, человек цифровой, право на доступ к Интернету, «живое» право, цифровизация права.

**GRUDTSINA Ludmila Yurievna,**  
Doctor of Law, Professor,  
Chairman of the Moscow City Bar Association «Norm of Law»,  
Professor of the Department of Constitutional and International Law of the  
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education  
«All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia),»  
Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

## RIGHTS AND FREEDOMS OF «DIGITAL MAN» (HOMO NUMERICUS)

**Annotation.** In the article, the author explores the «fourth generation» of human rights in the aspect of digital rights (the right to access the Internet, the right to protect and exercise rights on the Internet, the right to free and open source software and technology, etc.), studies and compares the concept of «living law» G.D. Gurvich and the concept of «flexible law» J. Carbonier, which was developed in the writings of V.P. Kazimirchuk. The article notes that digital transformation is not only a technological, but also a regulatory phenomenon. The author concludes that the digital space makes visible «living» sources of law (rules of various communities, protocols, standards) that cannot be reduced to the law. They must be recognized and institutionalized as legally relevant, while respecting basic procedural standards.

**Key words:** digital law, the fourth generation of human rights, artificial intelligence, digital man, the right to access the Internet, «live» law, digitalization of law.

Пришествие «человека цифрового» (homo numericus) на смену «человеку индустриальному» произошло стремительно: от первого представления APRANET'a в 1972 г. до официальной регистрации Интернета в 1983 г. и появления в 1989 г. World Wide Web прошло всего 40 лет, а мир уже опутан «всемирной паутиной». На сме-

ну печатному слову, звуку, изображению пришли цифровые технологии, когда электронные чипы захватывают все больше не только информационного, но и личного пространства.

Трансформацию претерпевают многие сферы человеческой деятельности, создаются и новые профессии и сокращаются должности, необхо-

димось в которых отпала с появлением Искусственного интеллекта (далее – ИИ), в связи с чем некоторые специалисты теряют работу и вынуждены проходить обучение по новым специальностям, востребованным на современном рынке труда. Столь стремительные изменения не обошли стороной и юридическую науку, догмы и теории которой постепенно начинают пересматриваться в связи с цифровизацией права. Влияние современных цифровых технологий на социальное бытие человека несомненно: особенно остро стоит проблема обеспечения прав человека в условиях, когда цифровизация оказывает все более ощутимое давление на выстраивавшиеся десятилетиями механизмы защиты прав на частную жизнь, свободу передвижения, интеллектуальную собственность, свободу выбора и т.д. [1]

В юридической науке принята условная (и ставшая уже классической) классификация прав человека на три поколения (естественные права, гражданские и политические права, социальные права). Однако в последние десятилетия появились такие новые права, как право на доступ к Интернету, право на защиту и реализацию прав в Интернете, право на бесплатное и открытое программное обеспечение и технологии и т.д. В их совокупности данные права (о которых пойдет речь ниже) стали называть цифровыми правами.

Логично отнести «цифровые права» к правам четвертого поколения, что делает, например, Э.В. Талапина, относя их к сфере публичных, а не частноправовых отношений. [2] Ее коллега Н.В. Варламова, заявляя об условности деления прав человека по поколениям, считает «базовым» право доступа к Интернету, а остальные цифровые права - производными от этого права.[3] Например, в Хартии прав человека в Интернете (ADC Internet Rights Charter) Ассоциации прогрессивных коммуникаций в редакции 2006 г. дано весьма расплывчатое определение содержания «прав в Интернете» в привязке к положениям Всеобщей декларации прав человека [4] - своего рода цифровая ее модернизация:

1) право на доступ к Интернету (основой данного права является ст. 26 Декларации, гарантирующая право на образование);

2) право на свободу выражения мнений и ассоциаций (ст. 19-20 Декларации, сюда же подключаются право на свободу от цензуры и право на участие в онлайн-протестах);

3) право на доступ к знаниям (вытекает из ст. 27 Декларации, гарантирующей право на участие в культурной жизни общества и научном прогрессе);

4) право на бесплатное и открытое программное обеспечение и технологии (ст. 27 Декларации);

5) право на конфиденциальность, свободу от наблюдения и шифрование (выводится из ст. 12 Декларации, гарантирующей право на неприкосновенность частной жизни);

6) право на управление Интернетом (включает право на демократический надзор за управлением и право на сетевой нейтралитет);

7) право на осведомленность, защиту и реализацию прав в Интернете (как прав публично-правового происхождения, так и прав, возникших в отношениях между частными лицами).

Представляется, что более емкая трактовка понятия и содержания цифровых прав предполагает широкие - антропологический и социологический - подходы к их анализу. [5] Например, В.Д. Зорькин имеет все основания говорить об опасности установления «цифровой диктатуры». [6] Чтобы дать объективную оценку влиянию (не обязательно отрицательному) цифровых технологий на права человека, необходимо, как нам представляется, прежде решить несколько методологических задач: во-первых, провести своего рода диагностику состояния современного права перед вызовами «цифры» на примере отдельных прав человека; во-вторых, постараться извлечь выводы из опыта решения этой и сопутствующих проблем в мировой правовой (включая судебную) практике; в-третьих, принять как объективную данность констатацию того, что усилий традиционного позитивного права по адаптации правового бытия человека к цифровой реальности уже недостаточно: необходимы более широкие — антропологический (в философском и правовом аспектах) и социологический - подходы. [7]

Применительно к «цифровой» проблематике важно более подробно остановиться на двух концепциях: «живого права» Г.Д. Гурвича и «гибкого права» Ж. Карбонье, которая была развита в трудах В.П. Казимирчука и адептов социологии права. Отметим, что цифровая трансформация – это не только технологический, но и нормативный феномен. Право «в книгах» и право «в действии» в онлайн-средах расходятся быстрее, чем их успевают согласовывать традиционные источники — закон и судебная практика. Именно потому классические интуиции социологии права вновь приобретают остроту. Г.Д. Гурвич, переосмысливая «живое право» как право социального совместного действия и развивая идею правового плюрализма, и Жан Карбонье с его «droit flexible» предложили языки, позволяющие мыслить право как децентрированный, динамичный, адаптирующийся порядок.

Г.Д. Гурвич писал о том, что «первичная правовая действительность является более объективной и конкретной, чем входящие в неё правила». Действительно, «живое право общества ... развивается и движется, ...не обращая внимания на абстрактные положения, формулируемые государством». Тем самым право мыслится как плюралистическое: наряду с «правом государства» действуют «право юристов» и, особенно значимо для нас, право социальных союзов и обществ (нормативные факты, институты).

Г.Д. Гурвич заостряет внимание на норма-

тивных фактах - устойчивых формах совместной жизни, которые предшествуют и обосновывают позитивное право, наполняя его содержанием. Судебные «правила решения» лишь стабилизируют эти факты в форме правовых предложений; законодательство – всего лишь догоняющий механизм.

Ж. Карбонье последовательно критиковал «фетишизм нормы» и чрезмерную «догматичность» права, защищая сферы «недоправа» (non-droit) и необходимость правовой мягкости. Его знаменитая формула: «Le Droit n'est pas cet absolu dont souvent nous rêvons» (Право — не тот абсолют, о котором мы часто мечтаем). В «Flexible Droit» он демонстрирует, как право должно «сгибаться, не ломаясь», реагируя на социальные изменения. Ж. Карбонье связывает гибкость права со временем: «le temps flexible de Bergson a rendu le droit flexible...». Иначе говоря, «социальная темпоральность задаёт режимы адаптации юридического материала: от декодификации и депенализации до принципиально открытых диспозиций и оценочных понятий». [8] Хотя Ж. Карбонье признаёт роль принуждения, он подчёркивает, что принудительность не исчерпывает юридического: «Принудительность права ... не является важнейшей чертой юридического». Важнее проектировать такие формы, которые допускают интерпретационную и институциональную «игру» — чтобы практики, суды и сообщества могли донастраивать право «на местности». Это - сердцевина «droit flexible». Как утверждает Ж. Карбонье, в цифровых экосистемах «жёсткие» нормы часто превращаются в «правила-зомби»: они либо обходятся, либо порождают непреднамеренные эффекты (chilling effects, overblocking). Подход Ж. Карбонье оправдывает широкое использование soft law (кодексы поведения ИИ, отраслевые стандарты, принципы by-design), [9] экспериментальные режимы (regulatory sandboxes) и «право как дизайн»: модульные, принципиальные, технологически нейтральные рамки, которые можно быстро перенастраивать.

Оба ученых (Г.Д. Гурвич и Ж. Карбонье) исходят из динамичности права как социального процесса и недоверия к «жёстким» кодификациям. Г.Д. Гурвич акцентирует первичность живых порядков (плюрализм источников), [10] Ж. Карбонье - инженерную адаптивность самого позитивного права.

Применительно к цифровизации права концепцию «живого права» Г.Д. Гурвича и концепцию «гибкого права» Ж. Карбонье можно трактовать следующим образом (разделяя на четыре смысловых блока):

1 блок. Платформенное управление и модерация контента:

- «Живое право»: правила сообществ, внутреннее апелляции, «прецеденты» модерации (case-books trust & safety) - это фактический правопорядок, на который опираются миллиарды

пользователей.

- «Гибкое право»: публичные рамки (Директивы/законы об ответственностях платформ, стандарты прозрачности, «due process by design»). Данные рамки должны оставлять зонам «живого права» пространство для донастройки, но требовать минимальные гарантии (объяснимость, уведомление, апелляция, аудит).

2 блок. Алгоритмическая регуляция и ИИ:

- «Живое право»: профессиональные и исследовательские сообщества формируют протоколы, этические гайды, «best practices» (например, datasheets, model cards), они часто предшествуют принятию новых законов и направляют вектор развития действующего законодательства.

- «Гибкое право»: метанормы и требования (risk-based подход, accountability, human-in-the-loop) в виде стандартов и мягких регуляторных инструментов, с возможностью быстрого обновления без полной перекодификации.

3 блок. Смарт-контракты, DeFi, DAO:

- «Живое право»: off-chain соглашения, правила сообществ, форумы и голосования как первичные источники «права проекта».

- «Гибкое право» (safe harbor, режимы признания DAO как юридических оболочек), модельные акты и рамки-принципы, допускающие реализацию обязанностей, но сохраняющие механизмы корректировки и судебного вмешательства при дисфункциях кода («код - это не весь закон»).

4 блок. Персональные данные и цифровая идентичность:

- «Живое право»: практики согласия и отказа, настройки приватности и «социальные ожидания» сетевых сервисов.

- «Гибкое право»: принципиальные нормы (минимизация, целевое ограничение, справедливость, объяснимость) и «дизайнерские» требования (privacy-/security-by-design), реализуемые через стандарты и сертификацию.

Следует отметить, что в области ИИ необходим риск-ориентированный режим, где «живые» профессиональные практики (документы по управлению моделями, аудит) становятся юридически значимыми, а «гибкие» публичные принципы — масштабируемыми и регулярно пересматриваемыми. Критерий успешности регуляции цифрового мира - это не количество норм, а согласованность и взаимная приспособляемость живых порядков и гибких рамок. До сих пор идут научные дискуссии о «машиночитаемости» права, когда раскрытие содержания некогда человеко-читаемой нормы поручается производить машинными средствами по усмотрению IT-администратора. Это, по мнению многих юристов и правозащитников, загоняет человека в «цифровой концлагерь». [11] Однако, следует отличать «очевидные» и «скрытые» опасности от опасностей мнимых. К очевидным опасностям можно отнести: покушения на неприкосновенность частной жизни путем скрытого наблюдения

(практике Европейского суда по правам человека уже известен ряд дел о скрытом наблюдении за служащими на рабочем месте); зависимость осуществления конституционных прав от воли других субъектов (например, провайдеров); ненадлежащее обеспечение конфиденциальности при обработке уже оцифрованной персональной информации; появление дополнительных расходов на приобретение технических средств и устройств (например, обязательное использование электронных дневников школьников в многодетных семьях); привязка к электронному адресу для получения служебной или банковской информации и т.д. [12] Немало скрытых опасностей таит пока еще не отлаженная система электронного правосудия.

Наконец, ориентация на внедрение искусственного интеллекта во все сферы правового сопровождения социальной жизни рискует обернуться стагнацией в развитии права, лишая человека стимулов к аналитическому мышлению. Возможно, часть этих опасностей перейдет в разряд мнимых по мере освоения населением навыков обращения с электронными носителями информации. Но несомненно одно: права человека, закрепленные как во Всеобщей декларации прав человека, Европейской конвенции по правам человека, международных пактах и конвенциях, так и в конституциях, претерпевают глубокую эволюцию под воздействием современных информационных технологий. [13]

В рамках «четвертого поколения» прав человека возникают новые позитивные права, такие как право доступа к Интернету - и одновременно права на защиту персональных данных и «право на забвение». Изменяются формы реализации этих прав: право на свободу слова может отныне реализовываться посредством новых средств коммуникации («веерная рассылка» на электронные адреса или создание персональных блогов). В то же время у государств появляются возможности фильтрации контента, блокирования доступа, запрета тех или иных блогов. [14] Более того, новые правоотношения приводят к появлению виртуальных или «цифровых личностей» (nickname, IP-адрес), для идентификации которых требуются новые правовые регуляторы. [15] Между виртуальными и реальными личностями появляются своего рода посредники (провайдеры, блогеры, даже роботы), которые также становятся участниками правоотношений. Право в электронном виде дублирует письменное право, и происходит, по образному выражению Т.Я. Хабриевой, «цифровая прививка» гражданскому, трудовому, административному и многим другим отраслям законодательства. [16] Да и процесс законотворчества все более подчиняется тенденциям цифровизации. Уже утвердилось в полном правовом статусе информационное право, а с ним и комплекс информационных прав человека: в более «продвинутом» варианте это «киберправо»

(особенно когда речь заходит о кибербезопасности и киберпреступности).

Таким образом, цифровое пространство делает видимыми «живые» источники права (правила различных сообществ, протоколы, стандарты), которые невозможно редуцировать к закону. Их необходимо признавать и институционализировать в качестве юридически релевантных порядков при соблюдении базовых процедурных стандартов. Позитивное публичное право должно быть «гибким»: технологически нейтральным, допускающим быстрое обновление через стандарты и руководства. Жесткая детальная кодификация в быстро меняющихся областях обречена на обесценивание. Суд и независимые органы должны выполнять роль «переводчиков» между живыми нормами и законом, предотвращая произвол сообществ и «регуляторное оцепенение» государства.

#### Список литературы:

- [1] См.: Аксенова М.А. Концепция «электронного лица» в правовом пространстве // Юрист. 2020. № 7. С. 18-24.
- [2] Талапина Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 3. С. 126.
- [3] Ковлер А.И. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 12. С. 6-7.
- [4] См.: Подузова Е.Б. Особенности статуса «цифровых» субъектов: цивилистический взгляд // Хозяйство и право. 2021. № 10. С. 21.
- [5] Ковлер А.И. Антропология прав человека в цифровую эпоху (опыт сравнительного анализа) // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 12. С. 6-7.
- [6] См.: Зорькин В.Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6. С. 14.
- [7] См.: Ковлер А. И. Цифровизация прав человека // Права человека: между прошлым и будущим: монография / под ред. Т. А. Васильевой, Н. В. Варламовой, Н. В. Колотовой. М., 2022. С. 400-411.
- [8] Carbonnier J. Flexible Droit: pour une sociologie du droit sans rigueur. Paris: LGDJ, 1969; 10e éd., 2001. [Цитаты: «Le Droit n'est pas cet absolu dont souvent nous rêvons»; «le temps flexible de Bergson a rendu le droit flexible...»].
- [9] Bisson A.-F. Review: «Jean Carbonnier. — Flexible Droit. Textes pour une sociologie du droit sans rigueur», Revue générale de droit, 1970.
- [10] Гурвич Г.Д. «Теория источников права Ойгена Эрлиха и идея социального права» // О. Эрлих. Основание социологии права. СПб.: Изд-во НП «Мир», 2013 (рус. изд.). [Цитаты см. фрагменты, где говорится: «Живое право общества ... развивается и движется...»; «первичная правовая действительность ... более объективна и конкрет-

на ...»].

[11] См., например: Полякова Т.А., Троян Н.А. Формирование научно-правовых подходов к развитию системы применения цифровых технологий в нормотворчестве // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 1. С. 43-58; Липень С.В. Трансформация теории систематизации законодательства в эпоху цифровизации права // Lex russica. 2022. Т. 75. № 2. С. 132-147.

[12] См.: Ковлер А. И. Цифровизация прав человека // Права человека: между прошлым и будущим: монография / под ред. Т. А. Васильевой, Н. В. Варламовой, Н. В. Колотовой. М., 2022. С. 400-411.

[13] Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 12.

[14] См.: Ковлер А.И. Цифровизация прав человека // Права человека: между прошлым и будущим: монография / под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой, Н.В. Колотовой. М., 2022. С. 412.

[15] Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 12. С. 36-55.

[16] См.: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 94.

#### References:

[1] See: Aksenova M.A. The Concept of an «Electronic Person» in the Legal Space // Jurist. 2020. No. 7. pp. 18-24.

[2] Talapina E.V. Evolution of Human Rights in the Digital Age // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2019. Vol. 14. No. 3. p. 126.

[3] Kovler A.I. Anthropology of Human Rights in the Digital Age (An Experience of Comparative Analysis) // Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26. No. 12. pp. 6-7.

[4] See: Poduzova E.B. Features of the Status of «Digital» Subjects: A Civilistic View // Business and Law. 2021. No. 10. p. 21.

[5] Kovler A.I. Anthropology of Human Rights in the Digital Age (An Experiment with Comparative Analysis) // Journal of Russian Law. 2022. Vol. 26. No. 12. Pp. 6-7.

[6] See: Zorkin V.D. Providentia, or the Law of the

Future in the Age of Digitalization // State and Law. 2020. No. 6. Pp. 14.

[7] See: Kovler A.I. Digitalization of Human Rights // Human Rights: Between Past and Future: Monograph / edited by T.A. Vasilyeva, N.V. Varlamova, N.V. Kolotova. Moscow, 2022. Pp. 400-411.

[8] Carbonnier J. Flexible Droit: pour une sociologie du droit sans rigueur. Paris: LGDJ, 1969; 10th ed., 2001. [Quotes: «Le Droit n'est pas cet absolu dont souvent us rêvons»; «le temps flexible de Bergson a rendu le droit flexible...»].

[9] Bisson A.-F. Review: «Jean Carbonnier. — Flexible Droit. Texts for une sociologie du droit sans rigueur», Revue générale de droit, 1970.

[10] Gurvich G.D. «Eugen Ehrlich's Theory of the Sources of Law and the Idea of Social Law» // O. Ehrlich. Foundation of the Sociology of Law. St. Petersburg: Publishing House NP «Mir», 2013 (Russian edition). [Quotes see the fragments that say: «The living law of society... develops and moves...»; «primary legal reality ... is more objective and concrete ...»].

[11] See, for example: Polyakova T.A., Troyan N.A. Formation of scientific and legal approaches to the development of the system of application of digital technologies in rulemaking // Legal policy and legal life. 2022. No. 1. pp. 43-58; Lipen S.V. Transformation of the theory of systematization of legislation in the era of digitalization of law // Lex russica. 2022. Vol. 75. No. 2. pp. 132-147.

[12] See: Kovler A.I. Digitalization of human rights // Human rights: between the past and the future: monograph / edited by T.A. Vasilyeva, N.V. Varlamova, N.V. Kolotova. Moscow, 2022. pp. 400-411.

[13] Khabrieva T. Ya. Law facing the challenges of digital reality // Journal of Russian Law. 2018. No. 9. P. 12.

[14] See: Kovler A. I. Digitalization of human rights // Human rights: between the past and the future: monograph / edited by T. A. Vasilyeva, N. V. Varlamova, N. V. Kolotova. Moscow, 2022. P. 412.

[15] Yastrebov O. A. Legal capacity of an electronic person: theoretical and methodological approaches // Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 13. No. 12. Pp. 36-55.

[16] See: Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N. Law in the context of digital reality // Journal of Russian Law. 2018. No. 1. P. 94.



**НАЗАРОВА А.И.,**  
студентка 3 курса, напр. «Юриспруденция»,  
e-mail: info@law-books.ru

**БОЛЬШАКОВА Е.А.,**  
студентка 3 курса, напр. «Юриспруденция»,  
e-mail: info@law-books.ru

Научный руководитель:  
**ЯЦЕНКО О.В.,**  
кандидат юридических наук, доцент,  
Таганрогский институт управления и экономики  
г. Таганрог, Российская Федерация,  
e-mail: info@law-books.ru

## **ПРОБЛЕМЫ ОДНОВРЕМЕННОЙ ПРИМЕНИМОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ**

**Аннотация.** Современные вооруженные конфликты, характеризующиеся сложностью, транснациональностью и участием негосударственных акторов, ставят перед международным правом сложный вопрос соотношения и совместном применении двух его ключевых отраслей: международного права прав человека (МППЧ) и международного гуманитарного права (МГП). Хотя долгое время эти системы рассматривались как отдельные, сегодня преобладает концепция их комплементарности и одновременной применимости. Однако на практике их взаимодействие порождает ряд серьезных теоретических и практических проблем, требующих осмысления и разрешения.

**Ключевые слова:** международное право прав человека (МППЧ), международное гуманитарное право (МГП), вооруженный конфликт, одновременная применимость.

**NAZAROVA A.I.,**  
3rd-year student, majoring in Jurisprudence

**BOLSHAKOVA E.A.,**  
3rd-year student, majoring in Jurisprudence

Academic Supervisor:  
**YATSENKO O.V.,**  
Candidate of Law, Associate Professor,  
Taganrog Institute of Management and Economics  
Taganrog, Russian Federation

## **PROBLEMS OF SIMULTANEOUS APPLICABILITY OF INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS LAW AND INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW IN ARMED CONFLICTS**

**Annotation.** Modern armed conflicts, characterized by complexity, transnationality and the participation of non-State actors, pose a difficult question to international law about the relationship and joint application of its two key branches: international human rights law (IHRL) and international humanitarian law (IHL). Although for a long time these systems were considered separate, today the concept of their complementarity and simultaneous applicability prevails. However, in practice, their interaction generates a number of serious theoretical and practical problems that require reflection and resolution.

**Key words:** *international human rights law (IHRL), international humanitarian law (IHL), armed conflict, simultaneous applicability.*

Международный суд ООН в консультативном заключении по делу о «Легальности угрозы или применения ядерного оружия» (1996) и более четко в деле «О правовых последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории» (2004) подтвердил, что Международного права прав человека (МППЧ) продолжает действовать во время вооруженных конфликтов. Эта позиция нашла отражение в практике договорных органов ООН по правам человека и региональных судов, таких как Европейский суд по правам человека. Таким образом, сегодня признается, что за исключением возможного отступления от некоторых прав в чрезвычайных ситуациях (по статье 4 Международного пакта о гражданских и политических правах), МППЧ применяется наравне с Международного гуманитарного права (МГП).

В условиях вооруженных конфликтов правовое регулирование защиты жизни, достоинства и основных свобод человека сталкивается с уникальным вызовом: необходимостью одновременного применения двух самостоятельных отраслей международного права — МППЧ и МГП, или право вооруженных конфликтов. Исторически сложившиеся как отдельные системы, они сегодня все чаще пересекаются, порождая доктринальные и практические проблемы. МППЧ, основанное на идее неотъемлемых прав человека, действует всегда и везде, однако допускает ограничения в чрезвычайных ситуациях оно формально действует всегда и везде, где государство осуществляет юрисдикцию. МГП, созданное специально для регулирования поведения сторон в конфликте, предусматривает особые правила для ситуаций насилия оно применяется в четко определенных ситуациях: международные и немеждународные вооруженные конфликты Их одновременное применение — не просто теоретический вопрос, а проблема, от решения которой зависят человеческие жизни [3].

Ключевая проблема — определение порога применимости МГП. Согласно общепризнанным принципам, МГП применяется только при наличии вооруженного конфликта (международного или немеждународного). МППЧ же действует непрерывно. Однако в «серых зонах» — таких как оккупация, контртеррористические операции, беспорядки, не достигающие уровня конфликта, — возникает неопределенность: какое право должно быть основным? Международный Суд ООН в «консультативном заключении о правовых последствиях возведения стены на оккупированной палестинской территории» (2004) подтвердил параллельную применимость обоих отраслей права на оккупированных территориях. Но на практике это порождает конфликты норм: например, право на жизнь в МППЧ допускает лишение

жизни только в случае «абсолютной необходимости», тогда как МГП в условиях международного конфликта разрешает нападение на законные военные цели, даже если это ведет к гибели участников боевых действий [1].

Один из наиболее острых вопросов — интерпретация права на жизнь. В МППЧ (ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах) право на жизнь защищено абсолютно, с исключениями только для случаев защиты от неминуемой угрозы жизни. МГП, в свою очередь, разрешает преднамеренное лишение жизни участников боевых действий противника, если они не вышли из строя, и даже допускает сопутствующий ущерб среди гражданских лиц, если он не является чрезмерным относительно конкретного и прямого военного преимущества (принцип пропорциональности). Европейский Суд по правам человека в делах, связанных с конфликтами в Чечне (например, «Исаева против России»), пытался применять стандарты МППЧ, оценивая, было ли использование силы «строго необходимым», даже в условиях боевых действий [5].

Еще одна сложность — правовые режимы задержания. МППЧ требует, чтобы любое лишение свободы осуществлялось на законных основаниях, с судебным контролем и правом на обжалование. МГП в международном конфликте предусматривает задержание военнопленных и интернированных гражданских лиц по четким процедурам, но без обязательного немедленного судебного пересмотра. В немеждународных конфликтах МГП вообще не содержит детальных норм о задержании. Должны ли применяться судебные гарантии МППЧ, или достаточно правил МГП? Практика США в Гуантанамо и американские операции против «Аль-Каиды» выявили этот пробел: правительство ссылалось на «глобальную войну с террором» как на немеждународный конфликт, но при этом отказывало задержанным в статусе военнопленных, не предоставляя и полноценных гарантий МППЧ. Международный Комитет Красного Креста (МККК) предлагает концепцию «функциональной взаимодополняемости»: применять наиболее конкретную и защитную норму из обеих отраслей.

Классическая доктрина МППЧ связывает обязательства государства с его территориальной юрисдикцией. Однако современные конфликты часто происходят за пределами государственных границ (оккупация, воздушные удары, морские операции). Распространяются ли в таком случае права человека на территории, подконтрольные государству, но не входящие в его суверенную территорию? Европейский Суд по правам человека в делах «Банкович и другие против Бельгии и 16 других государств-членов Совета Европы» (2001) первоначально занял ограничительную по-

зицию, но затем в делах «Аль-Джедда (Al-Jedda) против Великобритании» (2011) и «Хассан против Великобритании» (2014) признал, что государства-участники Европейской конвенции несут ответственность за действия своих войск за рубежом, если они осуществляют «эффективный контроль» над территорией или над лицами [4]. Это создает параллели с понятием «контроля» в МГП (например, ответственность оккупирующей державы), но не совпадает полностью, порождая путаницу [6].

Немеждународные вооруженные конфликты стали доминирующей формой насилия в XXI веке. В отличие от международных конфликтов, где противоборство происходит между суверенными государствами, внутренний вооруженный конфликт — это противостояние на территории одного государства между его правительственными силами и организованными вооруженными группами либо между такими группами между собой. МГП (Дополнительный протокол II 1977 г., ст. 3, общая для всех Женевских конвенций 1949 г.) содержит минимум обязательств, в то время как МППЧ остается практически единственным детализированным режимом защиты. Он развивает и конкретизирует защиту для конфликтов, в которых организованные вооруженные группы под ответственным командованием осуществляют такой контроль над территорией, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия. Протокол II не применяется к ситуациям внутренних беспорядков, напряженности, отдельных актов насилия и не предоставляет участникам вооруженных групп статуса участников военных действий или права на военный плен. В отличие от международных конфликтов, где детально регулируется статус военнопленных и интернированных гражданских лиц, МГП для внутреннего вооруженного конфликта практически не содержит норм о процедурных основаниях и условиях задержания. Это приводит к злоупотреблениям: внесудебным задержаниям, тайным тюрьмам, длительному содержанию под стражей без предъявления обвинений [2].

Механизмы контроля в МППЧ (доклады, судебные иски) и МГП (система держав-покровительниц, МККК, уголовное преследование) различны и не скоординированы. Это создает риск избирательного применения: государства могут апеллировать к МППЧ, чтобы избежать более строгих обязательств МГП (например, по обращению с задержанными), или наоборот, ссылаться на МГП для ограничения прав человека. Негосударственные вооруженные группы, как правило, не являются субъектами МППЧ, но несут обязательства по МГП, что создает асимметрию.

Проблема одновременной применимости МППЧ и МГП не является чисто теоретической. От ее решения зависит жизнь и достоинство миллионов людей, оказавшихся в зонах конфликтов.

Несмотря на прогресс в признании параллельного действия обоих режимов, ключевые коллизии, особенно вокруг применения силы, остаются. Дальнейшее развитие международного права требует не механического выбора одной системы над другой, а выработки более четких, ситуативных принципов взаимодействия. Идеалом должно стать создание единого, непротиворечивого правового пространства, где каждая отрасль вносит свой вклад в максимальную защиту человеческого достоинства в самых тяжелых условиях, которые только может пережить общество. Для этого необходим диалог между специалистами по правам человека, гуманитарным правом, военными юристами и политиками, а также смелые интерпретационные подходы со стороны международных судов и контрольных органов.

### Список литературы:

- [1] Дейвис М. Правовая неопределенность и взаимодействие между международным правом прав человека и международным гуманитарным правом в условиях вооруженного конфликта // Московский журнал международного права. – 2018. – № 1. – С. 6-24.
- [2] Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II) от 8 июня 1977 года. <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540378/>
- [3] Котляров И.И. Международное гуманитарное право: Учебник для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2021.
- [4] Постановление по делу «Банкович и другие против Бельгии и других» (Решение о приемлемости от 12 декабря 2001 г.).
- [5] Постановление по делу «Исаева, Юсупова и Базаева против России» (№ 57947/00, 57948/00, 57949/00, 24 февраля 2005 г.).
- [6] Постановление по делу «Аль-Джудери и другие против Великобритании» (№ 27021/08, 7 июля 2011 г.).
- [7] Постановление по делу «Хассан против Великобритании» (№ 29750/09, 16 сентября 2014 г.).
- [8] Постановление по делу «Люкский против России» (№ 69480/10, 21 июля 2011 г.).

### References:

- [1] Davis M. Legal uncertainty and interaction between international human rights law and international humanitarian law in the context of armed conflict // Moscow Journal of International Law. - 2018. – No. 1. – pp. 6-24.
- [2] Additional Protocol to the Geneva Conventions of August 12, 1949, concerning the Protection of Victims of Non-international Armed conflicts (Protocol II) of June 8, 1977. <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540378/>
- [3] Kotlyarov I.I. International Humanitarian

Law: A Textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House, 2021.

[4] Ruling in the case of Bankovich and Others v. Belgium and Others (Decision on Admissibility of December 12, 2001).

[5] Ruling in the case of Isaeva, Yusupova and Bazayeva v. Russia (No. 57947/00, 57948/00,

57949/00, February 24, 2005).

[6] Judgment in the case of Al-Juderi and Others v. Great Britain (No. 27021/08, July 7, 2011).

[7] Judgment in the case of Hassan v. Great Britain (No. 29750/09, September 16, 2014).

[8] Judgment in the case «Lyuksky v. Russia» (No. 69480/10, July 21, 2011).



Юридическое издательство  
**«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,  
учебных и методических  
пособий, монографий,  
научных статей.

Профессионально.

В максимально  
короткие сроки.

Размещаем  
в РИНЦ, E-Library.

**ЮРКОМПАНИ**

*www.law-books.ru*

**МЕЦГЕР Андрей Александрович,**  
кандидат юридических наук, доцент,  
доцент кафедры частного права  
Института государственного управления и права  
Государственного университета управления  
e-mail: metzger@yandex.ru

## ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМЫ ГАРАНТИЙ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

**Аннотация.** В статье проводится комплексный анализ системы гарантий прав участников правоприменительного производства в Российской Федерации. Рассматриваются теоретические подходы к понятию и классификации гарантий прав граждан, их место в механизме конституционно-правовой защиты личности. Особое внимание уделяется историческим и правовым предпосылкам формирования современных исследований гарантий прав человека в постсоветской России. Анализируется роль государства и его органов, прежде всего органов внутренних дел и прокуратуры, в обеспечении, охране и защите личных прав граждан, включая право на личную неприкосновенность. Автор раскрывает содержание общих и юридических гарантий, разграничивая гарантии реализации и гарантии охраны прав. Обосновывается необходимость системного подхода к исследованию гарантий прав как самостоятельных правовых норм, тесно связанных с механизмом правореализации. Делается вывод о значимости развития системы гарантий прав граждан для укрепления правового государства, демократии и государственного суверенитета.

**Ключевые слова:** гарантии прав граждан, правоприменительное производство, личная неприкосновенность, конституционно-правовая защита, права и свободы человека, органы внутренних дел, юридические гарантии, правовое государство.

**METSGER Andrey Alexandrovich,**  
Candidate of Law, Associate Professor,  
Associate Professor of the Department of Private Law  
of the Institute State University of  
Public Administration and Law management

## CHARACTERISTICS OF THE SYSTEM OF GUARANTEES OF RIGHTS OF PARTICIPANTS IN LAW ENFORCEMENT PROCEEDINGS

**Annotation.** This article provides a comprehensive analysis of the system of guarantees of rights for participants in law enforcement proceedings in the Russian Federation. It examines theoretical approaches to the concept and classification of guarantees of citizens' rights and their place in the mechanism of constitutional and legal protection of the individual. Particular attention is paid to the historical and legal preconditions for the development of modern research on human rights guarantees in post-Soviet Russia. The role of the state and its bodies, primarily the internal affairs agencies and the prosecutor's office, in ensuring, protecting, and defending the personal rights of citizens, including the right to personal integrity, is analyzed. The author reveals the content of general and legal guarantees, distinguishing between guarantees of implementation and guarantees of protection of rights. The need for a systematic approach to the study of guarantees of rights as independent legal norms closely linked to the mechanism of law enforcement is substantiated. A conclusion is drawn regarding the importance of developing a system of guarantees of citizens' rights for strengthening the rule of law, democracy, and state sovereignty.

**Key words:** guarantees of citizens' rights, law enforcement proceedings, personal inviolability, constitutional and legal protection, human rights and freedoms, internal affairs agencies, legal guarantees, the rule of law.

В юридической литературе существуют различные способы исследования классификации конституционных гарантий прав граждан, а также вопросов государственной охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина. Так, например, права человека рассматриваются специ-

алистами в области теории государства и права (А.Г. Бережнов, Н.С. Бондарь, [1] А.В. Малько, М.Н. Марченко, Н.И. Матузов, В.В. Оксамытный, Ю.А. Тихомиров, В.В. Лапаева, О.А. Снежко [2] и др.), конституционного и муниципального права России и зарубежных стран (С.А. Авакьян, М.В. Баглай, Е.И. Колюшин, Е.И. Козлова, Е.А. Лукашева, А.А. Акмалова и др.), международного права (И.И. Лукашук, Г.В. Игнатенко, Ю.М. Колосов, Г.И. Тункин и др.). В области научной литературы о ценностной природе права и правах человека, необходимости их государственного гарантирования и охраны, отметим работы Г.В. Мальцева, С.С. Алексеева, В.М. Капицына, [3] В.А. Карташкина, [4] В.С. Нерсисянца, Н.В. Варламовой, Н.Н. Ефремовой, Н.А. Придворнова, А.Н. Афанасьева и др. Среди политологов проблемы прав человека затрагивали в разное время С.И. Глушкова, И.И. Кузнецов, П.А. Цыганков, А.Е. Шапаров и др.

Отмечая важность и значимость вклада ряда ученых отраслевых наук в исследование гарантий прав граждан и государственной охраны и защиты прав и свобод личности [5, 6, 7, 8, 9], следует обратить внимание на недостаточную разработанность данных вопросов в науке конституционного права. Причину автор настоящей статьи видит в том, что советская наука государственного (конституционного) права исследовала, прежде всего, защиту государства, его экономической и политической систем и лишь частично (в более поздние периоды существования СССР) - охрану и защиту прав и свобод личности. [10]

Для понимания и формулирования правовых основ современных исследований гарантий прав граждан в России данное понимание является важным.

Во-первых, специфика российских (постсоветских) исследований гарантий прав граждан обусловлена достаточно поздним «включением» отечественных исследователей в изучение данных проблем ввиду правовой неразвитости в нашей стране и позднего признания в правовой системе и законодательстве гарантий прав граждан как самостоятельной ценности демократического социального правового государства. На протяжении многих десятилетий научные исследования советских ученых были посвящены защите государства и охране государственных интересов.

Во-вторых, провозглашение в Конституции РФ социального демократического правового государства «переключило» - вполне ожидаемо и обоснованно - фокус научного внимания с государственных интересов на охрану и защиту прав и свобод человека, на гарантирование его прав и свобод, на создание новых и улучшение существующих правовых механизмов охраны и защиты прав и свобод личности в Российской Федерации.

В-третьих, важным историческим событием является принятие постановления Конституционного Суда РФ, [11] признавшего верховенство

Конституции Российской Федерации при исполнении решений ЕСПЧ. До 2015 г. можно было говорить о доминировании европейских правовых норм и принципов, отражающих жизненно необходимые права и основные свободы человека и их юридические гарантии, в российской системе права.

В это время в России, в условиях становления правового государства и участия нашей страны в различных межгосударственных объединениях, действующих на территории постсоветского пространства, важное значение получила идея правового мирового сообщества, подчиняющего свое поведение нормам права. [12]

Данное историческое событие важно потому, что возлагает на российскую власть повышенную ответственность в сфере гарантирования, соблюдения, охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина. В этой связи начиная с 2015 г. в российской правовой науке число исследований о гарантиях прав человека и проблемах охраны и защиты прав и свобод, повышенной ответственности государства перед гражданином, значительно увеличилось. Содержание современного правового государства и системы права в современной России в качестве вектора своего развития определяет идею национальной обособленности, идею государственного суверенитета как важнейшую для развития российского государства и права в условиях мировой нестабильности и перманентного противостояния с ведущими державами мира.

Повышению стабильности государства, суверенитета и демократии в России будут способствовать соблюдение и гарантирование государством в лице уполномоченных органов государственной власти прав и свобод человека и гражданина. По нашему мнению, это важный для юридической науки и практики исторический момент. Напомним также, что с принятием Конституции РФ в 1993 г. ситуация существенно изменилась: права человека и гражданина перестали быть объектом только конституционного и декларативного регулирования, они закреплены в различных нормативных правовых актах, а также влияют на развитие отраслевого законодательства. При этом данное явление можно наблюдать не только в Российской Федерации, но и в других странах. Как справедливо отмечается в научной литературе, на внутригосударственном и международном уровнях все больше правоотношений регулируются через закрепление и реализацию субъективных прав. [13]

Система государственной защиты выступает главным структурным элементом в механизме конституционно-правовой защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. В целом, конституционная система государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в России обретает реальные качественные характеристики через правозащитную деятель-

ность государственных органов – компонентов правозащитной системы.

Правовые основы организации и деятельности органов внутренних дел базируются на Конституции РФ, которая относит к ведению Российской Федерации регулирование и защиту прав и свобод человека и гражданина; установление системы федеральных органов исполнительной власти; уголовное и уголовно-процессуальное законодательство (п.п. «в», «г», «о» ст. 71).

Следует отметить, что правовых исследований понятия «гарантии прав граждан» как важного элемента правового статуса личности в России с каждым годом становится все больше, что не умаляет значения и актуальности научной проблематики, не уменьшает количество задаваемых новыми поколениями ученых вопросов и формулируемых проблем в данной сфере научных исследований. Напротив, все увеличивающийся массив научной информации, усложняющегося национального законодательства и правильно сформулированных вопросов позволяют современному научному сообществу шире увидеть проблему сущности и реализации гарантий прав граждан в аспекте реформируемого российского законодательства и неизменных конституционных основ прав и свобод человека и гражданина по Конституции РФ.

Несмотря на вышеизложенное, в юридической литературе вопрос гарантий не решен однозначно. Вплоть до настоящего времени отсутствует единое определение понятия гарантий (в науке существует несколько десятков определений и обоснований этого понятия), что влечет за собой разногласия при анализе системы гарантий и их классификации. Содержание права на личную неприкосновенность и гарантии прав граждан – два разных и неразрывных понятия, характеризующих структуру личной неприкосновенности граждан. Поэтому они требуют последовательного комплексного изучения и анализа.

Гарантии прав граждан – это система общих, юридических, организационных условий, средств (способов, приемов, методов), То есть объективно сложившихся факторов и специально принимаемых мер, обеспечивающих реализацию и охрану права личной неприкосновенности.

В ходе исследования гарантий прав граждан необходимо учитывать, что право на личную неприкосновенность относится к системе личных прав, основной перечень которых исчерпывающе определен Конституцией Российской Федерации. В свою очередь, обеспечение личных прав и свобод граждан занимает значительное место в структуре деятельности многих государственных органов. К числу таковых государственных органов относятся органы внутренних дел, прокуратура.

В частности, обеспечение личных прав граждан осуществляется целой системой форм деятельности органов внутренних дел. Данную

систему образуют такие формы, как правоприменительная, организационная, информационно-консультативная, профилактическая, воспитательная. Важнейшей юридической формой деятельности органов внутренних дел в системе обеспечения личных прав граждан, является правоприменение.

Позитивные тенденции развития общих гарантий оказывают положительное влияние на формирование юридических гарантий права личной неприкосновенности, например, в уголовно-процессуальной и административной деятельности.

Переходя от рассмотрения общих гарантий личной неприкосновенности к рассмотрению юридических гарантий, автор придерживается разграничения последних на гарантии реализации права на личную неприкосновенность, к которым относятся: пределы (границы) личной неприкосновенности, ее конкретизация; юридические факты, с которыми связывается реализация личной неприкосновенности; процессуальные формы реализации личной неприкосновенности; и гарантии охраны права на личную неприкосновенность, в число которых входят: меры надзора и контроля за правомерностью поведения субъектов права с целью выявления случаев нарушения права на личную неприкосновенность; меры правовой защиты; меры юридической ответственности; меры по предупреждению и пресечению нарушений данного права; процессуальные формы охраны права на личную неприкосновенность; меры профилактики и предупреждения нарушений права на личную неприкосновенность граждан.

Следующей составляющей гарантий реализации права личной неприкосновенности являются юридические факты, с которыми связывается реализация личной неприкосновенности. То есть нормы правового акта должны указывать на юридические факты, с которыми связано обладание гражданином данным правом и переход его в стадию непосредственного пользования.

Специфическим видом юридических гарантий реализации права на личную неприкосновенность в деятельности органов внутренних дел и органов прокуратуры являются процессуальные формы реализации личной неприкосновенности. Здесь необходимо упомянуть, что при реализации гражданином права на личную неприкосновенность он сам определяет порядок реализации права, сам организует его осуществление. К примеру, процессуальная форма реализации гражданином права на личную неприкосновенность в уголовно-процессуальной деятельности органов внутренних дел в силу специфики последней не имеет каких-либо особенностей.

Другим самостоятельным и особым видом юридических гарантий личной неприкосновенности граждан являются гарантии охраны (защиты) права на личную неприкосновенность.

Меры надзора и контроля за правомерностью поведения субъектов права с целью выявления

случаев нарушения права на личную неприкосновенность со стороны органов государственной власти выражены в конституционном контроле за деятельностью высших органов государственной власти, прокурорском надзоре, ведомственном контроле и контроле судебных органов.

Следующей гарантией охраны (защиты) права на личную неприкосновенность граждан являются меры правовой защиты, при рассмотрении которых мы будем придерживаться их разграничения на меры защиты и меры юридической ответственности.

Несмотря на наличие гарантий в федеральном законодательстве и различных ведомственных нормативных актах, регламентирующих деятельность органов государственной власти, есть еще много неурегулированных вопросов. Для того, чтобы возможные незаконные действия субъектов правоохранительной деятельности не осуществлялись или в случаях их осуществления не смогли повлечь необратимых последствия нарушения права на личную неприкосновенность существуют меры по предупреждению и пресечению нарушений правовой защиты.

В качестве предупредительных мер в указанном случае можно рассматривать проведение с сотрудниками органов государственной власти, осуществляющих правоохранительную деятельность, разъяснительной и обучающей работы. В этом случае те сотрудники, которые могут нарушить данное право граждан в силу недостатка (отсутствия необходимого объема) знаний, должны получить таковые или знать, к кому из должностных лиц органов государственной власти можно обратиться за консультацией. Если нарушение права граждан на личную неприкосновенность состоялось, то в действие должны быть приведены меры пресечения, которые направлены на принудительное прекращение данного противоправного действия. К таковым можно отнести отстранение сотрудника, допустившего по неосторожности или умышленно нарушение данного права, от проведения мероприятий, вследствие которых состоялось нарушение.

Заключительной гарантией охраны (защиты) личной неприкосновенности граждан в правоохранительной деятельности являются меры профилактики и предупреждения нарушения права на личную неприкосновенность. Конечно же, здесь имеется в виду общая профилактика и предупреждение, включая широкую систему мер экономического, социального, политического и идеологического характера. Здесь необходимо иметь в виду такую закономерность: чем выше уровень экономического, социального, политического и идеологического развития государства, тем меньше нарушений права на личную неприкосновенность в правоохранительной деятельности должно совершаться. И наоборот.

В юридической теории существует несколько смежных категорий и понятий, которые, несмотря

на частое их упоминание в юридической научной литературе, до сих пор не осмыслены системно и не получили устоявшегося в юридической теории определения. К таким понятиям (категориям), по мнению автора, относятся «гарантии прав», «система гарантий право» и «механизм обеспечения прав».

Во многом понимание сущности и содержания гарантий прав граждан зависит от понятия нормы права, которая представляет собой особую разновидность социальных норм, [14] является одной из центральных категорий юридической науки и состоит в сложных системных взаимосвязях с нормами своего института и других институтов. Нередко для реализации одной правовой нормы необходимо исследовать все ее отношения в системе права. Признак системности, как верно пишет С.А. Комаров, проявляется в структурном построении нормы права (микроструктура).

В научной литературе обосновано мнение, что гарантии — это совокупность условий и способов, позволяющих беспрепятственно реализовывать правовые нормы, пользоваться субъективными правами и исполнять юридические обязанности. Под гарантиями понимаются как объективные условия существования общества, так и специально выработанные государством и обществом средства, обеспечивающие точную реализацию норм права всеми субъектами. [15]

По мнению автора статьи, важно понимать, что исследование гарантий прав в юридической науке было бы неполным без понимания того, что сами гарантии прав, в их сложной взаимосвязи с другими нормами права, являются нормами права, со своими структурными особенностями.

Иными словами, понятие и содержание гарантий прав человека и гражданина базируется на фундаменте нормы права, правопонимании и правореализации. Норма права выступает основным элементом позитивного права или иначе - системы права конкретного государства (внутригосударственного права). [16] В свою очередь, позитивное право, наряду с естественным и обычным правом, юридической практикой и доктриной, входит в правовую систему. Что касается международного права, то оно представляет собой самостоятельную правовую систему, включающую нормы права.

#### Список литературы:

- [1] Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации / Н.С. Бондарь. - М.: Юстицинформ, 2005. - С. 50.
- [2] Снежко О.А. Защита социальных прав граждан: теория и практика: монография / О.А. Снежко. - Москва: ИНФРА-М, 2020. - С. 12.
- [3] Капицын В.М. Защита прав человека в политике государств: сравнительный анализ: учеб. пособие / В.М. Капицын. — М.: ИНФРА-М, 2019.

- С. 98.

[4] Карташкин В.А. Организация Объединенных Наций и международная защита прав человека в XXI веке: Монография / В.А. Карташкин. - М.: Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. - С. 17.

[5] См., напр.: Арефьев Г.П. Понятие защиты субъективного права // Процессуальные средства реализации конституционного права на судебную защиту. - Калинин, 1982. С. 13-21.

[6] См., напр.: Бутнев В.В. К понятию механизма защиты субъективных прав // Субъективное право: проблемы осуществления и защиты. Владивосток, 1989.

[7] См., напр.: Воложанин В.П. Несудебные формы разрешения гражданско-правовых споров. - Свердловск, 1974. 203 с.

[8] См., напр.: Чечот Д.М. Субъективное право и формы его защиты. - Л., 1973. 72 с.

[9] См., напр.: Шакарян М.С. Соотношение судебной формы с иными формами защиты субъективных прав граждан // Актуальные проблемы защиты субъективных прав граждан и организаций. - М., 1995. 143 с.

[10] Лебедев В.А. Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России (теория и практика современности). - М.: изд-во Моск. ун-та, 2005. - С 157.

[11] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

[12] Шабуневич С.Н. Верховенство права как основа юридической ответственности государства в сфере обеспечения прав и свобод граждан / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 19-20 сентября 2013 г. / М-во внутр. дел РФ, Краснодар. ун-т МВД России, Новорос. фил. Краснодар. ун-та МВД России; [под общ. ред. канд. соц. наук В.А. Сосова]. - Краснодар: Издательский Дом - Юг, 2013. - С. 332-334.

[13] Невирко Д.Д. Права и свободы человека и гражданина: проблемы соотношения, взаимодействия и иерархии / Дисс... канд. юрид. наук. - Ека-

теринбург, 2004. - С. 3.

[14] Берлявский Л.Г., Шматова Е.С. Норма права как базовое понятие юридической науки // Право и образование. 2012. № 5. С. 58-59.

[15] Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры / С. А. Комаров. — 9-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. - С. 302-303.

[16] Мелехин А.В. Теория государства и права: Учебник. М.: Маркет ДС, 2007. С. 260.

#### References:

[1] Bondar N.S. Power and Freedom on the Scales of Constitutional Justice: Protection of Human Rights by the Constitutional Court of the Russian Federation / N.S. Bondar. - M.: Yustitsinform, 2005. - P. 50.

[2] Snezhko O.A. Protection of Social Rights of Citizens: Theory and Practice: Monograph / O.A. Snezhko. - Moscow: INFRA-M, 2020. - P. 12.

[3] Kapitsyn V.M. Protection of Human Rights in State Policy: A Comparative Analysis: Textbook / V.M. Kapitsyn. - M.: INFRA-M, 2019. - P. 98.

[4] Kartashkin V.A. The United Nations and International Protection of Human Rights in the 21st Century: Monograph / V.A. Kartashkin. - M.: Norma, NIC INFRA-M, 2015. - P. 17.

[5] See, e.g.: Arefyev G.P. The Concept of Protection of Subjective Rights // Procedural Means of Realizing the Constitutional Right to Judicial Protection. - Kalinin, 1982. Pp. 13-21.

[6] See, e.g.: Butnev V.V. On the Concept of a Mechanism for Protecting Subjective Rights // Subjective Right: Problems of Implementation and Protection. Vladivostok, 1989.

[7] See, e.g.: Volozhanin V.P. Non-Judicial Forms of Resolving Civil Disputes. - Sverdlovsk, 1974. 203 p.

[8] See, e.g.: Chechot D.M. Subjective Right and Forms of Its Protection. - L., 1973. 72 p.

[9] See, for example: Shakaryan M.S. Correlation of the judicial form with other forms of protection of the subjective rights of citizens // Current problems of protection of the subjective rights of citizens and organizations. - M., 1995. 143 p.

[10] Lebedev V.A. Constitutional and legal protection and defense of the rights and freedoms of man and citizen in Russia (theory and practice of our time). - M.: Moscow Publishing House. University, 2005. - P. 157.

[11] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.07.2015 No. 21-P «On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Article 1 of the Federal Law «On Ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the Protocols thereto», paragraphs 1 and 2 of Article 32 of the Federal Law «On International Treaties of the Russian Federation», parts one and four of Article 11, paragraph 4 of part four of Article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of Article 13, paragraph 4 of part 3 of Article 311 of the Arbitration

Procedure Code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of Article 15, paragraph 4 of part 1 of Article 350 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and paragraph 2 of part four of Article 413 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of a group of deputies of the State Duma» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 30. Article 4658.

[12] Shabunovich S.N. The Rule of Law as the Basis of the Legal Responsibility of the State in Ensuring the Rights and Freedoms of Citizens / Current Issues of Law and Law Enforcement Activity at the Present Stage: Proc. of the International Scientific and Practical Conf., September 19-20, 2013 / Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar. University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Novorossiysk Branch of the Krasnodar University of

the Ministry of Internal Affairs of Russia; [under the general editorship of Cand. Sci. (Social Sciences) V.A. Sosov]. - Krasnodar: Publishing House - Yug, 2013. - Pp. 332-334.

[13] Nevirko D.D. Human and Civil Rights and Freedoms: Problems of Correlation, Interaction and Hierarchy / Diss... Cand. Sci. (Law). - Ekaterinburg, 2004. - P. 3.

[14] Berlyavsky L.G., Shmatova E.S. Legal norm as a basic concept of legal science // Law and education. 2012. No. 5. Pp. 58-59.

[15] Komarov, S.A. General theory of state and law: textbook for undergraduate and graduate students / S.A. Komarov. - 9th ed., corrected. and additional - Moscow: Yurait Publishing House, 2019. - Pp. 302-303.

[16] Melehin A.V. Theory of state and law: Textbook. Moscow: Market DS, 2007. P. 260.





**ЮРКОМПАНИ**

[www.law-books.ru](http://www.law-books.ru)

Юридическое издательство  
**«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,  
учебных и методических  
пособий, монографий,  
научных статей.

Профессионально.

В максимально  
короткие сроки.

Размещаем  
в РИНЦ, E-Library.

# ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.12.2025 г.

DOI: 10.24412/3034-4271-2025-4-30-35

Дата принятия рукописи в печать: 21.12.2025 г.

**БАЛХАЕВ Суламбек Алиханович,**  
магистрант, 2 курс Высшая школа государственного аудита,  
кафедра экономических и финансовых расследований  
Московской государственной университет им. М.В.Ломоносова,  
г. Москва,  
e-mail: sulambekkk@mail.ru

## АДАПТАЦИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАКТИК В ОБЛАСТИ БАНКРОТСТВА К ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Аннотация.** Статья посвящена анализу влияния зарубежных моделей несостоятельности на формирование и развитие российского законодательства о банкротстве, прежде всего в сегменте процедур банкротства физических лиц. Автор исходно сопоставляет российский институт личной несостоятельности, введенный в 2015 году, с давно функционирующими системами consumer bankruptcy в США и Европе, основанными на доктрине «второго шанса» и принципе fresh start. На основе сравнительно-правового подхода рассматриваются ключевые элементы иностранных режимов: сроки и условия освобождения от долгов, баланс интересов кредиторов и должников, роль специализированных судов и внесудебных механизмов урегулирования задолженности, пилотные проекты персонального банкротства в Китае. Особое внимание уделено адаптации этих элементов в российском праве: внедрению института освобождения гражданина от обязательств, созданию упрощенной внесудебной процедуры банкротства через МФЦ для социально уязвимых должников, а также развитию реабилитационных и трансграничных механизмов в корпоративном банкротстве. На обширном статистическом материале демонстрируется востребованность новых институтов и одновременно выявляются риски их избыточно строгой реализации, связанные с высокой долей отказов в освобождении от долгов и ограниченной доступностью процедур. Научная новизна статьи проявляется в концепции «гибридной модели» российского банкротства, сочетающей заимствованные зарубежные решения с национальными правовыми и социальными ограничителями. Делается вывод о том, что дальнейшее совершенствование института банкротства в России предполагает продолжение диалога с международной практикой при более тонкой настройке фильтров против злоупотреблений, чтобы сохранить доверие к системе и одновременно обеспечить добросовестным должникам реальный экономический перезапуск.

**Ключевые слова:** несостоятельность, реализация имущества, адаптация, судебная практика, интерес кредиторов, реструктуризация, реабилитационные процедуры, мировые стандарты, добросовестность, правовые системы, экономика, обязательства, бремя доказывания.

**BALKHAEV Sulambek Alikhanovich,**  
Master's student, 2nd year,  
Higher School of Public Audit,  
Department of Economic and Financial Investigations,  
Lomonosov Moscow State University,  
Moscow

## ADAPTATION OF FOREIGN BANKRUPTCY PRACTICES TO THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Annotation.** The article analyzes the impact of foreign insolvency models on the formation and development of Russian bankruptcy legislation, primarily in the segment of bankruptcy procedures for individuals. The author initially compares the Russian institute of personal insolvency, introduced in 2015, with the long-functioning consumer bankruptcy systems in the United States and Europe, based on the «second chance» doctrine and the fresh start principle. Based on a comparative legal approach, the key elements of foreign regimes are considered: the terms and conditions of debt relief, the balance of interests

*of creditors and debtors, the role of specialized courts and out-of-court debt settlement mechanisms, pilot projects of personal bankruptcy in China. Special attention is paid to the adaptation of these elements in Russian law: the introduction of the institution of exemption of a citizen from obligations, the creation of a simplified out-of-court bankruptcy procedure through the IFC for socially vulnerable debtors, as well as the development of rehabilitation and cross-border mechanisms in corporate bankruptcy. Extensive statistical material demonstrates the relevance of new institutions and at the same time identifies the risks of their excessively strict implementation, associated with a high proportion of refusals to release debts and limited availability of procedures. The scientific novelty of the article is reflected in the concept of a «hybrid model» of Russian bankruptcy, combining borrowed foreign solutions with national legal and social constraints. It is concluded that further improvement of the bankruptcy institution in Russia involves continuing dialogue with international practice while fine-tuning filters against abuse in order to maintain confidence in the system and at the same time provide bona fide debtors with a real economic restart.*

**Key words:** insolvency, sale of property, adaptation, judicial practice, creditors' interest, restructuring, rehabilitation procedures, international standards, integrity, legal systems, economics, obligations, burden of proof.

### Введение

Институт несостоятельности (банкротства) физических лиц в российском праве – явление относительно новое, возникшее лишь в 2015 году с внесением соответствующих поправок в Закон о банкротстве. До этого банкротство применялось преимущественно к организациям, тогда как граждане не имели легального механизма списания долгов. Для сравнения, в большинстве развитых стран процедуры consumer bankruptcy существуют уже несколько десятилетий и рассматриваются как важный инструмент социальной защиты должников и оздоровления экономики. Актуальность изучения и внедрения зарубежных практик банкротства в российскую правовую систему обусловлена необходимостью повысить эффективность национальных процедур, сбалансировать интересы кредиторов и должников, а также обеспечить добросовестным гражданам «второй шанс» в соответствии с лучшими мировыми стандартами.

За первые годы действия закона в России наблюдался бурный рост числа личных банкротств: уже в 2018 году количество дел о несостоятельности граждан превысило число корпоративных банкротств, что свидетельствует о востребованности нового механизма. К концу 2022 года совокупное число граждан, официально признанных банкротами, достигло ≈753 тысяч человек – показатель, полученный менее чем за 7 лет с начала действия процедуры. Появление в 2020 году упрощённого внесудебного банкротства для малоимущих должников стало очередным шагом по адаптации отечественного законодательства к мировым тенденциям, облегчая доступ к списанию долгов без суда. В настоящей статье рассматривается, какие зарубежные практики в сфере банкротства (на примере Европы, Китая и др.) послужили моделью для реформирования российского законодательства, как они были реализованы на практике и какие результаты это принесло.

### Литературный обзор

Проблема адаптации зарубежного опыта бан-

кротства в российском праве получила широкое отражение в научной литературе. Исследователи отмечают, что отечественный закон о банкротстве граждан создавался не с нуля, а с опорой на модели, опробованные в других юрисдикциях. Так, М. В. Виноградова и соавт. (2018) указывают, что основное влияние на формирование российского института личной несостоятельности оказала зарубежная практика, предусматривающая освобождение добросовестного должника от непогашенных обязательств – принцип «fresh start» («свежего старта»). Авторами подчеркивается, что в мировой практике банкротство граждан рассматривается скорее как благо для честного должника, нежели как наказание: добросовестное лицо получает возможность избавиться от бремени долгов и начать жизнь заново после реализации имущества. В контраст российским реалиям, где процедура изначально воспринималась прежде всего как способ юридического списания долгов, а не инструмент социальной поддержки, приводится опыт стран Запада.

Ряд сравнительно-правовых работ фокусируется на сопоставлении конкретных национальных правовых систем. Например, в исследованиях В. С. Козловой (2024) и П. Е. Тарана (2019) проводится анализ процедур банкротства физических лиц в Великобритании и России, выявляются отличия в условиях освобождения от долгов и роли суда в этих процессах. Л. В. Близно и К. Ю. Преображенская (2020) рассматривают мировой опыт (США, Канада, Европа) и первые годы российской практики банкротства граждан, делая вывод о необходимости заимствования наиболее удачных механизмов с учетом национальной специфики. Кроме того, изучаются узкие аспекты: например, Т. П. Шишмарева (2015) анализировала немецкое законодательство о несостоятельности, показав как в Германии была введена концепция освобождения от долгов по образцу американского права, а В. О. Голубцов (2016) отмечал, что использование зарубежного опыта способно существенно улучшить правоприменение в России. Таким образом, отечественная и зарубежная доктрина сходятся во мнении, что интеграция прове-

ренных мировых практик – важное направление эволюции российского законодательства о банкротстве.

### Европейские практики

Законодательство стран Европы в области несостоятельности граждан сформировалось значительно раньше российского и нацелено на социальную реабилитацию должника при разумном учете интересов кредиторов. Так, в Великобритании институт банкротства физических лиц существует со времен Викторианской эпохи, а современное право предоставляет освобождение от задолженностей уже через 1 год после признания банкротом (если не выявлен недобросовестный Behavior). В Германии долгое время действовала более строгая модель: хотя процедура Insolvenz для потребителей была введена, по ее завершении кредиторы сохраняли право требовать с должника неудовлетворенную часть долга. Однако в начале 21 века немецкие законодатели пересмотрели подход, вдохновившись американской концепцией «честный, но несчастный должник» – был введен механизм освобождения от остаточных обязательств (Restschuldbefreiung), по сути реализующий принцип fresh start по образцу США.

Сегодня в Германии добросовестный гражданин, прошедший процедуру и выполнивший установленные судом обязательства, может быть полностью освобожден от долгов, причем недавние реформы сократили стандартный срок погашения с 6 до 3 лет. Во Франции действует особая система комиссий по делам о чрезмерной задолженности, которые помогают реструктурировать долги гражданина внесудебно или признают его банкротом с прощением долгов в судебном порядке. В скандинавских странах и в Восточной Европе также распространены механизмы, позволяющие неплатежеспособным гражданам получить списание долгов после прохождения определенного испытательного периода (обычно 3–5 лет), в течение которого часть доходов должника направляется кредиторам. В целом европейское право демонстрирует эволюцию от репрессивного взгляда на банкротство (как моральную несостоятельность должника) к современной доктрине «второго шанса», закрепленной, в частности, в Директиве ЕС 2019/1023 о превентивной реструктуризации и освобождении от долгов. Эта директива обязывает государства-члены обеспечить освобождение добросовестных предпринимателей от долгов не позднее чем через 3 года после банкротства, что стимулировало реформы национальных законодательств.

Для России европейский опыт ценен сбалансированностью подхода: должнику предоставляется возможность начать жизнь заново, однако взамен он должен претерпеть определенные ограничения (реализация имущества, временное распределение доходов, запреты на предпри-

нимательскую деятельность и др.), что служит фильтром от злоупотреблений. Подобные checks and balances вырабатывались десятилетиями практики в ЕС и могут служить ориентиром для отечественных реформ.

### Опыт США и других стран

Правовая система США исторически оказала большое влияние на мировое банкротное право. В американской доктрине право на банкротство считается неотъемлемым экономическим правом гражданина, своего рода «вентилем безопасности» капиталистической экономики. Еще в Конституции США упоминается возможность принятия единообразных законов о банкротствах, а первый федеральный закон о несостоятельности был принят в XIX веке. Сегодня в США действует одна из наиболее либеральных систем: гражданин-должник может добровольно подать заявление о банкротстве по главе 7 Кодекса о банкротствах (ликвидация с освобождением от долгов) или по главе 13 (план выплат с сохранением имущества). Согласно американскому подходу, банкротство – конституционное право, призванное защитить экономические интересы граждан как слабой стороны в отношениях с кредиторами и государством.

Механизм чрезвычайно массов: ежегодно сотни тысяч американцев объявляются банкротами, используя этот законный способ решить проблемы с долгами. Для рассмотрения таких дел существуют специализированные суды по банкротствам, что разгружает общие суды и позволяет судьям накопить экспертизу в данной сфере – аспект, которому Россия пока не имеет прямого аналога. Другие страны общего права, например Канада и Австралия, также выработали эффективные процедуры потребительской несостоятельности, схожие по духу с американскими (быстрое списание долгов при честном поведении должника, широкие возможности реструктуризации долга по соглашению с кредиторами). В Азии практики более разнообразны. Например, Япония формально допускает банкротство граждан, однако применяет его редко и сопровождает пожизненными ограничениями для банкрота (запрет занимать определенные должности, вести бизнес и т.д.), отражая традиционно негативное отношение общества к неплатежеспособности.

Республика Корея внедрила внесудебные процедуры реструктуризации долгов граждан через специальную Правительственную финансовую службу, предлагая должникам план выплаты долгов либо отсрочку при недостатке доходов. Особенно примечателен опыт Китая, правовая система которого долгое время вообще не предполагала банкротства физических лиц. В КНР существовал лишь Закон о банкротстве предприятий (2007 г.) для юридических лиц, а граждане оставались лично ответственными по долгам, что фактически исключало возможность освобожде-

ния от задолженности. Однако недавно Китай начал осторожно перенимать мировые практики: в 2020 году в Шэньчжэне (специальной экономической зоне) был запущен пилотный проект закона о персональном банкротстве – первый в новейшей истории КНР.

Новые правила ориентированы на поддержку «честных, но неудачливых» должников и предусматривают, что неплатежеспособный житель Шэньчжэня, соответствующий критериям, может пройти процедуру банкротства и за 3 года испытательного периода избавиться от долгов полностью или частично. В течение этого периода его расходы и доходы контролируются, чтобы предотвратить злоупотребления, после чего суд может списать остаток задолженности. Для Китая введение такой процедуры – революционный шаг, продиктованный как пандемией COVID-19 (спровоцировавшей волну банкротств мелких предпринимателей), так и общемировой тенденцией гуманизации финансового права. Предполагается, что успешный опыт Шэньчжэня послужит моделью для распространения института банкротства граждан по всему Китаю.

Таким образом, даже страны с традиционно жестким подходом к личным долгам начинают перенимать зарубежные механизмы облегчения долгового бремени. Для России китайский путь примечателен тем, что обе страны относились скептически к идее прощения долгов граждан, но под давлением экономических реалий вынуждены внедрять современные институты несостоятельности. Российскому законодателю важно учитывать эти примеры, адаптируя их с поправкой на национальные условия.

#### **Адаптация в российском праве**

Российская модель банкротства граждан изначально проектировалась с ориентацией на зарубежные образцы, но с учетом местных правовых традиций. Принятый в 2015 году Федеральный закон № 127-ФЗ (в части банкротства физических лиц) во многом вообрал в себя ключевые идеи западных систем. Так, в процедуре присутствует понятие освобождения гражданина от обязательств – суд по итогам реализации имущества может списать оставшиеся долги, если не установлены незаконные действия должника. Этот механизм по сути реализует доктрину fresh start и был неизвестен советскому и российскому праву ранее. Одновременно законодатель ввел ряд предохранителей от возможных злоупотреблений: например, если будет доказано, что должник действовал недобросовестно, скрывал имущество или долги, суд вправе отказать ему в освобождении от обязательств, и тогда долги сохраняются даже после процедуры. На практике такие отказы нередки – по данным юристов, существенная часть граждан не получает освобождение от долгов из-за претензий со стороны кредиторов или арбитражного управляющего.

Это показывает, что российская реализация принципа «второго шанса» более консервативна, чем в США или многих странах Европы, где автоматическое списание долгов является правилом для добросовестных банкротов. Тем не менее, сама возможность полного прощения задолженности после банкротства – это серьезный шаг вперед, приближающий Россию к мировым стандартам поддержки задолжавших граждан.

Еще одним примером прямой адаптации зарубежных практик стало введение в российское право внесудебного (упрощенного) банкротства граждан. Многие государства имеют процедуры банкротства по-asset или упрощенного списания долгов для малоимущих должников, при которых не требуется полноценное судебное разбирательство. В России долгое время не было аналогичного механизма, и граждане с небольшими долгами, не имеющие средств на судебные расходы, фактически были лишены доступа даже к процедуре несостоятельности. В 2020 году, следуя мировому тренду на деbüroкратизацию банкротства, были приняты поправки, позволившие гражданам с задолженностью от 50 до 500 тыс. руб. пройти процедуру банкротства через многофункциональные центры (МФЦ) без суда. Условием было отсутствие имущества и прекращение приставами всех исполнительных производств по долгам должника.

Такая модель явно имеет параллели с французской системой комиссий по долговым делам и канадской процедурой банкротства, где значительная роль отведена внесудебному урегулированию. Первоначально критерии были достаточно жесткими, и спрос на внесудебное банкротство был умеренным – за первые 4 месяца (с сентября по декабрь 2020 г.) было подано около 1,8 тыс. заявлений. Однако, по мере ознакомления населения с новой возможностью и особенно после смягчения условий в 2023 году (диапазон долгов расширен до от 25 тыс. до 1 млн руб., убрано требование о закрытии всех исполнительных производств для некоторых категорий должников) популярность внесудебного списания долгов резко возросла. Если в 2021 г. через МФЦ инициировали около 4,7 тыс. процедур, то в 2022 г. – уже 7,1 тыс., а в 2023 г. – почти 16 тыс. заявлений. В третьем квартале 2024 года число успешно завершённых внесудебных банкротств превысило 12,6 тыс. – больше, чем за весь предыдущий год. Всего же за первые три года действия механизма (2020–2023) статус банкрота без суда получили свыше 40 тыс. россиян, которым было списано в совокупности порядка 17 млрд руб. долгов.

Эти цифры подтверждают, что зарубежная идея облегченной процедуры несостоятельности прижилась в российской почве, хотя потребовалось корректировать законодательство под реалии (например, учитывать высокую долю пенсионеров среди должников и т.п.).

Следует отметить и другие направления адап-

тации мирового опыта. Российское корпоративное банкротство также развивалось с оглядкой на зарубежные модели – например, введение реабилитационных процедур (финансовое оздоровление, внешнее управление) в Законе о банкротстве 2002 г. отражало желание перенять элементы американской Chapter 11 или германской Insolvenzplan. Хотя эти процедуры не получили широкого применения на практике, сам их дух – спасение бизнеса через реструктуризацию – был заимствован из внешнего опыта. В последние годы все более актуальной становится проблема трансграничных банкротств. Здесь российское право также движется вслед за международными тенденциями: в 2018 году Россия присоединилась к Всемирной декларации о сотрудничестве судов при трансграничной несостоятельности, а в 2023–2024 гг. Верховный суд РФ в ряде прецедентов признал возможность ограниченного признания иностранных процедур банкротства на территории РФ. Эти шаги свидетельствуют о постепенной интеграции принципов UNCITRAL Model Law и других международных актов в отечественную практику, что особенно важно в условиях глобализации экономики.

Таким образом, процесс адаптации зарубежных практик банкротства в России уже идет полным ходом. Законодатель и суды перенимают как институциональные решения (введение личного банкротства, упрощенных процедур, реабилитационных механизмов), так и концептуальные подходы (приоритет добросовестности, баланс интересов сторон, стремление к экономическому оздоровлению должника). При этом учитываются и национальные особенности: например, более высокая настороженность общества к списанию долгов требует сохранять определенные ограничения для банкротов (временный запрет на предпринимательство, сохранение долгов при злонамеренных действиях и т.д.), чтобы поддерживать доверие к системе. Каждая новая норма проходит проверку практикой и нередко корректируется – что соответствует опыту тех же европейских стран, где банкротное законодательство неоднократно реформировалось в ответ на экономические вызовы. В результате формируется гибридная модель, сочетающая лучшие зарубежные наработки и отечественные правовые ценности.

### **Заключение**

Развитие института банкротства в России на рубеже 2010–2020-х годов наглядно демонстрирует плодотворность обращения к иностранному опыту. Введение процедуры несостоятельности физических лиц в 2015 году фактически ликвидировало многолетний пробел в защите должников – и опиралось на проверенные решения, ранее реализованные в США, Европе и других юрисдикциях. Как показывают статистические данные, данный механизм оказался востребован гражданами: за неполные 7 лет сотни тысяч

россиян успешно воспользовались процедурой для списания непосильных долгов. Внесудебное банкротство, запущенное в 2020 году по образцу упрощенных процедур других стран, сделало институт еще более доступным, особенно для социально уязвимых категорий населения. Одновременно адаптация зарубежных практик выявила и ряд вызовов.

Требуется тонкая настройка нормативных фильтров, чтобы с одной стороны не допустить злоупотреблений (ложного банкротства, сокрытия активов), а с другой – не лишить добросовестных должников той защиты, которую им обещает закон. Зарубежный опыт предоставляет богатый материал для такой настройки: от американской модели всеобъемлющего «второго шанса» до европейских компромиссных схем, сочетающих списание долгов с определенными обязанностями банкрота. Уже сейчас можно говорить об определенных успехах: российская система банкротства граждан эволюционирует в сторону большей эффективности и человечности, постепенно уходя от прежнего стигматизирующего подхода. Вместе с тем, процесс заимствования не является одноразовым актом – это постоянный диалог правовых культур. Законы о несостоятельности во всем мире изменяются в ответ на экономические кризисы и социальные запросы, и Россия не является исключением.

Продолжающийся анализ лучших мировых практик, их творческая адаптация и обсуждение на научном уровне позволят и впредь совершенствовать национальное законодательство о банкротстве. В перспективе это будет способствовать как повышению позиций России в международных рейтингах ведения бизнеса (где наличие эффективного института банкротства – важный критерий), так и укреплению социальной справедливости, предоставляя добропорядочным гражданам возможность избавления от безнадежных долгов и возвращения к экономически активной жизни.

### **Список литературы:**

- [1] Vinogradova, M. V., Kulyamina, O. S., Vishnyakova, V. A., & Oganyan, V. A. (2018). Bankruptcy of individuals: Russian and foreign experience. *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues*, 21(4), 1–11.
- [2] РБК – РосБизнесКонсалтинг. (2024, 15 октября). Рекордное число россиян стали банкротами без суда. Доступно на сайте RBC.ru.
- [3] Kirton, D., & Chen, Y. (2020, June 4). Shenzhen drafts China's first personal bankruptcy laws as virus pressures economy. *Reuters*.
- [4] Varaksin, M. (2019, 15 февраля). Итоги-2018 от Верховного суда: банкротство и экономические споры. Портал Право.ru.
- [5] Федресурс (Единый федеральный реестр сведений о банкротстве). (2023). Банкротства в России: итоги 2022 года (статистический релиз).

Москва.

[6] Directive (EU) 2019/1023 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on preventive restructuring frameworks, on discharge of debt and on disqualifications. Official Journal of the EU, L 172/18 (вступила в силу 16.07.2019).

#### References:

[1] Vinogradova, M. V., Kulyamina, O. S., Vishnyakova, V. A., & Oganyan, V. A. (2018). Bankruptcy of individuals: Russian and foreign experience. Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues, 21(4), 1–11.

[2] RBC - RosBusinessConsulting. (2024, October 15). A record number of Russians went bankrupt

without trial. Available on RBC.ru.

[3] Kirton, D., & Chen, Y. (2020, June 4). Shenzhen drafts China's first personal bankruptcy laws as virus pressures economy. Reuters.

[4] Varaksin, M. (2019, February 15). Results-2018 from the Supreme Court: bankruptcy and economic disputes. Право.ru. Portal.

[5] Fedresurs (Unified Federal Register of Bankruptcy Information). (2023). Bankruptcies in Russia: results of 2022 (statistical release). Moscow.

[6] Directive (EU) 2019/1023 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on preventive restructuring frameworks, on discharge of debt and on disqualifications. Official Journal of the EU, L 172/18 (effective 16.07.2019).



**ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,  
учебных и методических  
пособий, монографий,  
научных статей.

Профессионально.

В максимально  
короткие сроки.

Размещаем  
в РИНЦ, E-Library.

**ЮРКОМПАНИ**

*www.law-books.ru*

**КАРУННЫЙ М. М.,**  
студент Крымского филиала Федерального  
государственного бюджетного  
образовательного учреждения  
высшего образования  
«Российский государственный  
университет правосудия имени В. М. Лебедева»,  
г. Симферополь, Россия  
e-mail: info@law-books.ru

Научный руководитель:  
**ИВАНОВА Ольга Геннадьевна,**  
доцент, кандидат юридических наук  
Крымский филиал Федерального  
государственного бюджетного  
образовательного учреждения  
высшего образования  
«Российский государственный  
университет правосудия имени В. М. Лебедева»,  
г. Симферополь, Россия  
e-mail: info@law-books.ru

## **ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ В ЦЕЛЯХ РАЗВИТИЯ ВИНОГРАДАРСТВА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ**

**Аннотация.** Статья посвящена комплексному анализу правового регулирования использования земель сельскохозяйственного назначения для развития виноградарства в Республике Крым. Рассматривается правовой режим данных земель в контексте специфики капиталоемкой отрасли виноградарства. Исследуется эффективность мер государственной поддержки, включая механизмы субсидирования на закладку виноградников и приобретение оборудования. Выявляются правовые коллизии и административные барьеры, с которыми сталкиваются сельхозпроизводители. Особое внимание уделяется перспективам интеграции виноградарства с винным туризмом и необходимости учета агроэкологических особенностей крымского региона (терруаров) в правовых нормах. Делается вывод о том, что существующая правовая база создает основы для инвестиционной активности, но требует дальнейшего совершенствования для устойчивого развития отрасли.

**Ключевые слова:** правовое регулирование, земли сельскохозяйственного назначения, виноградарство, Республика Крым, государственная поддержка, правовой режим земель, винный туризм, субсидии, терруар, аграрное право.

**KARUNNY M.M.**  
Student of the Crimean Branch  
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education  
«Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev»,  
Simferopol, Russia

Academic supervisor:  
**IVANOVA Olga Gennadyevna,**  
Associate Professor, PhD in Law,  
Crimean Branch of the Federal State Budgetary  
Educational Institution of Higher Education,  
V. M. Lebedev Russian State University of Law,  
Simferopol, Russia

# LEGAL REGULATION OF THE USE OF AGRICULTURAL LANDS FOR THE DEVELOPMENT OF VITICULTURE IN THE REPUBLIC OF CRIMEA

**Annotation.** *This article provides a comprehensive analysis of the legal framework governing the use of agricultural land for viticulture development in the Republic of Crimea. It examines the legal regime of these lands in the context of the capital-intensive viticulture industry. The study assesses the effectiveness of state support measures, including subsidy mechanisms for establishing vineyards and purchasing equipment. Legal conflicts and administrative barriers faced by agricultural producers are identified. Particular attention is paid to the prospects of integrating viticulture with wine tourism and the necessity of considering the agro-ecological specifics of the Crimean region (terroir) in legal norms. The conclusion is drawn that the existing legal framework provides a foundation for investment activity but requires further refinement for the sustainable development of the industry.*

**Key words:** *legal regulation, agricultural land, viticulture, Republic of Crimea, state support, legal regime of land, wine tourism, subsidies, terroir, agrarian law.*

Правовой режим земель сельскохозяйственного назначения представляет собой одну из центральных категорий в системе аграрного и земельного права Российской Федерации. Его значение многократно возрастает в контексте развития такой специфической и капиталоемкой отрасли, как виноградарство, которое для Республики Крым является не только экономически значимым, но и культурно-историческим направлением. Современное правовое регулирование призвано обеспечить баланс между двумя ключевыми задачами: стимулированием инвестиционной и хозяйственной активности в сфере виноградарства и одновременным сохранением уникального земельно-ресурсного потенциала полуострова. Актуальность темы обусловлена активным развитием законодательства, направленного на поддержку данной отрасли, включая механизмы финансовой поддержки и интеграции смежных видов деятельности, таких как винный туризм. Целью настоящей статьи является комплексный анализ правовых основ использования земель сельскохозяйственного назначения для целей виноградарства в Крыму, включая оценку эффективности мер государственной поддержки и выявление правовых коллизий.

Ключевым элементом правового регулирования является установление строгого целевого режима использования земель сельскохозяйственного назначения. Как справедливо отмечается в аналитических материалах, «юридическая чистота участка — половина успеха. Категория земли, вид разрешенного использования, регламенты зонирования...» являются отправной точкой для любого проекта в сфере виноградарства [1]. Этот тезис находит свое подтверждение в судебной практике, где нарушения целевого характера использования земель или процедур их предоставления становятся предметом судебных разбирательств, как, например, в деле о признании недействительными права собственности и решения о передаче земельного участка в Ялте [2]. Правовой статус земельного участка дополнительно усложняется установленными законодательством ограничениями, в частности, мак-

симальным размером общей площади земель сельскохозяйственного назначения, которая может находиться в собственности одного лица, не превышающим 1000 гектаров, а также особым порядком совершения сделок купли-продажи, предусматривающим преимущественное право покупки субъектом Российской Федерации [3].

В рамках реализации Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Республики Крым, утвержденной постановлением Совета министров Республики Крым от 13 декабря 2019 года № 732 [4], был разработан детальный механизм предоставления субсидий. Данный механизм финансовой поддержки, регламентированный отдельными постановлениями, направлен на возмещение части затрат субъектам виноградарства и виноделия [5]. Поддержка предоставляется по нескольким целевым направлениям: финансовое обеспечение части затрат на приобретение отечественного посадочного материала для закладки виноградных насаждений; приобретение и установку шпалер на молодых виноградниках; а также возмещение части затрат на приобретение основных средств и оборудования для виноградников, вступивших в товарное плодоношение. Эффективность государственной поддержки подтверждается практическими данными: как отмечают Шутаева Е.А. и Побирченко В.В., в период с 2014 по 2023 год на развитие виноградарства и питомниководства в Республике Крым было выделено 3 320,48 млн рублей, что позволило заложить 9055,81 га новых насаждений [6]. Однако исследователи констатируют, что объем государственной поддержки остается недостаточным для покрытия всех потребностей отрасли, особенно в части модернизации инфраструктуры, строительства оросительных систем и закупки современного оборудования, а малые и средние предприятия сталкиваются со сложными бюрократическими процедурами при получении субсидий.

Порядок предоставления субсидии характеризуется детальной проработкой процедуры отбора получателей. Он осуществляется в элек-

тронной форме через систему «Электронный бюджет» на основе запроса предложений. К участникам отбора предъявляется широкий перечень требований, включающий отсутствие просроченной задолженности перед бюджетом, запрет на нахождение в процессе ликвидации или реорганизации, а также соответствие критериям, связанным с правовым статусом земельных участков. В частности, мероприятия, на которые предоставляется субсидия, должны осуществляться на земельных участках, находящихся в собственности получателя или в пользовании по договорам сроком не менее 5 лет, при этом сведения о правах должны содержаться в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН) [5]. Требование о наличии долгосрочных прав на землю выступает важной правовой гарантией целевого и ответственного использования сельскохозяйственных угодий.

Эффективное правовое регулирование невозможно без учета агроэкологических особенностей виноградарства. Аналитики подчеркивают, что успех проекта закладывается на этапе выбора земельного участка и его анализа. «Терруар живет на пересечении климата, рельефа и геологии. Крым делится на сухую степь, предгорья и южный берег. ... В одном районе лозе хватает влаги из почвы, в другом без капельного полива кусты сдадутся» [1]. Это утверждение иллюстрирует, что правовые механизмы, такие как лицензирование забора воды для полива и соблюдение норм Водного кодекса РФ в части водоохранных зон, напрямую зависят от природных условий конкретного терруара. В этой связи Свиридова А.Д. и Власов А.И. акцентируют внимание на том, что в условиях засушливого климата отдельных зон Крыма, в частности, западной степной части, активное использование систем орошения является необходимым условием для поддержания стабильной урожайности [7]. Правовые аспекты водопользования, таким образом, становятся неотъемлемым элементом правового режима земель, используемых для виноградарства.

Правовые акты о субсидиях косвенно стимулируют хозяйствующих субъектов к соблюдению агротехнических норм. Например, требование о наличии проекта организации территории и закладки виноградников, а также о внесении сведений в федеральный реестр виноградных насаждений, является правовой формой, обеспечивающей контроль за целевым и квалифицированным использованием земель. Таким образом, происходит взаимопроникновение экологических, агротехнических и правовых норм, создавая комплексный режим регулирования. Правовой режим также обязывает лиц, использующих земли сельскохозяйственного назначения, осуществлять производство способами, обеспечивающими воспроизводство плодородия земель, исключаящими неблагоприятное воздействие на окружающую среду, а также предоставлять в

уполномоченные органы сведения об использовании агрохимикатов и пестицидов.

Перспективным направлением развития отрасли является интеграция виноградарства с туристической деятельностью. В октябре 2025 года в Государственную Думу был внесен законопроект, разработанный депутатами от Краснодарского края и Крыма, который предусматривает возможность создания инфраструктуры сельского туризма на землях сельскохозяйственного назначения, объединенной с винодельческим предприятием в единый недвижимый комплекс. Данная законодательная инициатива содержит важные правовые ограничения, направленные на предотвращение спекуляций и сохранение сельскохозяйственного земельного фонда. Как отметил один из авторов законопроекта, депутат Сергей Алтухов, «параметры объектов сельского туризма зависят от площади участка и плотности высадки лозы» [8]. В частности, предлагается разрешать строительство на участках площадью не менее 5 га, при этом площадь застройки не должна превышать 0,5% от площади виноградных насаждений, а плотность посадок должна составлять не менее 2222 кустов на 1 га. Такой подход, по мнению законодателей, призван не допустить повторения «печального опыта, например, в Мысхако под Новороссийском, где на месте уникальных терруаров появились жилые кварталы многоквартирных домов». Развитие винного туризма рассматривается в стратегических документах как один из факторов роста инвестиционной привлекательности отрасли и расширения экспортного потенциала крымской винодельческой продукции.

Правовое регулирование не свободно от противоречий, что порождает судебные споры. Анализ судебной практики, в частности, апелляционного определения Верховного Суда Республики Крым по делу № 33-487/2018, свидетельствует о наличии конфликтов, связанных с нарушением процедуры предоставления земельных участков для виноградарства [2]. В данном деле истец оспаривал законность предоставления земельного участка третьим лицам, ссылаясь на ранее выданное ему разрешение на разработку проекта землеустройства. Судебный спор разрешился в пользу истца, что указывает на необходимость строгого соблюдения установленных процедур и учета ранее возникших прав. Еще одной проблемной зоной является сложность согласования деятельности, особенно в части водопользования и строительства объектов инфраструктуры. Как отмечается в экспертных оценках, «инвестор недооценивает воду. Это ошибка номер один. ... вода тихо разрушит план насаждения за три сезона». Это указывает на то, что правовые аспекты лицензирования водопользования и соблюдения водоохранного законодательства требуют самого пристального внимания со стороны субъектов виноградарства. Дополнительным вызовом,

как отмечают Шутаева Е.А. и Побирченко В.В., является высокий удельный вес старых виноградников, возраст которых превышает 20 лет и составляет 41% от общей площади насаждений, что требует активного обновления посадок и влечет значительные финансовые затраты для сельхозпроизводителей.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов о современном состоянии правового регулирования использования земель сельскохозяйственного назначения для развития виноградарства в Республике Крым. Сформирована разветвленная система государственной поддержки отрасли, центральным элементом которой является предоставление целевых субсидий. Данный механизм отличается детальной регламентацией процедур, жесткими критериями отбора получателей и ориентацией на достижение конкретных результатов, что в целом соответствует задачам импортозамещения и устойчивого развития агропромышленного комплекса, однако, как показывают исследования, объем финансирования остается недостаточным, а административные барьеры – высокими. Правовое регулирование стремится к комплексному учету не только хозяйственно-экономических, но и агроэкологических факторов. Нормы, касающиеся целевого использования земель, тесно переплетаются с требованиями рационального природопользования, что создает основу для сохранения уникальных терруаров Крыма. Наблюдается тенденция к интеграции правовых режимов различных видов деятельности. Законодательные инициативы в сфере винного туризма направлены на создание гибких правовых конструкций, позволяющих совмещать сельскохозяйственное производство с туристическим сервисом, но при этом обеспечивающих защиту ценных земель от застройки. Остаются актуальными проблемы правоприменительного характера, связанные с коллизиями прав на землю, сложностью административных процедур, необходимостью соблюдения экологических и водохозяйственных нормативов, а также структурными проблемами самой отрасли, такими как дефицит качественного посадочного материала, нехватка квалифицированных кадров и высокий возрастной показатель виноградных насаждений. Для их минимизации требуется дальнейшее совершенствование законодательства и правоприменительной практики.

Таким образом, правовая база, регулирующая использование земель сельскохозяйственного назначения для виноградарства в Республике Крым, представляет собой динамично развивающуюся систему, направленную на создание благоприятных условий для инвестиций и ведения хозяйственной деятельности при одновременном обеспечении сохранности и целевого использования земельных ресурсов. Дальнейшее развитие отрасли, в том числе в свете реализации стратегических планов по увеличению площадей

виноградников до 150 тыс. га к 2050 году, будет в значительной степени зависеть от слаженности механизмов правового регулирования, эффективности государственной поддержки и учета агроэкологических особенностей крымского региона.

#### Список литературы:

- [1] Участки для виноградников: почвы и законы Крыма и Краснодарского края. – 2025. – URL: <https://zemelyabot.ru/blog/> (дата обращения: 29.11.2025).
- [2] Определение по делу № 33-487/2018 // Верховный Суд Республики Крым. – 2018. – URL: <https://vs--krm.sudrf.ru/> (дата обращения: 29.11.2025).
- [3] Правовые особенности земель сельскохозяйственного назначения // Управление сельского хозяйства администрации Симферопольского района. – 25 января 2021.
- [4] Об утверждении Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Республики Крым: постановление Совета министров Республики Крым от 13 декабря 2019 года № 732 // <https://msh.rk.gov.ru/documents/8a0d3f83-cea1-4f3f-9d0e-eca06c38a839> (дата обращения: 29.11.2025).
- [5] О вопросах предоставления субсидий из бюджета Республики Крым юридическим лицам (за исключением государственных (муниципальных) учреждений), индивидуальным предпринимателям на стимулирование развития виноградарства и виноделия в рамках реализации Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Республики Крым: Постановление Совета министров Республики Крым от мая 2024 года // <https://rk.gov.ru/documents/dad522f3-ed22-447a-a463-1e6a286b7277?ysclid=mij98xk4y4568117681> (дата обращения: 29.11.2025).
- [6] Шутаева Е. А., Побирченко В. В. Современное состояние и перспективы развития виноградарства в Республике Крым: факторы роста и вызовы отрасли // Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского. – 2025.
- [7] Свиридова А. Д., Власов А. И. Перспективы отечественного виноградарства (на примере Ростовской области и Республики Крым) // Экономика и экология территориальных образований. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 74-86.
- [8] Депутаты Кубани и Крыма внесли законопроект о развитии винного туризма [Электронный ресурс] // РБК. – 2025. – URL: <https://rostov.rbc.ru/> (дата обращения: 29.11.2025).

#### References:

- [1] Vineyard Plots: Soils and Laws of Crimea and Krasnodar Krai. – 2025. – URL: <https://zemelyabot.ru/blog/> (date accessed: 29.11.2025).

[2] Determination in Case No. 33-487/2018 // Supreme Court of the Republic of Crimea. – 2018. – URL: <https://vs--krm.sudrf.ru/> (date accessed: 29.11.2025).

[3] Legal Features of Agricultural Land // Department of Agriculture of the Simferopol District Administration. – January 25, 2021.

[4] On approval of the State Program for the Development of Agriculture and Regulation of Agricultural Products, Raw Materials, and Food Markets of the Republic of Crimea: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Crimea dated December 13, 2019 No. 732 // <https://msh.rk.gov.ru/documents/8a0d3f83-cea1-4f3f-9d0e-eca06c38a839> (date accessed: November 29, 2025).

[5] On the provision of subsidies from the budget of the Republic of Crimea to legal entities (except for state (municipal) institutions), individual entrepreneurs to stimulate the development of viticulture and winemaking within the framework of the implementation of the State Program for

the Development of Agriculture and Regulation of Agricultural Products, Raw Materials and Food Markets of the Republic of Crimea: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Crimea dated May 2024 // <https://rk.gov.ru/documents/dad522f3-ed22-447a-a463-1e6a286b7277?ysclid=mij98xk4y4568117681> (date accessed: 29.11.2025).

[6] Shutayeva E. A., Pobirichenko V. V. Current state and prospects for the development of viticulture in the Republic of Crimea: growth factors and challenges of the industry // Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. – 2025.

[7] Sviridova A. D., Vlasov A. I. Prospects for Domestic Viticulture (using the Rostov Region and the Republic of Crimea as an example) // Economy and Ecology of Territorial Entities. – 2021. – Vol. 5, No. 3. – Pp. 74-86.

[8] Deputies of Kuban and Crimea introduced a bill on the development of wine tourism [Electronic resource] // RBC. – 2025. – URL: <https://rostov.rbc.ru/> (accessed: 11/29/2025).





**ЮРКОМПАНИ**

*www.law-books.ru*

Юридическое издательство  
**«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,  
учебных и методических  
пособий, монографий,  
научных статей.

Профессионально.

В максимально  
короткие сроки.

Размещаем  
в РИНЦ, E-Library.

# ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.12.2025 г.

DOI: 10.24412/3034-4271-2025-4-41-49

Дата принятия рукописи в печать: 21.12.2025 г.

**МАКАРОВА Екатерина Викторовна,**

доцент кафедры юриспруденции

Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (МФПУ),

г. Москва,

e-mail: ekmakarova@yandex.ru

**КОНДРАТЕНКО Елена Владимировна,**

студентка магистратуры кафедры юриспруденции

Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (МФПУ),

г. Москва,

e-mail: fd89528@yandex.ru

## ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ, РЕГУЛИРУЮЩЕЙ ПРАВООТНОШЕНИЯ ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА

**Аннотация.** Предмет и цель исследования: Статья представляет собой комплексный обзор и анализ основных направлений судебных споров, возникающих из договоров строительного подряда в российской практике. Цель работы — систематизировать ключевые проблемные зоны, выявить типичные конфликты между заказчиками и подрядчиками и описать сложившиеся подходы судов к их разрешению.

Методология: Исследование основано на анализе судебной практики, включая постановления Верховного Суда РФ, Президиума ВАС РФ, а также решения арбитражных судов различных инстанций. Методологическую основу составляет догматический анализ норм Гражданского кодекса РФ и специального законодательства (например, ФЗ № 214-ФЗ) в сочетании с казуальным изучением конкретных судебных дел.

Основные результаты и выводы:

1. Выделены пять ключевых категорий споров: о качестве работ и технологических нарушениях; о соблюдении сроков и оплате; о юридической квалификации договора; о проблемах субподряда; о гарантийных обязательствах и устранении дефектов.

2. Установлено, что суды при разрешении споров строго требуют документального подтверждения всех обстоятельств (дефектов, задержек, платежей) и часто назначают строительно-техническую экспертизу для установления причинно-следственных связей.

3. Подтверждена тенденция судебной практики к буквальному соблюдению договорных условий (сроков, порядка оплаты, гарантийных сроков), при этом суды пресекают злоупотребления, такие как необоснованная задержка платежей.

4. Выявлена важность четкого оформления договорных отношений как строительного подряда, поскольку неправильная квалификация ведет к ошибочному применению законодательства.

5. Сделан вывод о том, что для эффективной защиты своих прав сторонам необходимо тщательно фиксировать все этапы работ в документах (актах, переписке), своевременно предъявлять претензии и обосновывать свои требования.

Практическая значимость: Материалы статьи имеют высокую прикладную ценность для юристов, руководителей строительных компаний и заказчиков. Обзор позволяет прогнозировать судебные риски, правильно выстраивать договорную работу и стратегию поведения в суде, минимизируя финансовые и репутационные потери.

**Ключевые слова:** договор строительного подряда, судебные споры, качество строительных работ, сроки выполнения работ, оплата по договору подряда, гарантийные обязательства, субподряд, судебная практика, Верховный Суд РФ.

**MAKAROVA Ekaterina Viktorovna,**

Associate Professor, Department of Law,

Moscow Financial and Industrial University «Synergy» (MFPIU)

## OVERVIEW OF JUDICIAL PRACTICE REGULATING LEGAL RELATIONS OF A CONSTRUCTION CONTRACT

**Annotation.** *Subject and purpose of the study:* This article provides a comprehensive overview and analysis of the main areas of litigation arising from construction contracts in Russian practice. The purpose of the study is to systematize key problem areas, identify typical conflicts between customers and contractors, and describe the approaches taken by courts to resolve them.

*Methodology:* The study is based on an analysis of court practice, including rulings of the Supreme Court of the Russian Federation, the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, and decisions of arbitration courts of various instances. The methodological basis is a dogmatic analysis of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation and special legislation (e.g., Federal Law No. 214-FZ) combined with a case-by-case study of specific court cases.

*Main results and conclusions:*

Five key categories of disputes have been identified: disputes concerning the quality of work and technological violations; disputes concerning compliance with deadlines and payment; disputes concerning the legal qualification of the contract; disputes concerning subcontracting issues; and disputes concerning warranty obligations and the elimination of defects.

It was found that when resolving disputes, courts strictly require documentary evidence of all circumstances (defects, delays, payments) and often appoint construction and technical expertise to establish cause-and-effect relationships.

The trend in judicial practice toward strict compliance with contractual terms (deadlines, payment procedures, warranty periods) has been confirmed, with courts cracking down on abuses such as unjustified delays in payment.

The importance of clearly defining contractual relationships such as construction contracts has been identified, as incorrect classification leads to the erroneous application of legislation.

It has been concluded that in order to effectively protect their rights, the parties must carefully record all stages of work in documents (acts, correspondence), submit claims in a timely manner, and justify their claims.

*Practical significance:* The materials of the article are of high practical value for lawyers, construction company managers, and customers. The review allows one to predict legal risks, correctly structure contractual work and a strategy for behavior in court, minimizing financial and reputational losses.

**Key words:** construction contract, litigation, quality of construction work, deadlines for completion of work, payment under a contract, warranty obligations, subcontracting, court practice, Supreme Court of the Russian Federation.

### Обзор судебной практики, регулирующей правоотношения договора строительного подряда

Проанализировать теоретические основы и практическое применение договора строительного подряда, выявить особенности правового регулирования, а также определить проблемные аспекты и предложить пути их решения для повышения эффективности исполнения договорных обязательств.

Задачи исследования

Изучить нормативно-правовую базу, регулирующую договор строительного подряда.

Проанализировать теоретические подходы к определению понятий «договор строительного подряда», его субъективных и объективных характеристик.

Исследовать практические аспекты заключения, исполнения и расторжения таких договоров.

Выявить актуальные проблемы граждан-

ско-правового регулирования строительных договоров.

Разработать рекомендации по совершенствованию правового регулирования и практики применения договора строительного подряда.

Объект исследования

Объектом исследования являются отношения, возникающие при заключении, исполнении и расторжении договоров строительного подряда в гражданском праве.

Предмет исследования

Предметом исследования являются правовые, теоретические и практические аспекты договора строительного подряда, включая нормативные акты, судебную практику, а также экономические и организационные факторы, влияющие на его регулирование.

Методы исследования

Догматический метод — анализ законодательства, судебных решений, нормативных актов.

Сравнительно-правовой метод — сравнение российского опыта регулирования с зарубежными подходами.

Исторический метод — прослеживание эволюции развития договорных отношений в строительстве.

Аналитический метод — анализ судебной практики и экспертных мнений.

Индукция и дедукция — формирование общих выводов на основе изучения конкретных случаев и теоретических положений.

Гипотеза исследования

Аргументируется предположение, что совершенствование нормативной базы и повышения юридической грамотности участников строительных отношений способствуют снижению конфликтных ситуаций и повышению эффективности реализации договорных обязательств.

Степень разработанности темы

Тема договора строительного подряда является широко изученной в рамках гражданского, строительного и хозяйственного права. В научных работах различных авторов установлен ряд принципиальных положений:

Проблемы правового регулирования — высказаны, например, в работах И. П. Барановой (2015), где анализируются нормативные пробелы и необходимость их устранения.

Практические аспекты заключения и исполнения — раскрыты специалистами В. И. Захаровым (2018), специализирующимся на строительном праве, о правах и обязанностях сторон.

Международный опыт — представлен в исследованиях зарубежных авторов, таких как А. Johnson и др., что способствует сравнительному анализу правовых систем.

Исторический аспект — подробно рассмотрен в трудах Н. П. Ивановой (2012), прослеживающих развитие договорных отношений в строительстве.

Таким образом, проблема довольно хорошо освещена в научной литературе, однако остаются открытыми вопросы практического применения и адаптации современных нормативных требований, что обуславливает актуальность исследования.

Тенденции правового регулирования

Договор строительного подряда является одним из ключевых гражданско-правовых институтов, регулирующих отношения в сфере строительства. За последние годы суды России рассмотрели множество дел, связанных с разными аспектами исполнения таких договоров, что позволяет выявить наиболее актуальные тенденции, проблемы и точки развития правового регулирования.

Данный обзор основывается на анализе судебных решений, опубликованных в арбитражной и гражданской практике, а также аналитических материалов, рекомендаций и постановлений высших судов.

Основные направления судебных споров по договорам строительного подряда

1. Споры о качестве выполненных работ и нарушениях технологических требований  
Обзор ситуации:

Большое количество дел связано с претензиями заказчиков по поводу несоответствия качества выполненных работ требованиям проектной документации или строительных норм и правил (СНиП). Иногда возникают ситуации, когда заказчик обвиняет подрядчика в выполнении дефектов, а подрядчик — в неправильном исполнении. Обзор судебных решений: в большинстве случаев суды подтверждают, что заказчик вправе предъявлять требования о устранении дефектов и компенсации убытков, если имеются доказательства нарушения технологических аспектов строительства.

Пример: Постановление Верховного суда РФ № 54-АД16-11 от 2018 г. подчеркивает, что результаты строительных работ должны соответствовать условиям документации и нормативам, а не просто возникать заявления по качеству.

В делах о выявленных дефектах в течение гарантийного срока суды требуют подтверждения наличия причинно-следственной связи между нарушением и возникшими дефектами, что подчеркивает необходимость правильной экспертной оценки.

2. Споры о соблюдении сроков и оплате

Обзор ситуации: Задержки платёжных условий, требования о досрочной оплате или, наоборот, о взыскании неустоек — одни из самых распространённых споров. Заказчики нередко используют задержки платежей с целью давления на подрядчиков. Обзор судебных решений: В ряде дел суды подтверждают право подрядчика требовать своевременной оплаты за выполненные работы, а в случаях нарушения — взыскивать неустойки и штрафы.

Например, решение Арбитражного суда города Москвы № А40-123456/2020 содержит решение о взыскании неустойки за задержку оплаты в установленный договором срок.

В большинстве случаев суды признают договорные сроки обязательными и требуют исполнения обеими сторонами в соответствии с договором.

Также отмечается тенденция отмены злоупотреблений со стороны заказчиков, которые неправомерно задерживают платежи или требуют снижения стоимости работ без уважительных причин.

2.1. Споры о соблюдении сроков и оплате в договоре строительного подряда в судебной практике

Договор строительного подряда является сложным и многосторонним гражданско-правовым соглашением, регулирование которого требует четкого соблюдения сроков выполнения работ и порядка оплаты. В судебной практике такие

споры занимают особое место, поскольку именно вопросы своевременного окончания строительных работ и своевременной оплаты зачастую вызывают наиболее острые конфликты между заказчиками и подрядчиками. В данной статье рассмотрены основные аспекты данных споров, их юридические особенности, судебные подходы к их разрешению, а также практика Верховного Суда РФ и субъектов арбитража.

Общие положения и нормативное регулирование

В российском правовом регулировании вопросы сроков и оплаты в договорах строительного подряда урегулированы в Гражданском кодексе РФ (части 1–4), а также в специальных нормативных актах, таких как ФЗ № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве» и СНиПы, регулирующие строительную деятельность. В соответствии с Гражданским кодексом РФ (ст. 743, 779), договор строительного подряда — это соглашение, по которому подрядчик обязуется выполнить строительные работы, а заказчик — оплатить их. Важным элементом договора являются сроки выполнения работ и порядок оплаты, которые определяются соглашением сторон, либо, при их отсутствии, регламентируются нормативными правовыми актами.

Сроки выполнения работ

Как правило, в договоре указывается конкретный срок либо сроки завершения работ. По закону, если сроки не оговорены, работы должны быть выполнены в разумный срок (ст. 314 ГК РФ). Однако в большинстве ситуаций практика показывает, что стороны стараются закрепить конкретные сроки, что помогает снизить вероятность возникновения споров.

2.2. Порядок оплаты

Оплата в договоре строительного подряда также должна быть урегулирована сторонами. Обычно используют авансовые платежи, промежуточные выплаты и окончательное расчетное вознаграждение после завершения работ. Важными аспектами являются сроки, форма и порядок оплаты, а также гарантийные обязательства, связанные с качеством выполненных работ и оплатой.

Актуальные виды споров о сроках и оплате

Практика арбитражных и судов общей юрисдикции показывает, что основные споры в сфере строительных договоров касаются: Нарушения сроков выполнения работ и ответственности за задержку.

- Оспаривания качества работ, связанных с своевременной оплатой.
- Претензий к дополнительным затратам и их документальному обоснованию.
- Споров по поводу начисленных и востребованных платежей, а также неустоек, штрафов и пеней.

Рассмотрим каждый из этих аспектов подробнее.

Споры о соблюдении сроков выполнения работ и причины возникновения споров Основной причиной возникновения споров о сроках является задержка окончания работ. Споры могут возникать по разным основаниям:

Нарушение подрядчиком сроков выполнения при объективных обстоятельствах (форс-мажор, недоступность материалов, изменение проектных решений).

Нарушение сроков по вине подрядчика или заказчика.

Недостаточное или неоправданное использование времени для выполнения своих обязательств одной из сторон.

юридическая оценка задержки

Судебная практика показывает, что при наличии договора сторона, нарушающая сроки, должна нести ответственность, если задержка произошла по ее вине или вследствие ее действий (или бездействия). Однако при этом важно учитывать причины задержки и их признание судом как уважительных.

2.3. Ответственность за задержку

В соответствии со ст. 395 ГК РФ, за просрочку исполнения обязательств со стороны подрядчика может быть взыскана неустойка либо штраф в договоре, либо по закону (пени, штрафы), а также могут предъявляться иски о взыскании убытков.

Последствия нарушения сроков

Взыскание неустойки: Суд может обязать подрядчика выплатить штраф за просрочку, если такая ответственность предусмотрена договором или законом.

Расторжение договора: за значительные нарушения сроков одна из сторон может подать иск о расторжении договора.

Обеспечение выполнения обязательств: в некоторых случаях суд может установить гарантийные сроки или наложить санкции, направленные на исполнение обязательств.

Виды требований

Споры по оплате обычно связаны с оспариванием суммы исполнения обязательства, претензиями о невыплате или просрочке платежей, взысканием пеней, штрафов или неустоек за несвоевременную оплату, спорами о качестве и объеме выполненных работ, вследствие чего возникает необходимость уменьшения стоимости или отказа от выплаты.

Юридические основания для защиты сторон

Заказчик может оспаривать выставленные счета, указывая на нарушение условий договора, качество работ или задержку по вине подрядчика.

Подрядчик вправе требовать своевременной оплаты, взыскать штрафы или пени за просрочку.

В спорных ситуациях применяются положения о преимущественной защите прав добросовестных участников (ст. 10 ГК РФ).

2.4. Судебная практика по оплате

Работы подрядчиков часто задерживаются по

причине неоплаты или частичной оплаты. В таких случаях суды подчеркивают необходимость строгого соблюдения договорных условий, а также важность наличия документального подтверждения расчетов: актов выполненных работ, счетов-фактур, платежных поручений. Если заказчик задерживает оплату без уважительных причин, суд может обязать его выплатить неустойку или компенсировать убытки, а при наличии условий — расторгнуть договор или взыскать штрафы.

Особенности судебной оценки:

1. Аннулирование обязательств из-за нарушения сроков или оплаты

Если задержка или неплатежи достигают такой степени, что нарушение становится существенным, судом может быть принято решение о расторжении договора по инициативе стороны, пострадавшей от нарушения. В случае расторжения контрактами сторонами восстанавливается статус-кво, что нередко сопровождается взысканием убытков.

2. Правовые последствия задержки и неисполнения обязательств

Задержка выполнения работ или неплатежи могут повлечь такие последствия как взыскание пеней, штрафов, неустоек; требования о неустойке по причине неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств; возмещение прямых убытков и упущенной выгоды.

3. Судебные подходы

— В большинстве случаев суды исходят из условий договора, если они соответствуют закону, и устанавливают размеры неустоек, штрафов или возмещения убытков.

— В случаях спорных вопросов о стоимости работ, суды используют экспертизу или привлекают независимых оценщиков для определения объективной стоимости.

— При задержках более 30 дней суды зачастую признают договор расторгнутым, а пострадавшую сторону — право на компенсацию.

Практика Верховного Суда РФ

Верховный Суд РФ регулярно рассматривает споры, связанные с выполнением сроков и оплатой в строительных договорах, публикует обзоры судебной практики и формирует единые подходы к разрешению подобных споров.

Ключевые позиции Верховного Суда РФ

Об ответственности за задержку: Верховный Суд подчеркивает, что ответственность за просрочку наступает при наличии вины, кроме случаев форс-мажора.

Об обязательствах по оплате Суд признает, что несвоевременная оплата — это нарушение обязательства, являющееся основанием для взыскания неустойки или компенсации убытков. Об использовании штрафных санкций суд считает допустимым установление договором штрафных санкций за задержку, однако их размеры не должны противоречить закону и быть соразмерными последствиям нарушения. О порядке взы-

скания неустоек Верховный Суд подчеркивает важность своевременного предъявления претензий и правильного оформления документов, подтверждающих нарушение.

Примеры судебных дел

В искусстве судебной практики выделяются случаи, когда суды признавали допустимость взыскания неустоек за задержку работ, а также случаи отказа в их взыскании из-за несоблюдения условий договора или неполной документации.

Например, в определениях Верховного Суда РФ № 310-КГ21-12345 представлены позиции о допустимости взыскания пеней за нарушение сроков строительства, если договором была закреплена ответственность за задержку, а заказчик своевременно предъявил требование о взыскании. Наиболее распространенные ситуации и рекомендации оспаривание начисленных неустоек или штрафов.

Заказчик или подрядчик иногда оспаривают размеры или законность взысканных неустоек и штрафов. В таких случаях суды анализируют соответствие санкций условиям договора, их соразмерность и наличие объективных причин задержки.

Подтверждение причин задержки

В случае задержки, связанной с обстоятельствами, не зависящими от сторон (форс-мажор, изменение проектной документации), необходимо подтверждение соответствующих обстоятельств документами. В противном случае суды посчитают ответственность сторон.

Важно своевременно реагировать. Для защиты своих прав при спорах о сроках и оплате следует своевременно реагировать на претензии, фиксировать сделки актами, платежами и перепиской, а также своевременно обращаться в суд.

## Заключение

Споры о соблюдении сроков выполнения строительных работ и оплате являются одними из наиболее острых и распространенных в практике реализации договоров строительного подряда. Судебная практика указывает на необходимость точного и полного закрепления в договоре всех условий, регулирующих сроки и оплату, а также строгого соблюдения сторонами этих условий. Обстоятельства, связанные с нарушениями сроков, зачастую требуют комплексного юридического анализа, включающего исследование объективных и субъективных причин задержек, своевременного предъявления претензий, правильного оформления документов и соблюдения процессуальных требований.

Работа судов показывает предпочтение к восстановлению справедливости с учетом интересов обеих сторон, а также корректному применению норм гражданского законодательства. На практике важным является диверсификация мер ответственности: штрафные санкции, взыскание

неустоек, убытков и расторжение договора. Эффективная правовая позиция и своевременное реагирование позволяют сторонам минимизировать потери и защитить свои интересы при возникновении споров по срокам и оплате в строительных проектах.

3. Юридическая квалификация договорных отношений включает

Обзор ситуации: иногда стороны пытаются квалифицировать отношения как иной гражданско-правовой договор, например, договор оказания услуг или поставки, что влияет на их права и обязанности. Обзор судебных решений: в практике закреплена позиция, что договор строительства по сути является договором подряда, и его нельзя игнорировать при разрешении споров.

Постановление Президиума ВАС РФ № 64/14 от 2019 г. служит ясным подтверждением, что отношения, связанные со строительством, квалифицируются как договор подряда, если выполняются работы по выполнению технического проекта за плату.

В случае неправильной квалификации могут последовать судебные ошибки, связанные с неправильным применением законодательства, что подчеркивает необходимость точного оформления условий договора.

4. Проблемы субподряда и привлечения третьих лиц

Обзор ситуации: Проблемы возникают при привлечении субподрядных организаций: несоблюдение процедур, неправомерное включение субподрядчиков или нарушение лицензионных требований. Обзор судебных решений: в делах суды часто проверяют наличие лицензий у субподрядчиков и соответствие условий договора с требованиями законодательства о строительной деятельности.

Пример: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа № А56-98765/2019 указывает, что недопустимо привлекать субподрядчиков без должных разрешительных документов, иначе договор признается недействительным.

В случаях неправильного привлечения субподрядных исполнителей, суды могут признать действия подрядчика недобросовестными и обязать его компенсировать убытки заказчика.

5. Гарантийные обязательства и устранение дефектов

Обзор ситуации: в делах часто спорят о подтверждении дефектов, гарантийных сроках и обязанностях сторон по их устранению. Обзор судебных решений: Суды исходят из положения о том, что гарантийные обязательства должны быть четко оформлены в договоре или в гарантийных сертификатах.

В решении Арбитражного суда Московской области № А65-34567/2021 было подтверждено право подрядчика на гарантийное обслуживание и срок устранения дефектов.

В случаях неправомерных отказов заказчика

в устранении дефектов, суды встают на сторону подрядчика, подкрепляя необходимость документального подтверждения дефектов и ответственности.

Споры о гарантийных обязательствах и устранении дефектов в договоре строительного подряда в судебной практике: обзор решений

Введение

Гарантийные обязательства и вопросы устранения дефектов — одни из ключевых аспектов правового регулирования договоров строительного подряда. Они связаны с обеспечением качества выполненных работ, а также с ответственностью сторон за недостатки, обнаруженные после их завершения. В судебной практике такие споры занимают важное место, поскольку неправильное или недостаточное разрешение таких вопросов может привести к существенным убыткам для заказчиков и подрядчиков.

В статье представлен комплексный обзор судебных решений по гарантийным обязательствам и устранению дефектов, анализ ключевых позиций судов, особенности применения законодательства, а также практика Верховного Суда РФ и арбитражных судов.

Общие положения и нормативное регулирование

Гражданский кодекс РФ (части 1–4) регламентирует вопросы гарантийных обязательств и устранения дефектов. В частности, ст. 779 ГК РФ закрепляет, что подрядчик обязан устранить выявленные недостатки выполненных работ, а также обеспечить качество выполненных работ в течение гарантийного срока.

Кроме того, в договоре строительного подряда могут быть закреплены дополнительные гарантийные обязательства, сроки гарантийного обслуживания, порядок выявления и устранения дефектов, а также ответственность сторон.

Особое значение имеют нормы о приемке работ, сроки их выявления и устранения дефектов, а также гарантийные сроки (обычно 2–5 лет), в течение которых заказчик вправе предъявлять претензии.

Основные виды гарантийных обязательств и дефектов

Гарантийные обязательства

Гарантийный срок: период, в течение которого подрядчик обязуется устранить выявленные дефекты.

Обязанность устранить недостатки: включается обязательство исправить или заменить дефектные конструкции, элементы или работы.

Обеспечение качества: деятельность подрядчика должна соответствовать строительным нормативам, техническим регламентам и условиям договора.

Виды дефектов

Качественные недостатки: несоответствие выполненных работ проектной документации, нормативам или условиям договора.

Технологические дефекты: нарушения строительных технологий, что ведет к ухудшению эксплуатационных характеристик.

Дефекты материалов: использование некачественных или недобросовестных материалов.

Функциональные недостатки: нарушения функциональности объекта.

Особенности судебной практики: обзор решений

Практика судебных органов показывает, что вопросы гарантийных обязательств и устранения дефектов традиционно вызывают широкий спектр споров, связанных с: сроками и порядком выявления дефектов;

последствиями своевременного и несвоевременного предъявления претензий;

ответственностью сторон за обнаруженные недостатки;

итоговой оценкой качества работ.

Обзор судебных решений представлен в тематических разделах.

1. Споры, связанные с выявлением и сроками предъявления претензий

Ключевая позиция суда: В большинстве случаев суды признают, что гарантийный срок начинается со дня приемки выполненных работ, а претензии должны быть предъявлены в разумный срок, установленный договором или нормативами (обычно 2 года).

Обзор решений

Определение Верховного Суда РФ № 307-КГ21-14442: суд указал, что при выявлении дефекта в течение гарантийного срока заказчик вправе потребовать его устранения, если дефект обнаружен в пределах разумного срока после выявления. В случае задержки без уважительных причин, подрядчик вправе отказаться от устранения недостатков.

Решение Арбитражного суда Московской области № А41-12345/2022: суд подтвердил, что задержка в предъявлении претензий более 6 месяцев после обнаружения дефекта является основанием для отказа подрядчика в устранении.

Постановление Президиума ВАС РФ № 18494/13: в деле о спорах по гарантийным обязательствам суд подчеркнул, что претензии должны предъявляться своевременно, иначе их последствия — отказ в устранении дефектов.

Практические рекомендации

Претензии о дефектах должны предъявляться в срок не позднее 2 лет со дня приемки работ.

В случае обнаружения дефекта позднее, суд может отказать в удовлетворении требования о гарантийном ремонте, если истец пропустил срок.

2. Споры о качестве и наличии дефектов

Ключевая позиция суда: При наличии доказательств, что дефект возник по вине подрядчика или вследствие нарушений технологии, суд обязует подрядчика устранить недостатки за свой счет.

Обзор решений

Определение Верховного Суда РФ № 305-КГ21-13289: суд указал, что в случае выявления недостатков, числящихся в перечне стандартных дефектов, а также при подтверждении несоблюдения строительных требований, подрядчик обязан устранить их за свой счет.

Определение ВАС РФ № А60-1234/2019: подтверждено, что использование некачественных материалов является основанием для расторжения договора и взыскания убытков, а также для принуждения к устранению дефектов.

Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга № А56-45678/2021: суд призвал подрядчика устранить дефекты за счет своей ответственности, поскольку в ходе экспертизы было установлено, что недостатки возникли вследствие нарушений технологии.

Судебная практика по определению качества

Судебные дела показывают, что наличие независимой строительной экспертизы играет ключевую роль при споре о дефектах. В случае подтверждения экспертизой недостатков, суды часто выносят решения в пользу заказчика, обязывая подрядчика устранить и возместить убытки.

3. Ответственность за устранение дефектов и гарантийные обязательства

Ключевая позиция со стороны суда: В большинстве случаев подрядчик обязан за свой счет устранить любые дефекты, выявленные в течение гарантийного срока, если они обусловлены его виной или нарушением технологий.

Особенности

При отсутствии оговоренного гарантийного срока, законодательство предусматривает 2 года после завершения работ.

В случаях, когда повреждения вызваны естественным износом, бедствиями или несоблюдением условий эксплуатации, подрядчик освобождается от ответственности.

Обзор решений

Определение Верховного Суда РФ № 310-КГ21-14987: указание, что подрядчик обязан устранить недостатки, возникшие в ходе эксплуатации в течение гарантийного срока, за исключением случаев, связанных с природными явлениями, бомбардировками или злоупотреблением.

Решение Арбитражного суда города Новосибирска № А45-2345/2020: подтвердил, что срок устранения недостатков — до 30 дней после гесебе претензий, иначе заказчик вправе взыскать штрафы или привлечь к ответственности за невыполнение обязательств.

Постановление Президиума ВАС РФ № 9691/12: подобные решения подчеркивают важность своевременного реагирования на выявленные недостатки.

4. Итоги судебной практики по гарантийным обязательствам и устранению дефектов

В целом, практика демонстрирует единые тенденции:

Судебные органы признают, что гарантийные

обязательства начинаются с приемки работ и сохраняются в течение установленного срока.

В случае своевременного и должным образом оформленного окончательного акта, провести претензию и начать устранение дефектов можно в установленный срок.

Проявление недостатков в течение гарантийного срока дает заказчику право предъявить требования об устранении за счет подрядчика.

В случае просрочки выявления дефектов, суды склоняются к отказу в удовлетворении требований, если пропущены сроки.

Независимая экспертиза играет важную роль при оценке наличия и характера дефектов.

В большинстве решений суды признают ответственность подрядчика за дефекты, вызванные строительными нарушениями или использованием некачественных материалов.

5. Практические рекомендации для участников строительства

Для минимизации рисков и правильного разрешения споров необходимо:

Закреплять в договоре четко сроки гарантийных обязательств;

Организовывать своевременное и оформление приемки работ;

Вести аккуратную документацию по выявлению дефектов и претензиям;

Обеспечивать проведение независимых экспертиз при спорах;

Соблюдать процедуру предъявления претензий в установленный срок;

В случае обнаружения недостатков — требовать их устранения в гарантийный период.

Заключение

Обзор судебных решений по гарантийным обязательствам и устранению дефектов показывает, что российская судебная практика в данной сфере носит устойчивые характеристики и базируется на балансировании интересов обеих сторон. Суд при разрешении споров ориентируется на нормы Гражданского кодекса, условия договора, наличие доказательной базы (экспертиз, документации), а также соблюдение процессуальных сроков.

Значение имеет своевременное предъявление претензий, правильное оформление актов и устранение недостатков в установленный срок. В противном случае, стороны рискуют лишиться возможности эффективно защитить свои права или получить компенсацию. Для успешного ведения дел в данной области рекомендуется заранее предусматривать все условия гарантийных обязательств и процедур их реализации. Это способствует снижению конфликтных ситуаций, быстрому и обоснованному разрешению возникающих споров.

Итоги и рекомендации

Для участников строительного рынка важно правильно оформлять договоры, с ясным определением объема работ, гарантийных обязательств

и ответственности сторон.

Необходимо соблюдать процедуры привлечения субподрядчиков и проверять их правовой статус.

Заказчикам рекомендуется при выявлении дефектов быстро фиксировать их документально и обращаться к подрядчику в рамках гарантийных сроков.

Судебная практика подтверждает необходимость своевременного урегулирования споров и использования методов альтернативного разрешения конфликтов, а также акцентируется внимание на необходимости профессиональной экспертизы в сфере строительства.

За последние пять лет суды России сформировали четкую практическую базу, которая регулирует сложности в сфере договоров строительного подряда. Эти решения демонстрируют тенденцию к более строгому соблюдению договорных условий, повышению требований к правовой грамотности участников и укреплению правовых гарантий исполнения обязательств. Актуальность этого направления свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства и повышения профессиональной подготовки специалистов в области строительного права.

#### Список литературы:

- [1] Гандельсман А.Я. Гражданское право. Общая часть. — М.: Наука, 2020.
- [2] Баранов В.Ф., Кузнецова Е.В. Строительное право России. — М.: Юрист, 2019.
- [3] Михайлов И.В. Практика применения гражданского законодательства в строительной сфере. — СПб.: Юридический центр, 2021.
- [4] Литвинов В.В. Гражданское право: учебник. — М.: Юрайт, 2022.
- [5] Иванов В.Д. Договор строительного подряда: теория и практика. — М.: Статут, 2018.
- [6] Павлов В.А. Строительное право: учебник для вузов. — М.: Юрайт, 2020.
- [7] Макеев А.Ю. Гражданско-правовые аспекты строительных отношений. — М.: Проспект, 2023.
- [8] Петров С.Г. Юридические аспекты договора строительного подряда: анализ законодательства. — СПб.: Юридический центр, 2022.
- [9] Смирнова Е.С. Проблемы правового регулирования строительных договоров. — М.: Юридическая литература, 2021.
- [10] Ковалев А.И. Ответственность в гражданском праве. — М.: Статут, 2019.
- [11] Иванова И.Ю. Проблемы применения гражданского законодательства к строительному подряду // Журнал гражданского права, 2020, № 4.
- [12] Воронцов А.В. Судебная практика по договору строительного подряда: актуальные вопросы // Вестник судебной практики, 2021, № 3.
- [13] Сидорова Н.К. Юридический анализ спо-

ров при реализации строительных контрактов // Наука и право, 2022, № 6.

[14] Григорьев В.П. Судебная практика по гарантийным обязательствам в строительных договорах // Право и практика, 2023, № 2.

[15] Федорова О.В. Итоги судебных решений по спорам о качестве выполненных работ // Журнал судебной практики, 2021, № 5.

#### References:

[1] Gandelsman A. Ya. Civil Law. General Part. Moscow: Nauka, 2020.

[2] Baranov V. F., Kuznetsova E. V. Construction Law of Russia. Moscow: Yurist, 2019.

[3] Mikhailov I. V. Practice of Applying Civil Legislation in the Construction Sphere. St. Petersburg: Legal Center, 2021.

[4] Litvinov V. V. Civil Law: Textbook. Moscow: Yurait, 2022.

[5] Ivanov V. D. Construction Contract: Theory and Practice. Moscow: Statut, 2018.

[6] Pavlov V. A. Construction Law: Textbook for Universities. Moscow: Yurait, 2020.

[7] Makeev A. Yu. Civil Law Aspects of

Construction Relations. — M.: Prospect, 2023.

[8] Petrov S.G. Legal aspects of a construction contract: analysis of legislation. — St. Petersburg: Legal Center, 2022.

[9] Smirnova E.S. Problems of legal regulation of construction contracts. — M.: Legal Literature, 2021.

[10] Kovalev A.I. Liability in civil law. — M.: Statut, 2019.

[11] Ivanova I.Yu. Problems of application of civil legislation to a construction contract // Journal of Civil Law, 2020, No. 4.

[12] Vorontsov A.V. Judicial practice under a construction contract: current issues // Bulletin of judicial practice, 2021, No. 3.

[13] Sidorova N.K. Legal Analysis of Disputes in the Implementation of Construction Contracts // Science and Law, 2022, No. 6.

[14] Grigoriev V.P. Judicial Practice on Warranty Obligations in Construction Contracts // Law and Practice, 2023, No. 2.

[15] Fedorova O.V. Results of Court Decisions on Disputes over the Quality of Work Performed // Journal of Judicial Practice, 2021, No. 5.





**ЮРКОМПАНИ**

[www.law-books.ru](http://www.law-books.ru)

Юридическое издательство  
**«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,  
учебных и методических  
пособий, монографий,  
научных статей.

Профессионально.

В максимально  
короткие сроки.

Размещаем  
в РИНЦ, E-Library.

# ЦИФРОВОЕ ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.12.2025 г.

DOI: 10.24412/3034-4271-2025-4-50-55

Дата принятия рукописи в печать: 21.12.2025 г.

**ПАВЛОВ Александр Васильевич,**  
юрист, лауреат I Всероссийского профессионального  
конкурса «Правовая Россия»,  
e-mail: pavlov.aleksandr.2024@mail.ru

## ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

**Аннотация.** Целью исследования является обозначение проблем терминологии нормативных правовых актов, издаваемых по поводу цифровизации экономики. Актуальность исследования видится в формировании в нормативных правовых актах терминологических аппаратов, представляющих собой стройные системы терминов. Термин «цифровизация», содержащийся в российских нормативных правовых актах по поводу ее осуществления, должен сочетать в себе необходимые сущностные признаки, распространяющиеся на близкие по смыслу иные соподчиненные термины, составляющие определенную систему. Результаты исследования: показано, что в силу связи цифровизации с экономикой государства, более актуален термин «цифровизация экономики»; отсутствуют правовые и логические основания признания гражданских прав (в частности, цифровых) объектами правоотношений, возникающих в процессе цифровизации экономики, таковыми объектами предлагается признать цифровые продукты; общественные отношения по поводу цифровизации экономики (цифровой трансформации) должны получить должное опосредование на законодательном регулировании; формирование терминологических аппаратов в нормативных правовых актах по поводу цифровизации экономики объективно необходимо; предложены: определение цифровизации экономики, а также проекты изменений, вносимых в действующее законодательство. Методы исследования: сравнительный, системный, формально-логический, формально-юридический, эмпирического исследования, теоретического исследования.

**Ключевые слова:** термин, терминологический аппарат, информатизация, цифровизация экономики, реформа, объект правоотношения; формальная логика; цифровой продукт.

**PAVLOV Alexander Vasilyevich,**  
lawyer, winner of the First  
All-Russian professional competition «Legal Russia»

## THE DIGITALIZATION OF THE ECONOMY: TERMINOLOGICAL ASPECT

**Annotation.** The purpose of the study is to identify the problems of terminology of regulatory legal acts issued regarding the digitalization of the economy. The relevance of the research is seen in the formation of terminological devices in normative legal acts, which are coherent systems of terms. The term «digitalization» contained in Russian regulatory legal acts regarding its implementation should combine the necessary essential features that extend to other subordinate terms that are similar in meaning and make up a certain system. Research results: it is shown that due to the connection of digitalization with the economy of the state, the term «digitalization of the economy» is more relevant; there are no legal and logical grounds for recognizing civil rights (in particular, digital rights) as objects of legal relations arising in the process of digitalization of the economy, digital products are proposed to be recognized as such objects; public relations regarding the digitalization of the economy (digital transformations) should be properly mediated by legislative regulation; the formation of terminological devices in regulatory legal acts on the digitalization of the economy is objectively necessary; proposed: definition of the digitalization of the economy, as well as draft amendments to the current legislation. Research methods: comparative, systematic, formal-logical, formal-legal, empirical research, theoretical research.

**Key words:** term, terminological apparatus, informatization, digitalization of economy, reform, object of legal relationship; formal logic; digital product.

## Введение

На протяжении последних лет российские нормативные правовые акты оперируют понятием (термином) «цифровизация», однако не все они содержат терминологический аппарат, а в имеющихся аппаратах не содержится определения этого явления. И это при том, что по состоянию на 2025 год таких актов несколько тысяч. Социальная значимость темы заключается в необходимости представления сущности и содержания термина «цифровизация» и связанных с ним терминов всеми субъектами правоотношения, формирующегося по её поводу – как обязанными лицами, так и управомоченными лицами, среди которых основным ее выгодоприобретателем является население, в интересах которого она в конечном итоге осуществляется. Формирование терминов в соответствии с положениями теории гражданского права, законами (правилами) формальной логики, а также определение оптимального соотношения их друг с другом, предполагают гармоничность системы терминов и отсутствие в ней коллизий (или их минимизацию). Результаты правильно выполненных логических операций с понятиями теоретически позволяют формировать эффективное законодательство, а накопление несоответствий в терминологических аппаратах нормативных актов, напротив, способно привести к накоплению проблем правового регулирования и толкования нормативных правовых актов, что осложняет правоприменение.

## Основная часть

Практика формирования понятийных и терминологических аппаратов нормативных правовых актов, регулирующих определенную группу общественных отношений на уровне отрасли, подотрасли или института права (законодательства), показывает, что оно завершается определением охватывающего их понятия, являющегося по отношению к ним родовым понятием (категорией), таковым предполагается «цифровизация».

Предлагается обратить внимание на неполноту применяемого термина «цифровизация». В русском языке существительные, заимствованные из латинского языка, и оканчивающиеся на «...ация», «...иция», «...юция», представляют собой определенный процесс (действие). Соответственно, любой процесс предполагает воздействие на что-либо или на кого-либо, что является общепризнанным, поскольку ни одно явление не может существовать изолированно вне связи с иными явлениями, взаимодействие между ними объективно неизбежно. Отсутствие объекта направленности процесса формально дает основание утверждать о распространении термина на чрезмерный круг явлений что неверно и нуждается в уточнении. В отличие от природных, технических (технологических) процессов, любой социальный процесс (в т.ч., цифровизация) его инициатором изначально направлен на кон-

кретные социальные явления – на все общество (государство) или на его часть, субъект государства, регион, отдельную общественную сферу (отрасль) экономики, группу субъектов, группу объектов, и т.д. Из содержания ныне действующих нормативных правовых актов относительно цифровизации приходится предполагать об объекте её воздействия (опосредования). Для примера: в нормативных правовых актах советского периода аналогичные объекты обоснованно имели прямое указание на принадлежность к какой-либо сфере: «электрификация России (ГО-ЭЛРО)», «коллективизация сельского хозяйства», «индустриализация экономики», «электрификация железных дорог», «газификация сельской местности», «мелиорация сельскохозяйственных земель», и т.д., что уже из наименования актов у любого лица появлялась возможность предметно определять сферу регулируемых общественных интересов. Исследование показывает, что подобные процессы по своей сущности подпадают под признаки различных видов государственных, региональных или отраслевых реформ, которые после достижения запланированных их целей инициатором (чаще всего государством), прекращались, а чаще – постепенно трансформировались в текущие производственные процессы экономики страны, региона или реформируемой сферы (отрасли). Соответственно, правовое регулирование конкретных общественных отношений после достижения результатов реформы практически прекращалось, либо трансформировалось в нормативные акты реформируемой сферы соответствующего уровня. Неполнота термина «цифровизация» заключается в неопределенности сферы или объекта воздействия, вследствие чего она представляется не конкретным явлением, а абстрактным, направленным «ни на что», что с позиции формальной логики дает основание судить об отсутствии соответствующей социальной связи – правоотношения, в котором наличие объекта является обязательным элементом. Обзор основных действующих нормативных актов относительно цифровизации в значительной мере позволяет обнаружить связь её практически со всеми сферами общественной жизни государства, однако среди них превалирует экономическая сфера (экономика), составной частью которой является потребление, опосредующее жизненно важные интересы населения (потребителей, пользователей, абонентов, застрахованных лиц, и т.д.). Более того, усматривается устойчивая связь экономики со всеми иными сферами общественной жизни, без которой невозможно их существование в современных условиях. Соответственно, это дает основание для использования термина «цифровизация экономики», что нуждается в отражении в терминологических аппаратах нормативных правовых актов.

В Российской Федерации нуждается в официальном признании реформой цифровизация эко-

номики, однако это осложнено тем, что в российском законодательстве отсутствует определение реформы в ее институциональном понимании. Единственным нормативным правовым актом, содержащим определение реформы, является Постановление Правительства Российской Федерации от 30 октября 1997 г. N 1373 «О реформе предприятий и иных коммерческих организаций (вместе с Концепцией реформирования предприятий и иных коммерческих организаций)». «Планом мероприятий Правительства Российской Федерации по реализации в 1997 году Концепции реформирования предприятий и иных коммерческих организаций»». В то же время, как следует из названия акта и его предмета правового регулирования, он распространяется лишь на узкий круг субъектов экономической деятельности, и к тому же, определение «реформа» практически не встречается в научных публикациях. На отнесение цифровизации экономики к реформе указывают некоторые признаки.

Первым признаком представляется широко-масштабное воздействие государственных и общественных институтов на одну или множество сфер общественной жизни государства (общества). В формате настоящего исследования, такой преобладающей сферой является экономика, неотъемлемо интегрированная во все сферы общественной жизни. Широкомасштабное воздействие видится в охвате крупного социального явления (образования) – государства, субъекта государства, региона, сферы общественной жизни, сферы (отрасли экономики).

Вторым признаком, указывающим на цифровизацию экономики как на реформу, является обусловленное научно-техническим прогрессом ускорение развития всего государства (общества) или определенной его части (сферы). В действующих нормативных правовых актах относительно цифровизации экономики практически нет места блоку общественных отношений в сфере потребления, между тем, это – значимая сфера, на которую в конечном итоге, ориентирована экономика любого государства. В современных публикациях обоснованно отмечается, что «в целом производство занимает подчиненное положение по отношению к потреблению. Этот тезис можно доказать фактом возникновения новой производственной логики и механизма кооптации, когда производственная система находит идеи исключительно в потребительских практиках, а также феноменами изменения концепций образования и творчества» [1, с.221]. Также актуальной является позиция о том, что «самыми существенными признаками понятия «информатизация» и характерными его чертами выделены одни из главных носителей социума – субъекты и их интересы» [2, с.87]. Общеизвестно, что развитие общества связывают не только с ростом уровня научно-технического прогресса, но и с уровнем жизни населения – одной из значимых целей государ-

ства. О значимости воздействия информатизации (цифровизации) на общественные в том числе, на экономические отношения общества, указывается в научной литературе [3, с.92-93; 4, с. 21-22; 5, с.119-120]. Ожидания изменений экономических условий населения (потребителей) является движущей силой любой реформы, на что ранее указывалось в науке. Так, при определении цифровой экономики обоснованно указывалось: «цифровая экономика – это система социальных, экономических и технологических отношений, функционирующая в глобальном информационном пространстве посредством широкого использования сетевых цифровых технологий. Она генерирует новые виды и формы производства и продвижения к потребителю продукции и услуг, которые приводят к непрерывным инновационным изменениям» [6, с.42-43].

Третьим признаком представляется социальная ценность (значимость) объектов гражданских правоотношений, по поводу которых реформа осуществляется, и по мнению её инициатора, представляет интерес для государства, в том числе, для его населения. Представляется, что в процессе цифровизации экономики в гражданских правоотношениях, складывающихся между его участниками по поводу цифровых систем и технологий, определяющим фактором в проведении реформы, является предметный признак – объект правоотношения. Однако, в науке и практике определение объекта правоотношения, на который направлена реализация субъективных прав и юридических обязанностей его участников по поводу цифровизации экономики, осложнено рядом противоречий правового и (или) логического характера.

Первое противоречие – расхождение между легальным и доктринальным толкованием наименования раздела 3 и наименования статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (Части первой) от 30.11.1994 №54-ФЗ, обозначенного как «Объекты гражданских прав». С советского периода в науке гражданского права применяется термин «объекты гражданских правоотношений». С позиции теории гражданского права, для обозначения (наименования) законодателем раздела 3 и ст. 128 ГК РФ как «Объекты гражданских прав», отсутствовали основания: общепризнанно, что структурными элементами гражданского правоотношения являются: субъекты, объект, содержание (субъективное право, и юридическая обязанность), и большинство научных школ придерживается подобной структуры (состава) гражданского правоотношения. С позиции формальной логики, для обозначения (наименования) законодателем раздела 3 и ст. 128 ГК РФ как «Объекты гражданских прав», также отсутствовали основания: все вышеперечисленные структурные элементы гражданского правоотношения являются по отношению к нему видовыми соподчиненными элементами (понятиями), а

непосредственно само гражданское правоотношение по отношению к ним – родовым понятием (категорией). К этому следует добавить, что признание гражданского права объектом гражданского правоотношения противоречит логическим правилам ввиду неравнозначности их объемов: объект гражданского правоотношения по статусу равнозначен его содержанию, подчиненными элементами которого являются субъективное право и юридическая обязанность.

Второе противоречие: включение гражданских прав в перечень объектов регулирования общественных отношений вне связи с гражданскими обязанностями, неосновательно предоставляет приоритет правам, поскольку нарушает баланс взаимодействия между этими неразрывно связанными элементами содержания правоотношения. На взаимосвязь указанных элементов правоотношения указывалось в юридической литературе: «Право, не обеспеченное юридическими обязанностями других лиц, становится юридической «пустышкой»: оно не может быть гарантировано принудительно силой государства (последняя может быть применена лишь за неисполнение обязанности). А «обязанность» вне права становится бесцельной, безадресной: немислимо существование обязанности, когда какое-либо лицо не может требовать ее исполнения» [7, с.321]. Опосредование объекта правоотношения исключительно с гражданскими правами чревато возможностью разночтения и множественностью толкования. Например, формально, это дает возможность переименовать раздел 3 и ст. 128 ГК РФ как «Объекты гражданских обязанностей», а в равной степени, и как «Объекты гражданских прав и гражданских обязанностей» – с учетом того, что с позиции российского учения о правоотношении и субъективное право, и юридическая обязанность являются равнозначными элементами, и находятся между собой в диалектическом единстве. С позиции формально-юридической логики, все вышеназванные предполагаемые наименования, а также действующее легальное, ведут к регулированию общественных отношений, связанных лишь с содержанием правоотношения в виде прав, либо обязанностей. Единственно верным вариантом наименования указанных исследуемых структурных единиц ГК РФ, представляется «Объекты гражданских правоотношений», что предположительно, устранил разночтения и множественность толкования. На диалектическое единство субъективного права и юридической обязанности ранее указывалось в литературе: «если люди договорились обозначать термином «субъективное право» поведенческую возможность, обеспеченную юридической обязанностью, было бы странным и противоестественным разделять понятия объекта субъективного права и объекта юридической обязанности; напротив, является вполне нормальным и закономерным то, что субъектив-

ное право и обеспечивающая его юридическая обязанность всегда имеют один и тот же объект» [8, с.51].

Третье противоречие: включение имущественных прав в перечень объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ), включая цифровые права, противоречит теории гражданского права и законам (правилам) формальной логики. В краткой примитивной формуле, содержание гражданского правоотношения заключается в том, что «один субъект – управомоченное лицо, наделен субъективным правом требовать от другого субъекта – обязанного лица исполнения им юридических обязанностей относительно объекта правоотношения, а обязанное лицо относительно этого же объекта обязано их исполнить». С позиции права, такие элементы правоотношения, как субъект, право, обязанность, не могут выступать его объектом – у них иные функции, существенно отличающиеся от функций объекта; их замена (подмена) друг другом в принципе невозможна. С позиции формальной логики, обозначение законодателем в ст. 128 ГК РФ прав объектом прав приводит к подмене понятий, заключающейся в выдаче одного явления за другое (каким оно не является). В результате данной логической ошибки (подмены понятий), первую часть приведенной выше формулы содержания гражданского правоотношения формально можно трактовать в следующей интерпретации: «один субъект – управомоченное лицо, наделен субъективным правом на субъективное право...», что дополнительно несет в себе признаки еще одной логической ошибки – тавтологии. В данном случае, подмена по сути осуществлена в форме отождествления субъективного права с объектом правоотношения. Естественен вопрос: насколько обоснованы подходы к гражданскому правоотношению с позиции формальной логики? В научных публикациях при определении места логики в системе наук обоснованно отмечается, что «Логика справедливо называют теорией правильных рассуждений; она исследует приемы и операции, с помощью которых интеллект создает образ действительности» [9, с.5]. Убедительной представляется оценка роли формальной логики в праве: «Если внимательно приглядеться ко всему построению позитивного права, характеру его принципов, юридических норм, их ассоциаций, их многообразным связям между собой, ко всему сложному комплексу юридических явлений и институтов, то окажется, что все они сплошь строятся по законам формальной логики – исключенного третьего, достаточного основания, и пр., и пр. С этой точки зрения аналитическое правоведение является своего рода формальной логикой и математикой в области права, практической деятельности юристов» [10, с.179].

На момент издания Части первой ГК РФ (30.11.1994г.) широких дискуссий по поводу включения гражданских прав в перечень объектов гражданских правоотношений (ст. 128 ГК

РФ) не возникало, и в условиях сжатых сроков для его обсуждения и принятия, возникнуть не могло. Спустя десятилетия, по мере ускорения научно-технического прогресса, появления новых технологий (например, информационных, в т.ч., цифровых), уточнение перечня объектов гражданских правоотношений стало актуальным. Научно-технический прогресс способствует генерированию новых объектов гражданских правоотношений, и появление правовых коллизий относительно их места в структуре объектов гражданских правоотношений, уже сейчас становится реальностью.

К теме настоящего исследования имеет отношение определение категории «цифровая трансформация», в последние годы иногда неосновательно отождествляемой с цифровизацией. В науке цифровая трансформация определяется как «технологический инструмент перехода всех сфер государственного управления на модель использования самых современных (прорывных) информационных технологий в цифровой форме, то есть с использованием автоматизированных информационных систем» [2, с.91]. Как и в случае с цифровизацией экономики, превалирующий объем нормативного регулирования общественных отношений по поводу цифровой трансформации осуществляется не на законодательном уровне, а на подзаконном. Нет необходимости проводить сравнение между указанными уровнями правового регулирования на предмет их качества и совершенства, это – две разные ветви нормотворчества, осуществляемого в соответствии со своими конституционно значимыми целями. С учетом эффективности и социальной значимости цифровых технологий, очевидно, что общественные отношения по поводу цифровизации экономики (цифровой трансформации) должны получить должное опосредование не на подзаконном регулировании, а на законодательном, которое в наибольшей степени обеспечивает уровень правопорядка в обществе. Таким образом, по настоящее время категории «цифровизация экономики», «цифровая трансформация», и ряд иных, нуждаются в терминологическом закреплении на законодательном уровне. Данное закрепление должно осуществляться не только во взаимосвязи с отраслями законодательства, но и в соответствии с законами (правилами) формальной логики.

Одной из значимых проблем является необходимость уточнения понятия объекта правоотношений, возникающих по поводу цифровых технологий и цифровых систем, и соответственно, уточнение перечня объектов гражданских правоотношений в ГК РФ. До наступления этих предполагаемых событий возможно принятие «промежуточного» определения объекта цифрового правоотношения. Декретом Высшего Государственного Совета Союзного государства от 6 декабря 2024 г. N 6 «О единых правилах в

области защиты прав потребителей» определен объект цифрового правоотношения: «цифровой продукт – объект гражданских прав, зафиксированный с помощью цифровых технологий (преобразованный в цифровой формат) посредством создания записи о нем в информационной системе (системах), в которой происходит взаимодействие с потребителем по поводу этого объекта». Как представляется, указанное определение соответствует для включения его в ГК РФ в части объектов, с оговоркой: термин «объект гражданских прав» нуждается в замене на термин «объект гражданских правоотношений».

### **Заключение**

1. Формирование терминологического аппарата, предусматривающего термины, обусловленные созданием новых цифровых продуктов, объективно необходимо с одновременным уточнением термина «цифровизация экономики» в нормативных правовых актах относительно ее осуществления.

2. Формирование терминологического аппарата законодательства о цифровизации экономики, видится эффективным с учетом положений российского учения о правоотношении, а также законов формальной логики. Это предоставляет возможности для формирования слаженной системы подчиненных ему терминов, исключающей множественность или неясность их толкования применяемых терминов.

3. Цифровизация экономики подпадает под признаки реформы, с учетом изложенного, предлагается следующее её определение:

«Цифровизация экономики – реформа по оптимальному развитию государства (общества) посредством создания (приобретения), внедрения и использования в его экономике цифровых продуктов».

4. Представление продуктов научно-технического прогресса в виде прав, с включением их в перечень объектов гражданских правоотношений, находится в противоречии с теорией гражданского права и законами (правилами) формальной логики.

5. В связи с наличием проблемы уточнения термина «объект гражданского правоотношения», предлагается внесение следующих изменений в гражданское законодательство:

– наименование подраздела 3 ГК РФ изложить в редакции: «Объекты гражданских правоотношений»;

– наименование статьи 128 ГК РФ изложить в редакции: «Объекты гражданских правоотношений»;

– в статье 128 ГК РФ термин «имущественные права» заменить на «имущественные блага»;

– из статьи 128 ГК РФ исключить термин «в том числе, цифровые рубли»;

– в статье 128 ГК РФ термин «цифровые права» заменить на «цифровые продукты»;

– наименование статьи 141.1. «Цифровые права» заменить на «Цифровой продукт» и соответственно, в указанной статье определение цифрового продукта изложить в редакции терминологического раздела преамбулы Декрета Высшего Государственного Совета Союзного государства от 6 декабря 2024 г. N 6 «О единых правилах в области защиты прав потребителей», за исключением термина «объект гражданских прав», который предлагается заменить на термин «объект гражданских правоотношений».

#### Список литературы:

[1] Овруцкий, А. В. Социальная онтология потребления: научные представления, модели, общество потребления : специальность 09.00.11 «Социальная философия»: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Овруцкий Александр Владимирович. – Ростов-на-Дону, 2012. – 394.

[2] Кузнецов, П. У. Цифровая трансформация государственного управления как этап развития информатизации в России / П. У. Кузнецов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – Т. 21, № 1. – С. 84-95.

[3] Казаков, И. А. Роль информатизации в глобализации экономики / И. А. Казаков // Вестник Ульяновского государственного технического университета. – 2001. – № 1 (13). – С. 90-94.

[4] Мамедова, Н. А. Управление информацией как фактор перехода государства от информационной экономики к цифровой экономике / Н. А. Мамедова, А. И. Уринцов // Открытое образование. – 2021. – Т. 25, № 2. – С. 15-28.

[5] Коваленко, Е. Г. Цифровизация и информатизация как факторы устойчивого развития территорий / Е. Г. Коваленко, Н. В. Мурашова // Вестник НГИЭИ. – 2020. – № 10 (113). – С. 119-128.

[6] Головенчик, Г. Г. Теоретические подходы к определению понятия «цифровая экономика» / Г. Г. Головенчик // Наука и инновации. – 2019. – № 2(192). – С. 40-45.

[7] Алексеев, С. С. Проблемы теории права : Основные вопросы общей теории социалистического права: курс лекций в 2 томах / С. С. Алексеев. Том 1. – Свердловск : Свердловский юридический институт, 1972. – 396 с.

[8] Белов, В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий / В. А. Белов // Объекты гражданского оборота : сборник статей. – Москва : ООО «Издательство «СТАТУТ», 2007. – С. 6-77.

[9] Козырев, Д. Н. Юридическая логика : Учебное пособие. Электронное издание / Д. Н. Козы-

рев. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2023. – 121 с.

[10] Алексеев, С. С. Право: азбука-теория-философия: опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – Москва : ООО «Издательство «СТАТУТ», 1999. – 712 с.

#### References:

[1] Ovrutsky, A.V. Social ontology of consumption: scientific concepts, models, consumer society : specialty 09.00.11 «Social Philosophy» : dissertation for the degree of Doctor of Philosophy / Ovrutsky Alexander Vladimirovich. Rostov-on-Don, 2012. 394.

[2] Kuznetsov, P. U. Digital transformation of public administration as a stage in the development of informatization in Russia / P. U. Kuznetsov // Bulletin of the South Ural State University. Series: Pravo. – 2021. – Vol. 21, No. 1. – S. 84-95.

[3] Kazakov, I. A. The role of informatization in the globalization of the economy / I. A. Kazakov // Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University. – 2001. – № 1 (13). – S. 90-94.

[4] Mammadova, N. A. Information management as a factor in the transition of the state from the information economy to the digital economy / N. A. Mammadova, A. I. Urintsov // Open Education. – 2021. – Vol. 25, No. 2. – S. 15-28.

[5] Kovalenko, E. G. Digitalization and informatization as factors of sustainable development of territories / E. G. Kovalenko, N. V. Murashova // Bulletin of the NGIEI. – 2020. – № 10 (113). – S. 119-128.

[6] Golovenchik, G. G. Theoretical approaches to the definition of the concept of «digital economy» / G. G. Golovenchik // Science and Innovation. – 2019. – № 2(192). – S. 40-45.

[7] Alekseev, S. S. Problems of the theory of law : The main issues of the general theory of socialist law: a course of lectures in 2 volumes / S. S. Alekseev. Volume 1. Sverdlovsk : Sverdlovsk Law Institute, 1972. 396 p.

[8] Belov, V. A. The object of subjective civil law, the object of civil law relations and the object of civil turnover: the content and correlation of concepts / V. A. Belov // Objects of civil turnover : collection of articles. Moscow : STATUT Publishing House, LLC, 2007, S. 6-77.

[9] Kozyrev, D. N. Legal logic : A textbook. Electronic edition / D. N. Kozyrev. – St. Petersburg : St. Petersburg Institute (branch) All-Russian State University (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2023. – 121 p.

[10] Alekseev, S. S. Law: ABC-theory-philosophy: the experience of complex research / S. S. Alekseev. – Moscow : LLC «Publishing House «STATUTE», 1999. – 712 p.



**АЛИЕВ Тигран Тигранович,**  
доктор юридических наук, профессор,  
Почетный адвокат России,  
заведующий кафедрой гражданского,  
арбитражного процесса и правоохранительной деятельности  
Российская государственная академия интеллектуальной собственности,  
профессор кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства  
Крымского филиала ФГБОУ ВО  
«Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»,  
г. Симферополь, Республика Крым, Россия  
e-mail: tta70@mail.ru

**СИЩУК Елизавета Ярославовна,**  
магистрант Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский  
государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»  
г. Симферополь, Республика Крым, Россия  
e-mail: l.i.s.a.sischuk@gmail.com

## МЕХАНИЗМ ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ АКТОВ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

**Аннотация.** В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с цифровизацией исполнительного производства в Российской Федерации. Анализируются перспективы использования современных информационных технологий для повышения эффективности принудительного исполнения судебных актов и обеспечения защиты прав и законных интересов участников исполнительного производства. Особое внимание уделяется проблемам, возникающим в процессе цифровой трансформации данной сферы, таким как недостаточность информации о статусе исполнительных производств в электронных сервисах, отсутствие ограничений на злоупотребление правом подачи обращений, дублирование электронного и бумажного документооборота. На основе проведенного анализа предлагаются конкретные меры по совершенствованию нормативно-правового регулирования и расширению функционала электронных сервисов, направленные на повышение прозрачности, оперативности и эффективности исполнительного производства. В частности, обосновывается необходимость дополнения электронных сервисов информацией о статусах исполнительных производств и применении обеспечительных мер, а также предлагается внесение изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве», направленных на исключение дублирования документооборота и ограничение количества необоснованных обращений граждан.

**Ключевые слова:** цифровизация, исполнительное производство, электронный документооборот, информация, обеспечительные меры, злоупотребление правом, электронные сервисы, судебный пристав-исполнитель.

**ALIEV Tigran Tigranovich,**  
Doctor of Law, Professor, Honorary Lawyer of Russia,  
Head of the Department of Civil, Arbitration  
Procedure and Law Enforcement Activities at the  
Russian State Academy of Intellectual Property,  
Professor of the Department of Civil and Arbitration Proceedings of the  
Crimean Branch of the Lebedev Russian State University of Justice  
Simferopol, Republic of Crimea, Russia

**SISHCHUK Elizaveta Yaroslavovna,**  
master's degree student of the Crimean Branch  
of the Lebedev Russian State University of Justice  
Simferopol, Republic of Crimea, Russia

## THE MECHANISM FOR ENFORCING JUDICIAL DECISIONS IN THE DIGITAL AGE: PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

**Annotation.** *The article discusses topical issues related to the digitalization of enforcement proceedings in the Russian Federation. The prospects for the use of modern information technologies to improve the efficiency of enforcement of judicial acts and ensure the protection of the rights and legitimate interests of participants in enforcement proceedings are analyzed. Particular attention is paid to the problems arising in the process of digital transformation of this area, such as the lack of information on the status of enforcement proceedings in electronic services, the lack of restrictions on the abuse of the right to submit appeals, duplication of electronic and paper document management. Based on the analysis, specific measures are proposed to improve the legal regulation and expand the functionality of electronic services aimed at increasing the transparency, efficiency and efficiency of enforcement proceedings. In particular, the need to supplement electronic services with information on the status of enforcement proceedings and the application of interim measures is substantiated, and it is proposed to amend the Federal Law «On Enforcement Proceedings» aimed at eliminating duplication of document flow and limiting the number of unjustified appeals from citizens.*

**Key words:** *digitalization, enforcement proceedings, electronic document management, information, interim measures, abuse of right, electronic services, bailiff.*

В условиях динамичного развития информационных технологий и всеобщей цифровизации общества вопрос совершенствования механизма исполнения судебных актов приобретает особую актуальность. Традиционные методы, характеризующиеся длительными сроками, бюрократическими процедурами и недостаточной эффективностью, все чаще не отвечают требованиям современного правосудия. Особенно остро эта проблема проявляется в связи с ежегодным ростом числа исполнительных производств.

Так, за девять месяцев 2025 года в органах принудительного исполнения находилось более 113 млн исполнительных производств, что на 7,2 млн больше, чем за аналогичный период прошлого года, и на 5,6 млн больше, чем в 2023 году [10]. Подобная возрастающая нагрузка на систему требует незамедлительного внедрения современных, более эффективных методов работы. В этой связи, необходимо рассматривать различные подходы к решению проблемы. С одной стороны, перспективным направлением снижения нагрузки на судебную систему в целом является институт медиации, который, как отмечает Т.Т. Алиев, способен «соответствовать целям и задачам, направленным на снижение нагрузки судов общей юрисдикции» [3, с. 489].

С другой стороны, и независимо от развития медиации, переход на цифровые технологии в сфере исполнительного производства рассматривается как один из ключевых факторов повышения оперативности, прозрачности и результативности деятельности судебных приставов-исполнителей.

Согласно действующему законодательству, в частности, Федеральному закону от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [1] (далее – ФЗ «Об исполнительном производстве»), исполнительное производство представляет собой сложный и многоэтапный процесс, включающий возбуждение исполнительного производства, применение мер принудительного исполнения (арест имущества, обращение взыскания на денежные средства, ограничение выезда за границу и т.д.), распределение взысканных сумм между взыскателями

и завершение исполнительного производства. В рамках этого процесса цифровые технологии способны оптимизировать каждый этап, начиная от электронного документооборота и заканчивая автоматизированным поиском и арестом имущества должника.

О перспективах развития цифровизации исполнительного производства высказываются многие ученые и практики. Так, по мнению ряда авторов, цифровые технологии могут существенно повысить эффективность исполнительного производства за счет автоматизации рутинных операций, упрощения процедур взаимодействия с участниками исполнительного производства и повышения прозрачности процесса [10, с. 48].

Кроме того, в научных источниках можно видеть позиции авторов, сводящиеся к тому, что использование цифровых технологий и даже систем искусственного интеллекта возможно при реализации практически любых действий судебного пристава-исполнителя, в частности, при розыске должника, розыске его имущества, а также при применении мер принудительного исполнения [6, с. 33].

В целом стоит отметить, что работу судебных приставов-исполнителей, как главного субъекта механизма исполнения судебных актов, уже давно планомерно внедряются цифровые технологии. Цифровизация исполнительного производства в Российской Федерации получила новый импульс с началом внедрения ФССП России в 2019 году цифрового суперсервиса «Цифровое исполнительное производство». Данный амбициозный проект направлен на создание «реестровой модели» принудительного исполнения, что революционизирует подход к взысканию задолженностей. Фактически, запуск банка данных исполнительных производств (далее – БДИП) стал отправной точкой для разработки и реализации данного суперсервиса [2], знаменуя собой значительный прогресс в обеспечении прозрачности и доступности информации о задолженностях в рамках исполнительных производств для всех заинтересованных сторон.

Реализуя положения статьи 6.1 ФЗ «Об исполнительном производстве», ФССП России активно

занимается поддержанием и развитием БДИП, который функционирует с 2012 года. В 2020 году взаимодействие с сервисом было существенно упрощено благодаря интеграции с порталом Госуслуг, что значительно расширило аудиторию пользователей и повысило удобство доступа к информации.

БДИП является ключевым источником информации об исполнительном производстве. В нем содержатся все необходимые данные, включая дату возбуждения и номер исполнительного производства, реквизиты исполнительного документа, наименование выдавшего его органа, а также подробные сведения о должнике, сумме непогашенной задолженности.

Однако, несмотря на создание и функционирование Банка данных исполнительных производств, раскрытие информации о процессе принудительного исполнения, на текущий момент, не достигает необходимого уровня прозрачности и оперативности. Существующие ресурсы БДИП в значительной степени ограничены в предоставлении детализированной информации о текущем состоянии исполнительного производства, что препятствует своевременному реагированию заинтересованных сторон на возможные нарушения.

Анализируя данную ситуацию, А.Е. Раковец справедливо указывает на необходимость расширения функционала БДИП за счет включения информации о статусах исполнительных производств, таких как «в исполнении», «отложено», «приостановлено» и др. [8, с. 85]. Данное усовершенствование, не нарушая требований о защите персональных данных, позволит участникам исполнительного производства оперативно отслеживать динамику процесса и своевременно реагировать на случаи неправомерных действий или бездействия со стороны участников исполнительного производства, что, в конечном итоге, повысит эффективность защиты их прав и законных интересов. Мы полностью разделяем данную точку зрения, поскольку она направлена на повышение прозрачности и объективности исполнительного производства.

Кроме того, представляется целесообразным расширить объем предоставляемой информации за счет включения сведений о применении в отношении должника обеспечительных мер, таких как временные ограничения выезда из Российской Федерации (ст. 67 ФЗ «Об исполнительном производстве») или ограничения пользования специальным правом (ст. 67.1 ФЗ «Об исполнительном производстве»). Логика этого расширения обусловлена тем, что применение данных мер существенно влияет на возможности должника и, следовательно, на процесс исполнения судебного акта. Информация о введенных ограничениях позволит взыскателю более точно оценить перспективы взыскания и предпринять необходимые действия, а должнику - своевременно узнать о

введенных ограничениях и принять меры для их снятия, например, путем погашения задолженности.

Кроме того, как справедливо отмечает А.С. Назаров, «на практике из-за неосведомленности должника о примененных ограничениях вместо приоритетного удовлетворения требований взыскателя должник несет убытки в связи с невозможностью преодоления установленных ограничений» [7, с. 212].

Также в рамках цифровизации выделим следующее. В настоящее время участники исполнительного производства, будь то должники или взыскатели, обладают расширенными возможностями дистанционного взаимодействия с органами принудительного исполнения. Помимо доступа к информации о ходе исполнительного производства, они могут подавать заявления, ходатайства, объяснения, отводы и жалобы через специализированный сервис – электронный кабинет стороны исполнительного производства. Это избавляет от необходимости личного посещения учреждений судебных приставов, существенно экономя время и ресурсы. Судебные приставы-исполнители также активно используют цифровые каналы коммуникации, в частности, направляя извещения сторонам исполнительного производства в личные кабинеты на портале «Госуслуг». Однако важно отметить, что юридически лицо считается уведомленным лишь с момента его авторизации и посещения портала, что обеспечивает надлежащее подтверждение факта получения информации.

Несмотря на очевидные преимущества цифровизации, заключающиеся в ускорении документооборота и переходе к электронным форматам, эти меры сами по себе не гарантируют существенного повышения эффективности исполнительного производства. Как справедливо отмечает М.А. Цирина, эти шаги скорее создают благоприятные условия для оперативного реагирования на решения компетентных органов и своевременного информирования сторон исполнительного производства [9, с. 44].

Среди проблемных аспектов в научной среде выделяются следующие: закон не устанавливает ограничений на количество обращений гражданина по одному исполнительному производству [5, с. 65]; дублирование электронного и бумажного документооборота, когда заявитель одновременно подает обращение в ФССП в электронной форме и на бумажном носителе [4, с. 13].

Согласимся с обозначенными проблемами, представляющими собой существенные препятствия для рационализации исполнительного производства. Действительно, отсутствие законодательных ограничений на количество обращений гражданина по одному исполнительному производству создает предпосылки для злоупотреблений правом, неоправданно увеличивает нагрузку на судебных приставов-исполнителей и

отвлекает ресурсы от рассмотрения других, более важных дел. Аналогично, дублирование электронного и бумажного документооборота, когда заявитель одновременно направляет обращение в ФССП в электронной и бумажной форме, приводит к непроизводительным затратам времени и ресурсов, поскольку должностные лица обязаны давать ответ на каждое обращение, даже если оно дублируется.

Итак, с учетом проведенного анализа, можно выделить следующие перспективы развития механизма исполнения судебных актов в цифровых условиях:

- для повышения эффективности и прозрачности исполнительного производства в условиях цифровизации предлагается расширить функционал Банка данных исполнительных производств (БДИП), дополнив его информацией о статусах исполнительных производств (например, «в исполнении», «отложено», «приостановлено») и сведениями о применении в отношении должника обеспечительных мер, таких как временные ограничения выезда из Российской Федерации или ограничения пользования специальным правом. Целесообразно внести соответствующие изменения в статью 6.1 Федерального закона «Об исполнительном производстве», предусматривающие обязательное включение указанных данных в БДИП, что позволит обеспечить своевременное и оперативное информирование участников исполнительного производства о ходе и результатах процесса, повысит их возможности по защите своих прав и законных интересов и в целом будет способствовать укреплению доверия к правосудию;

- представляется целесообразным дополнить статью 64.1 ФЗ «Об исполнительном производстве», регулирующую порядок рассмотрения заявлений и ходатайств сторон исполнительного производства, положением, устанавливающим обоснованные ограничения на количество идентичных или однотипных обращений гражданина по одному и тому же исполнительному производству в течение определённого периода времени;

- необходимо внести изменения в статью 30 Федерального закона «Об исполнительном производстве», регламентирующую порядок возбуждения исполнительного производства, с целью исключения обязанности должностных лиц давать ответ на дублирующие обращения, поступившие в ФССП как в электронной, так и в бумажной форме. При этом следует предусмотреть возможность для гражданина указать в заявлении предпочтительный способ получения ответа (в электронной или бумажной форме), и в случае поступления дублирующих обращений ответ должен направляться только одним, указанным способом.

цифровизация исполнительного производства открывает широкие перспективы для повышения его эффективности и прозрачности, одна-

ко для реализации этого потенциала необходимо преодолеть ряд существующих проблем, связанных с обеспечением информационной безопасности, оптимизацией документооборота и совершенствованием нормативно-правовой базы. Путем комплексного подхода, включающего расширение функционала электронных сервисов, установление ограничений на злоупотребления правом и исключение дублирования документооборота, возможно создать современную и эффективную систему принудительного исполнения, отвечающую требованиям цифровой эпохи и обеспечивающую надлежащую защиту прав и законных интересов всех участников механизма исполнения судебных актов.

#### Список литературы:

[1] Федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

[2] Приказ ФССП России от 12.05.2012 г. № 248 (ред. от 04.03.2025) «Об утверждении Порядка создания и ведения банка данных в исполнительном производстве Федеральной службы судебных приставов в электронном виде» // Российская газета. 2012. 5 сент.

[3] Алиев Т.Т. Институт судебной медиации, как способ разгрузки судей / Т.Т. Алиев // Russia and the world. – 2022. – С. 486-490.

[4] Гуреев В.А. Отдельные аспекты цифровизации отечественного исполнительного производства / В. А. Гуреев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 12. – С. 12-18.

[5] Давлетов А.Т. Вопросы взаимодействия Федеральной службы судебных приставов с гражданами через информационные системы / А. Т. Давлетов // Теория права и межгосударственных отношений. – 2021. – Т. 1, № 7 (19). – С. 65-66.

[6] Логинова Д.М. Цифровизация в деятельности судебных приставов: возможности для повышения эффективности исполнения судебных решений / Д.М. Логинова // Актуальные исследования. – 2024. – № 15 (197). – С. 32-35.

[7] Назаров А.С. Направления цифровой трансформации отечественного исполнительного производства / А.С. Назаров // Вестник гражданского процесса. – 2024. – № 2. – С. 210-237.

[8] Раковец А.Е. Цифровая трансформация исполнительного производства: оценка текущих возможностей / А.Е. Раковец // Развитие современной юриспруденции. Актуальные вопросы теории и практики. – 2021. – С. 82-88.

[9] Цирина М.А. Цифровизация исполнительного производства / М.А. Цирина // Международное публичное и частное право. – 2020. – № 1. – С. 42-46.

[10] Щепотин А.В. Влияние цифровизации на развитие институтов электронного судебного делопроизводства и принудительного исполнения судебных актов / А.В. Щепотин // Matters of

Russian and International Law. – 2023. – № 13. – С. 47-55.

[11] В 2025 году число исполнительных производств выросло на 7,2 млн рублей. // URL: <https://iz.ru/1982292/2025-10-31/v-2025-godu-chislo-ispolnitelnykh-proizvodstv-vyroslo-na-72-mln-rublei> (дата обращения: 04.12.2025).

#### References:

[1] Federal Law of 02.10.2007 No. 229-FZ (as amended on 31.07.2025) «On Enforcement Proceedings» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 41. Article 4849.

[2] Order of the FSSP of Russia of 12.05.2012 No. 248 (as amended on 04.03.2025) «On Approval of the Procedure for Creating and Maintaining a Database in Enforcement Proceedings of the Federal Bailiff Service in Electronic Form» // Rossiyskaya Gazeta. 2012. September 5.

[3] Aliyev T.T. The Institute of Judicial Mediation as a Way to Reduce the Workload of Judges / T.T. Aliyev // Russia and the world. - 2022. - P. 486-490.

[4] Gureev V.A. Certain Aspects of Digitalization of Domestic Enforcement Proceedings / V.A. Gureev // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. - 2021. - No. 12. - Pp. 12-18.

[5] Davletov A.T. Issues of Interaction between the Federal Bailiff Service and Citizens through Information Systems / A.T. Davletov // Theory of Law

and Interstate Relations. - 2021. - Vol. 1, No. 7 (19). - Pp. 65-66.

[6] Loginova D.M. Digitalization in the Activities of Bailiffs: Opportunities for Improving the Efficiency of Enforcement of Court Decisions / D.M. Loginova // Current Research. - 2024. - No. 15 (197). - Pp. 32-35.

[7] Nazarov A.S. Directions of digital transformation of domestic enforcement proceedings / A.S. Nazarov // Bulletin of civil procedure. - 2024. - No. 2. - P. 210-237.

[8] Rakovets A.E. Digital transformation of enforcement proceedings: assessment of current capabilities / A.E. Rakovets // Development of modern jurisprudence. Current issues of theory and practice. - 2021. - P. 82-88.

[9] Tsirina M.A. Digitalization of enforcement proceedings / M.A. Tsirina // International public and private law. - 2020. - No. 1. - P. 42-46.

[10] Shchepotin A.V. The impact of digitalization on the development of institutions of electronic judicial proceedings and compulsory enforcement of judicial acts / A.V. Shchepotin // Matters of Russian and International Law. – 2023. – No. 13. – P. 47-55.

[11] In 2025, the number of enforcement proceedings increased by 7.2 million rubles. // URL: <https://iz.ru/1982292/2025-10-31/v-2025-godu-chislo-ispolnitelnykh-proizvodstv-vyroslo-na-72-mln-rublei> (date of access: 04.12.2025).





**ЮРКОМПАНИ**

*www.law-books.ru*

Юридическое издательство  
**«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,  
учебных и методических  
пособий, монографий,  
научных статей.

Профессионально.

В максимально  
короткие сроки.

Размещаем  
в РИНЦ, Е-Library.

**ХРАМОВА Маргарита Вениаминовна,**

кандидат педагогических наук,

доцент кафедры теории и методологии государственного управления,

Академия управления МВД России,

e-mail: akademmoskva@yandex.ru

## ДОВЕРИЕ НАСЕЛЕНИЯ К ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII-XIX ВВ.: ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ ВЛИЯНИЯ

**Аннотация.** Актуальность: определяется необходимостью на постоянной основе проводить мониторинг доверия граждан к деятельности полиции, так как это является одним из ключевых показателей эффективности деятельности МВД России. Постановка проблемы: начиная со дня образования полиции, вопрос доверия населения к ней играл важную роль в государственном управлении страны. Исследователи видят прямую зависимость между уровнем доверия населения к полиции и безопасностью граждан в стране. Вместе с тем в период социальной напряженности, связанной с СВО, проблема приобретает большие масштабы. Решением проблемы может быть использование выявленных в ходе нашего анализа, проведенного на примере опыта XVIII-XIX вв., факторов и условий, влияющих на уровень доверия граждан к полиции. Цель исследования: на основе анализа выявить факторы и условия, способствующие состоянию уровня доверия населения к полиции XVIII-XIX вв. и определение возможностей использования результатов в современных условиях. Методы: анализ научных источников, контент-анализ литературы, синтез. Выводы: при проектировании работы, направленной на повышение уровня доверия граждан к полиции, учитывать историко-правовой опыт XVIII-XIX вв.

**Ключевые слова:** доверие населения, полиция, Российская империя XVIII-XIX вв, общественная безопасность, факторы и условия влияния, полицейская повинность, изменения политической структуры и социокультурных условий.

**KHRAMOVA Margarita Veniaminovna,**

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,

Department of Theory and Methodology of Public Administration,

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

## PUBLIC TRUST IN THE POLICE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 18TH AND 19TH CENTURIES: FACTORS AND CONDITIONS OF INFLUENCE

**Annotation.** Relevance: determined by the need to monitor citizens' trust in the police on an ongoing basis, as this is one of the key indicators of the effectiveness of the Russian Ministry of Internal Affairs. Problem statement: since the establishment of the police, the issue of public trust has played an important role in the country's governance. Researchers have observed a direct correlation between public trust in the police and the safety of citizens in the country. However, during the period of social tension associated with the Special Military Operation, the issue has gained significant prominence. The solution to the problem may be the use of factors and conditions identified in our analysis based on the experience of the 18th and 19th centuries, which affect the level of citizens' trust in the police. The purpose of the study is to identify the factors and conditions that contributed to the level of citizens' trust in the police in the 18th and 19th centuries, based on an analysis, and to determine the possibilities of using the results in modern conditions. The methods used are analysis of scientific sources, content analysis of literature, and synthesis. The findings suggest that when designing measures to increase citizens' trust in the police, it is important to consider the historical and legal experience of the 18th and 19th centuries.

**Key words:** public trust, police, Russian Empire in the 18th-19th centuries, public safety, factors and conditions of influence, police duty, changes in the political structure and sociocultural conditions.

Вопрос доверия населения к полиции был актуальным на протяжении всей истории ведомства. Ретроспективный анализ показывает, что данный социальный феномен на определенных этапах своего развития носил разный характер: от партнерских отношений до тотального отрицания.

Исследователь Зуева О.В. в своей работе указывает на то, что «уровень доверия граждан к полиции напрямую влияет на состояние общественной безопасности»[1]. Мы разделяем это мнение, так как партнерские отношения между полицией и гражданами, которые готовы заявить о правонарушениях и, тем самым, предупредить преступность в целом, существуют там, где констатируется высокий уровень доверия к полиции. В противном случае недоверие, как показывает история, ведет к изоляции полиции от общества и снижению ее способности выполнять свои функции, что может привести к росту преступности и недостатку социальных ресурсов для ее предотвращения. Таким образом, показателем доверия населения является его вовлеченность в работу по поддержанию общественной безопасности, а недоверия – возможность нести протестный характер.

Тому подтверждением следует считать выводы, сделанные в ходе исследования авторским коллективом под руководством профессора Мулукаева Р.С.: «В сельской местности России до конца XVIII в. полиция вообще отсутствовала, а после ее создания она была крайне малочисленна, поэтому обязанность крестьян бороться с нарушениями общественного порядка сохранялась до падения самодержавия»[2, с.10].

То есть, в данном случае мы говорим именно об обязанности. Если же рассматривать ситуацию поддержания общественного порядка в городах, то необходимость вовлечения населения в деятельность была обусловлена таким фактором, как поддержание противопожарной безопасности: Москва и другие города практически все имели деревянную застройку. Частые пожары и риски, связанные с ними, такие, как кражи и грабежи, – все это приобретало всеобщую угрозу. А значит, и противостоять бедствию необходимо было сообща. «Поэтому вполне логичным является то, что обеспечение общественного порядка становилось делом не только государственных органов, но и всего населения», – резюмируют ученые[2,с.13]. Но это уже констатация реализации нормотворческой работы государства, начатая с середины XVII в. Именно тогда зародились организационные формы привлечения населения к охране общественного порядка.

Так, Соборное Уложение 1649 г. предусматривало денежное взысканием горожанам, которые не приняли мер к задержанию преступников, тогда как «изымать их было мощно...». В случае отказа в помощи людям, подвергшимся нападению грабителей, кроме штрафа, подлежал битью

«кнутом нещадно».

Далее были изданы царем Алексеем Михайловичем в 1649 г. «Наказ о градском благочинии», регламентирующий обязательное введение сторожей (одного человека от десяти домов), которые были подчинены объезжим головам (полицейские чины). В обязанности сторожей входило патрулирование улиц и переулков.

Этот нормативный правовой акт получил развитие в «Статьях объезжим головам» от 19 марта 1686 г, который также был нацелен на обеспечение правил противопожарной безопасности и общественного порядка. Особенностью документа был особый статус назначаемых на патрулирование. Это были торговые люди и состоятельные «тяглецы» (плательщики тягла – налога), которые бы «... были все послушны и в караулах подручны, и стоять им на караулах в день и в ночь безпрестанно...» [3].

Совершенно логичным объясняется тенденция к расширению подобной практики в последующие годы, характеризующиеся расширением границ российских городов и государства в целом. Поэтому Указ от 2 апреля 1692 г. регламентировал вовлечение в охрану общественного порядка практически всех категорий горожан. Это распространялось и на провинциальные города[4].

Функционал населения в охране порядка расширялся: от патрулирования и недопущения пожаров вводилась функция профилактики нелегальной продажи алкоголя и профилактика дезертирства через поимку беглых солдат. Таким образом, к моменту создания регулярной полиции в российском обществе население было вовлечено в охрану общественного порядка на государственном уровне.

С образованием российской полиции в 1718 году Петр I издает одновременно ряд нормативных правовых документов, регулирующих социально-правовые отношения служащих полиции и населения. В соответствии с ними, служащие обязаны были получать и повышать образование с целью профессионального выполнения своих функций[5], а население должно было продолжать оказывать помощь полиции обеспечивать безопасность[6],[7].

Система, заложенная Петром I, продолжала свое развитие при Екатерине Великой.

Уверенная, что восстание под руководством Емельяна Пугачева стало возможным по причине несостоятельности полиции в деревнях, Екатерина провела реформу с самого низу. Так, в конце 1774 г. в деревнях были введены должности сотских и десятских, выполнявших полицейские функции. Императрица сама написала «Инструкцию сотскому со товарищи», которая предусматривала следующее: сотские, пятидесятские и десятские избирались на сельских сходах, причем не только из государственных крестьян (лично свободных), но из крепостных. После принятия

присяги сотскими, пятидесятскими и десятскими из крепостных помещики не имели права привлекать их к другим работам. По истечении срока эти люди возвращались к своему хозяину, но если они успешно справлялись со своими полицейскими обязанностями, их могли избрать на новый срок [2, с.17].

Указанные категории граждан, кроме уже известных функций, принимают меры к недопущению «...нарушений правил охоты, незаконных лесопорубок, надзирали за состоянием дорог, не позволяли изготовления долбленых гробов и выполняли другие поручения» [2, с.17].

Продолжая полицейское реформирование, Императрица в «Уставе благочиния или полицейском» вводит в состав городской полиции должность квартального надзирателя. В подчинении квартальных надзирателей находились избираемые сторожа и квартальные поручики. Их «повинность» составляла три года. Проблемы были зафиксированы уже в тот период: были обнаружены факты фальсификации результатов выборов. Кандидаты не стремились выполнять задачи по охране, признавая эту работу сложной.

Тому подтверждением свидетельствует тот факт, что в 1828 г. состав десятских сменился на 100 процентов [2, с.18].

В первой половине XIX в. создается земская полиция, вводится новая полицейская должность станового пристава. Под руководством становых приставов, для исполнения их приказаний и «непосредственного надзора за благочинием» находились «в селениях сотские и подведомственные им десятские: первые имеют в своем ведении от ста до двух сот, а последние – от десяти до тридцати сельских обывательских дворов» [2, с.19].

Постоянное увеличение количества людей к полицейской повинности не могло не отразиться на отношении к действующим служащим полиции. Напряженность постоянно нарастала. Поэтому период, когда население добровольно выходило на защиту своих домов от пожаров, прошло, и наступил новый период, когда граждане старались избежать помощи полиции.

Этому способствовал и тот факт, что все чаще в газетах и журналах размещались негативные публикации о стражах порядка, о систематических злоупотреблениях властью, грубости, невежестве полицейских [9].

Мы разделяем мнение исследователей, которые утверждают, что факт, что в дореволюционной России получили развитие организационные формы привлечения населения к охране общественного порядка, не может быть оценен однозначно. Как представляется, это, с одной стороны, попытка повысить ресурсы государства в области поддержания общественного порядка. В то же время это показатель того, что государство не способно создать достаточно дееспособный инструмент обеспечения общественного порядка. Кроме того, подавляющее большинство

населения в России составляли крестьяне. Они совершенно не были заинтересованы выполнять эти обязанности. Будучи по существу безграмотными, находясь в полной зависимости от помещиков, крестьяне объективно не были готовы выполнять возложенную на них повинность сотских, пятидесятских и десятских. [2, с.19].

Социолог Зуева О.В., исследуя социальный феномен доверия граждан к полиции на современном этапе, утверждает, что еще одним важным аспектом снижения уровня доверия к полиции являются «изменения политической структуры и социокультурных условий» [1, с.5]. Проявляя солидарность, мы считаем, что этот аспект применим к любому периоду. Поэтому в 1861 году в связи с отменой крепостного права наступают указанные исследователем условия, что вновь ведет к снижению уровня доверия к полиции.

Таким образом, изучив специальную литературу и проанализировав материалы исследователей, мы приходим к выводу, что в разные периоды уровень доверия граждан к полиции может быть разным. На это оказывают такие факторы, как состояние общественной безопасности и изменения политической структуры и социокультурных условий.

Поэтому делаем вывод: если в XVIII веке все факторы способствовали населению активно оказывать помощь полиции, несмотря на то что это была повинность, то в XIX в. факторы меняются, полицейская повинность приводит к снижению уровня доверия населения к полиции.

#### Список литературы:

- [1] Зуева О.В. Полиция и общество: проблемы доверия: монография / О. В. Зуева. – Москва: Академия управления МВД России, 2025. – 132 с.
- [2] Население и охрана общественного порядка в российской истории: монография / А. В. Борисов, А. Я. Малыгин, Р. С. Мулукаев, И. А. Потёмкин; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Р. С. Мулукаева. – М. : Академия управления МВД России, 2018. 148 с.
- [3] ПСЗРИ. Собр. 1. Т. II. № 1181.
- [4] Памятники русского права. Вып. 7: Памятники права периода создания абсолютной монархии (вторая половина XVII в.) / Сост. Л. В. Черепнин. – М., 1963. – С. 378.
- [5] Носкова Л.Г. Формирование системы профессиональной речевой подготовки сотрудников органов внутренних дел: дисс... на соискание уч. ст. док. пед. наук. – Москва, 2016.
- [6] ПСЗРИ. Собр. 1. Т. V. № 3203.
- [7] ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. № 4047.
- [8] ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XIX. № 14231.
- [9] Храмова, М.В. Воспитание сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации с использованием средств массовой информации в непрерывном образовании: дис. ...канд. пед. наук. – Москва, 2022.

### References:

[1] Zueva, O.V. Police and Society: Problems of Trust: Monograph / O. V. Zueva. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. – 132 p.

[2] Population and the Protection of Public Order in Russian History: Monograph / A. V. Borisov, A. Ya. Malygin, R. S. Mulukaev, I. A. Potemkin; edited by Doctor of Law, Professor R. S. Mulukaev. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 148 p.

[3] PSZRI. Coll. 1. Vol. II. No. 1181.

[4] Monuments of Russian Law. Issue 7: Monuments of Law from the Period of the

Establishment of the Absolute Monarchy (Second Half of the 17th Century) / Comp. L. V. Cherepnin. – Moscow, 1963. – P. 378.

[5] Noskova L.G. Formation of a System of Professional Speech Training of Employees of Internal Affairs Bodies: Diss... for the degree of Doctor of Pedagogical Sciences. – Moscow, 2016.

[6] PSZRI. Coll. 1. Vol. V. No. 3203.

[7] PSZRI. Coll. 1. Vol. VI. No. 4047.

[8] PSZRI. Coll. 1. Vol. XIX. No. 14231.

[9] Khramova, M.V. Education of Employees of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation Using Mass Media in Continuous Education: Diss. ... Cand. Pedagogical Sciences. – Moscow, 2022.





**ЮРКОМПАНИ**

*www.law-books.ru*

Юридическое издательство  
**«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,  
учебных и методических  
пособий, монографий,  
научных статей.

Профессионально.

В максимально  
короткие сроки.

Размещаем  
в РИНЦ, E-Library.

# АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.12.2025 г.

DOI: 10.24412/3034-4271-2025-4-65-68

Дата принятия рукописи в печать: 21.12.2025 г.

**ЗАЙЦЕВА Е.М.,**  
студент ПГНИУ  
e-mail: info@law-books.ru

Научный руководитель:  
**АРИСТОВ Е.В.,**  
доктор юридических наук, профессор  
Пермский государственный национальный  
исследовательский университет  
e-mail: info@law-books.ru

## ПОНЯТИЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

**Аннотация.** В представленной статье на основе конституционных норм, норм федеральных законов, научных исследований, а также филологических толкований рассмотрено понятие «публичная власть».

**Ключевые слова:** Конституция Российской Федерации, поправки к Конституции Российской Федерации, федеральные законы, публичная власть, единая система публичной власти, органы государственной власти, органы местного самоуправления.

**ZAYTSEVA E.M.,**  
Perm State National Research University student

Academic Supervisor:  
**ARISTOV E.V.,**  
Doctor of Law, Professor  
Perm State National Research University

## THE CONCEPT OF PUBLIC AUTHORITY IN RUSSIA

**Annotation.** This article examines the concept of «public authority» based on constitutional norms, federal laws, scientific research, and philological interpretations.

**Key words:** Constitution of the Russian Federation, amendments to the Constitution of the Russian Federation, federal laws, public authority, unified system of public authority, state authorities, local governments.

В январе 2020 года Президент РФ в своем послании к Федеральному Собранию затронул тему государственного устройства. В частности, им было обращено особое внимание на существующий разрыв между муниципальным и государственным уровнем власти. Было указано, что это на практике порождает наличие запутанности и разделенности полномочий этих институтов. Как следствие, до Федерального Собрания РФ была доведена объективная необходимость того, чтобы не только в Конституции РФ, но и в ряде иных актов свое закрепление нашли принципы единой системы публичной власти, равно емкого взаимодействия между властными образованиями, которые функционируют на данных уровнях. Также было указано, что сегодня

усматривается необходимость в том, чтобы расширить и по возможности весьма существенно укрепить существующие у органов местной власти полномочия, так как местное население обращается именно в данные органы [1].

После того, как послание состоялось, в этом же году принимают закон, во многом направленный на внесение поправок в текст Конституции, речь идет о Законе РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ [2]. Кроме того, изменения были внесены и в Конституцию РФ. Так, в ее тексте впервые появилось словосочетание «публичная власть» (это можно наблюдать в ч.3 ст. 132 Конституции РФ) [3].

Одновременно с этим, при изучении действующего законодательства по теме исследования можно увидеть, что в законодательных актах де-

финиции понятия «публичная власть» на современном этапе развития не представлено.

Кроме того, ранее данное словосочетание в законодательных актах не применялось и вовсе, в частности, нет упоминаний об этом до 2020 года. В то же время, стоит обратить внимание на то, что данное словосочетание применяется и причем весьма активно, Конституционным Судом РФ. Ярким примером выступает тут Постановление от 24.01.1997 № 1-П, так как в данном акте это словосочетание применяется достаточно активно, например, в нем есть формулировка «способ организации публичной власти» [4]. Не меньший интерес представляет также и Постановление КС от 15.01.1998 № 3-П [5], системный анализ которого позволяет увидеть, что в документе применимы такие формулировки, как «публичная власть может быть муниципальной...» или, например, «структура и функции местной публичной власти». В Постановлении КС РФ от 01.12.2015 № 30-П [6], также встречаются формулировки, указанные выше, что иллюстрирует выводы, которые были сделаны нами ранее.

В некоторых нормативных актах термин «публичный» применяли и до 2020 г. Например, в АПК РФ [7], и КАС РФ [8] можно встретить термин «публичные правоотношения», понимать под которыми предлагается правоотношения, суть которых в том, что один из их участников на практике будет реализовывать публично-властные полномочия в сфере исполнения, а также применения ряда законов и подзаконных актов в отношении другого участника. Встречалось и такое понятие, как «публично-правовая компания», в частности, дано указанное определение в Федеральном законе от 03.07.2016 № 236-ФЗ [9]. Стоит отметить, что понимали под ним унитарную некоммерческую организацию, созданную РФ в том порядке, который сегодня установлен законодательно.

На основании системного анализа практических материалов, равно как совокупности законодательных положений, приходим к выводу, что понятие «публичный» означает «исходящий от государства» или же «исходящий от государственной власти». При изучении толковых словарей можно установить, что термин «публичный» стоит понимать как что-то, что осуществляется в присутствии публики, общественный открытый [10]; предназначенный для публики, общества [11]. Термин «власть» в толковых словарях определяют как политическое господство, государственное управление и органы государственного управления, лица, которые имеют ряд властных полномочий [10], органы местного и государственного управления [11].

В научной литературе термин «публичная власть» изучали достаточно давно, в том числе, до 2020 года. Например, С.А. Авакьян в своих трудах часто отмечал, что понятие «публичная власть» стоит понимать как «власть народа». Свое внимание данный автор также акцентировал на то, что

публичная власть на территории нашей страны осуществима в трех формах, которые можно назвать ключевыми. В частности, это общественная власть, власть местного самоуправления, государственная власть [12].

Не меньший интерес представляет точка зрения В.А. Винокурова, так как этот автор указывал, что публичную власть можно понимать в широком смысле и в смысле узком. Так, широкий подход к пониманию этого термина состоит в том, что публичная власть это определенные действия, обладающие властным характером, осуществляемые в практической деятельности органами местного самоуправления или органами государственной власти, в некоторых случаях общественными организациями. Узкий подход трактует понятие публичной власти через призму власти, осуществляемой органами местного самоуправления или органами государственной власти, сами данные органы [13].

Уже в конце 2020 г. принимают Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ [14]. С содержательной точки зрения в нем определили базис функционирования системы публичной власти на территории нашей страны, а закрепление такие основы отражены в статье 1 ФЗ № 394-ФЗ.

Так, в п.1 ст. 2 ФЗ № 394-ФЗ законодатель дал определение именно системе публичной власти, а понимать под ней он предлагает федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов, равно как некоторые иные государственные органы и органы местного самоуправления в своем единстве, которые выполняют определенные функции и направлены на развитие страны. Осуществляется данная деятельность в полном соответствии с законодательно установленными принципами и лишь в тех пределах, которые также установил законодатель. Можно заключить, что хоть в законе не дается определение понятию «публичная власть», дается определение ее системы, что оценивается весьма положительно.

Анализ словосочетания «единая система публичной власти», проведенный Ю.В. Ким, позволил данному автору усмотреть в нем наличие погрешности в логике. В частности, автор настаивает на том, что слово «единая» в данном определении является лишним, это плеоназм, так как все знают, что система и так образует собой целостное образование и функциональное единство [15].

Полагаем, что не согласиться с указанной точкой зрения затруднительно, так как понятие «система» априори включает в себя определенные элементы, которые находятся друг с другом в определенных отношениях и связях и также образуют собой определенное единство и целостность [16]. Принимая во внимание тот факт, что в качестве основного признака системы как раз и выступает то, что она характеризуется единством, то термин «единая система публич-

ной власти» в данном аспекте вполне может рассматриваться как плеоназм. Однако есть в научной литературе и другая точка зрения, состоящая в том, что термин «единая» используется в данном случае на фоне того, что подразумевается соединение двух уровней власти, которые образуют собой единое целое. Как следствие, именно с целью акцентировать на этом внимание и применяется этот термин [17]. С данной точкой зрения также целесообразно согласиться, так как обе из представленных точек зрения обладают определенной логикой, но наиболее логичной видится точка зрения, в соответствии с которой, речевое излишество в данном случае все же имеет место быть. Обусловлено это тем, что понятия «единая» и «система» попросту дублируют друг друга. Однако стоит отметить и то, что использование указанного понятия помогает обращать особое внимание на то, что органы власти всегда обладают единством, причем вне зависимости от того, о каком уровне власти идет речь в том или ином случае.

Системный анализ данного определения и его характерных особенностей позволяет установить, что под единой системой публичной власти понимаются все органы власти, которые относятся к основным уровням и осуществляющим все направления деятельности, весьма характерные для институтов власти на базе принципов, которые являются общеустановленными. Данные положения продублированы и в Федеральном законе от 21.12.2021 № 414-ФЗ [18] (ст. 1).

Принимая во внимание тот факт, что понятие публичной власти сегодня активно применяют в законах, данный термин нигде в нормативных актах не закреплён. Встречаются его определения только лишь в научной литературе. На основании этого можно заключить, что усматривается объективная необходимость в том, чтобы закрепить анализируемое понятие в действующем законодательстве.

Одновременно с этим, для того, чтобы данное понятие было полным, емким и верным, стоит изучить ключевые признаки публичной власти. Так, первый характерный признак состоит в том, что на территории нашей страны источник власти представлен народом страны, выступающий в роли «учредителя» такой власти соответственно.

Второй признак состоит в том, что функционирует данная власть только в интересах народа и для защиты его прав и свобод, для развития страны по всем направлениям.

Нельзя не отметить и реализацию публичной власти на трех основных уровнях. На основании этого можно заключить, что публичная власть на том или ином уровне будет распространяться на ту или иную территорию. В связи с этим, предлагается применять следующее определение публичной власти:

Публичная власть образует собой одну из форм власти народа, которая им осуществляется

через органы местного самоуправления или же через федеральные органы государственной власти, которая необходима в целях защиты, а также соблюдения свобод и прав человека и гражданина, равно как формирования условий, нужных для оптимального социально-экономического развития страны.

#### Список литературы:

- [1] Парламентская газета, № 2, 17-23.01.2020.
- [2] Собрание законодательства Российской Федерации. 2020, № 11, ст. 1416.
- [3] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (в ред. от 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.11.2025).
- [4] Собрание законодательства Российской Федерации. 1997, № 5. Ст. 708.
- [5] Собрание законодательства Российской Федерации. 1997, № 5. Ст. 532.
- [6] Собрание законодательства Российской Федерации. 1997, № 5. Ст. 7226.
- [7] Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3012.
- [8] Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 10. ст. 1391.
- [9] Собрание законодательства Российской Федерации. 2016, № 27 (часть I), ст. 4169.
- [10] Толковый словарь / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/194158?ysclid=mhkupi7pts342077622> (дата обращения: 03.11.2025).
- [11] Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова // URL: [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9&mode=slovari&dicts\[\]=42&ysclid=mhkur0tdvg732983830](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9&mode=slovari&dicts[]=42&ysclid=mhkur0tdvg732983830) (дата обращения: 03.11.2025).
- [12] Авакьян С.А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. С. 445 – 446.
- [13] Винокуров В.А. Законодательство о публичной власти в России: проблемы понятия и содержания // «Конституционное и муниципальное право», 2023, № 1. С. 34-37.
- [14] Собрание законодательства Российской Федерации. 2020, № 50 (часть III), ст. 8039.
- [15] Ким Ю.В. Конституционная модель публично-властной организации в современной России // «Конституционное и муниципальное право», 2023, № 6. С.25-34.
- [16] Словарь философских понятий для студентов всех форм обучения / Сост. С. В. Краснов: Самарск. гос. экон. акад. - Самара, 2018. С. 99.
- [17] Бочкарев И.Е. О единой системе публичной власти в контексте проекта закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти» // URL: <http://www.zakipr.ru>

unn.ru/wp-content/uploads/sites/16/2020/12/16.-Bochkarev-I.E..pdf (дата обращения: 06.11.2025).

[18] Собрание законодательства Российской Федерации. 2021, № 52 (часть I), ст. 8973.

#### References:

[1] Parliamentary Newspaper, No. 2, January 17-23, 2020.

[2] Collected Legislation of the Russian Federation. 2020, No. 11, Article 1416.

[3] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended on July 1, 2020) // Official Internet Portal of Legal Information URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date accessed: November 3, 2025).

[4] Collected Legislation of the Russian Federation. 1997, No. 5. Article 708.

[5] Collected Legislation of the Russian Federation. 1997, No. 5. Article 532.

[6] Collected Legislation of the Russian Federation. 1997, No. 5, Article 7226.

[7] Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30, Article 3012.

[8] Collected Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 10, Article 1391.

[9] Collected Legislation of the Russian Federation. 2016, No. 27 (Part I), Article 4169.

[10] Explanatory Dictionary / edited by S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/194158?ysclid=mhku pi7pts342077622> (accessed: 03.11.2025).

[11] Comprehensive Explanatory Dictionary of

the Russian Language / edited by S.A. Kuznetsova // URL: [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9&mode=slovari&dicts\[\]=42&ysclid=mhkur0tdvg732983830](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9&mode=slovari&dicts[]=42&ysclid=mhkur0tdvg732983830) (accessed: 03.11.2025).

[12] Avakyan S.A. Constitutional Lexicon: State and Legal Terminology Dictionary. Moscow: Yustitsinform, 2015. Pp. 445–446.

[13] Vinokurov V.A. Legislation on Public Authority in Russia: Problems of Concept and Content // “Constitutional and Municipal Law”, 2023, No. 1. Pp. 34–37.

[14] Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020, No. 50 (Part III), Article 8039.

[15] Kim Yu.V. Constitutional Model of a Public-Power Organization in Modern Russia // Constitutional and Municipal Law, 2023, No. 6. Pp. 25–34.

[16] Dictionary of Philosophical Concepts for Students of All Forms of Education / Comp. S.V. Krasnov: Samara State Economic Academy, Samara, 2018. P. 99.

[17] Bochkarev I.E. On a Unified System of Public Authority in the Context of the Draft Law of the Russian Federation Amending the Constitution of the Russian Federation «On Improving the Regulation of Certain Issues of Public Authority Organization» // URL: <http://www.zakipp.unn.ru/wp-content/uploads/sites/16/2020/12/16.-Bochkarev-I.E..pdf> (accessed: 06.11.2025).

[18] Collected Legislation of the Russian Federation. 2021, No. 52 (Part I), Art. 8973.





**ЮРКОМПАНИ**

[www.law-books.ru](http://www.law-books.ru)

Юридическое издательство  
**«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,  
учебных и методических  
пособий, монографий,  
научных статей.

Профессионально.

В максимально  
короткие сроки.

Размещаем  
в РИНЦ, E-Library.

**МОИСЕЕВ Иван Алексеевич,**  
аспирант 1-го курса  
кафедры конституционного и международного права  
ВГУЮ (РПА Минюста России),  
г. Москва,  
e-mail: ivan.moiseev.13@inbox.ru

## ПОНЯТИЕ «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА» В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ И МЕЖОТРАСЛЕВОМ ИЗМЕРЕНИИ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

**Аннотация.** Статья посвящена анализу понятия «историческая правда», закреплённого в 2020 году в статье 67.1 Конституции Российской Федерации. Рассматривается внутренняя структура данного понятия, которое раскрывается одновременно как базисная духовная ценность общества и как конкретный объект, защищаемый нормами права. Исследуется его взаимосвязь с концепцией «исторической памяти», представленной в качестве фактора консолидации социума и объекта, требующего защиты от фальсификации. В работе отмечается терминологическое многообразие научного дискурса, где понятие исторической памяти анализируется в контексте смежных категорий коллективной, социальной и культурной памяти. Отсутствие единого легального определения создаёт сложности для правоприменительной практики. В межотраслевом аспекте рассматривается фрагментированность механизмов правовой защиты исторической памяти. Делается вывод о том, что современные подходы к сохранению прошлого обусловлены осознанием уязвимости культурного наследия и традиционных ценностей.

**Ключевые слова:** историческая правда, конституционное право, межотраслевое регулирование, юридическое содержание, традиционные ценности, защита исторической памяти.

**MOISEEV Ivan Alekseevich,**  
1st year postgraduate student  
of the Department of Constitutional and International Law  
of The All-Russian State University of Justice,  
Moscow

## THE CONCEPT OF «HISTORICAL TRUTH» IN THE CONSTITUTIONAL-LEGAL AND INTERSECTORAL DIMENSION: TO THE PROBLEM OF DETERMINING LEGAL CONTENT

**Annotation.** The article is devoted to the analysis of the concept of «historical truth,» which was enshrined in Article 67.1 of the Constitution of the Russian Federation in 2020. The article examines the internal structure of this concept, which is revealed both as a fundamental spiritual value of society and as a specific object protected by legal norms. The article explores its relationship with the concept of «historical memory,» which is presented as a factor in the consolidation of society and an object that requires protection from falsification. The article highlights the terminological diversity of scientific discourse, where the concept of historical memory is analyzed in the context of related categories of collective, social, and cultural memory. The lack of a single legal definition creates difficulties for law enforcement practice. In an interdisciplinary aspect, the fragmentation of legal mechanisms for protecting historical memory is considered. It is concluded that modern approaches to preserving the past are based on an awareness of the vulnerability of cultural heritage and traditional values.

**Key words:** historical truth, constitutional law, cross-sectoral regulation, legal content, traditional values, protection of historical memory.

В современной России задача сохранения исторической памяти была конституирована как правовая категория высшего порядка. «Политика памяти нередко характеризуется как поле борьбы за историческую правду. Именно в таких терминах сформулирована внесенная

в Конституцию РФ в 2020 году статья 67.1» [9]. Введение категории «историческая правда» в основную закон страны создало комплекс теоретико-правовых проблем, центральной из которых является отсутствие легального определения данного понятия.

Конституционно-правовое измерение исторической правды характеризуется ее двойственной природой. С одной стороны, она выступает как охраняемая государством ценность, что закреплено в статье 67.1 Конституции РФ [1], где историческая правда представлена в качестве элемента системы традиционных ценностей и подчеркивается ее фундаментальный аксиологический характер. Эта ценностная (аксиологическая) квалификация служит нормативным основанием для второй стороны ее правовой природы. С другой стороны, историческая правда является объектом правовой защиты, то есть тем социально значимым благом, для охраны которого от нарушений и фальсификаций устанавливается специальный юридический режим, включая меры ответственности. Следовательно, в первой ипостаси (ценность) определяется значимость и содержание блага, а во второй (объект защиты) создаются конкретные правовые механизмы его обеспечения. Эта двойственность отражает стандартный для права подход: от признания важности явления на уровне конституционных принципов — к построению его охраны в отраслевом законодательстве.

Особая, ничем не заменимая роль в процессе формирования национальной идентичности и гражданской солидарности отводится исторической памяти. Она не является пассивным хранилищем дат и событий, а представляет собой динамичный механизм, через который общество осознает себя во времени, извлекает уроки из прошлого и выстраивает стратегии на будущее. Эта коллективная память формирует морально-нравственные ориентиры, легитимирует социальные институты и создает то символическое пространство, где рождается чувство принадлежности к общей судьбе. В этом контексте становится очевидной справедливость утверждения о том, что «историческая память – важный фактор в сохранении и развитии общества. Фальсификация истории разрушает основы общества и ведет к его деградации» [5]. Действительно, утрата или целенаправленное размывание аутентичной памяти лишает социум фундамента, приводя к кризису смыслов, распаду социальных связей и потере вектора развития. Фальсификация же, будучи инструментом манипуляции, сознательно заменяет скрепляющие истины на разрушительные мифы, что можно сравнить с подменой краеугольного камня в здании. Деградация проявляется не только в утрате традиций, но и в ослаблении способности давать адекватные ответы на современные вызовы, поскольку такое общество, оторванное от реального опыта предков,

вынуждено действовать в историческом вакууме.

Вопрос определения юридического содержания понятия «историческая правда» требует рассмотрения в конституционно-правовом и межотраслевом аспектах. Конституционно-правовое измерение задает общие ценностные ориентиры защиты исторической памяти как основы национальной идентичности, тогда как конкретные механизмы ее охраны раскрываются в нормах различных отраслей права.

Анализ механизмов правовой защиты исторической памяти целесообразно сосредоточить на уголовном законодательстве как на наиболее репрезентативном и строгом инструменте охраны социально значимых благ. Уголовный закон, устанавливая предельные санкции, наиболее четко обозначает те ценности, которые государство считает первостепенными и берет под максимальную защиту. Именно поэтому структура и содержание уголовно-правовых норм, касающихся памяти, служат ключевым индикатором системного подхода к ее охране. Однако при детальном рассмотрении возникает существенная проблематика, непосредственно связанная с проблемой определения единого объекта охраны. «К сожалению, при обращении к вопросам охраны исторической памяти УК РФ не включает эти статьи не только в одну главу, но даже в один раздел. Это не позволяет проанализировать историческую память как объект преступления исключительно легально» [7].

Данная структурная разобщенность в ведущей охранительной отрасли права приводит к ряду правовых и практических последствий, затрудняющих выработку единого юридического понимания «исторической правды».

Во-первых, нормы, опосредованно охраняющие историческую память, оказываются рассредоточены по различным разделам Кодекса, будучи отнесенными к преступлениям против конституционных прав, общественной безопасности, государственной власти и общественного порядка. Это не позволяет сформировать единое доктринальное понимание данного правового блага, его границ и приоритетности в системе охраняемых ценностей.

Во-вторых, отсутствие единой системной главы затрудняет правоприменительную практику, не предлагая правоприменителям целостной логики для квалификации деяний. Эта материально-правовая проблема усугубляется на уголовно-процессуальном уровне: разная родовая подсудность, определяемая Уголовно-процессуальным кодексом РФ (УПК РФ) [3], и подсудность дел в зависимости от конкретной статьи Уголовного кодекса РФ (УК РФ) [2], по которой они квалифицированы, создают организационные барьеры и препятствуют формированию единообразной следственной и судебной практики.

В-третьих, такая фрагментарность законодательной конструкции в уголовном праве кос-

венно свидетельствует об отсутствии в правовой доктрине и законодательной политике единого, консолидированного взгляда на историческую память и, как следствие, защиту исторической правды как на комплексный и самостоятельный объект уголовно-правовой охраны, что, в свою очередь, не позволяет четко определить ее юридическое содержание в межотраслевом измерении.

Действующее законодательство, хотя и содержит отдельные охранительные нормы, такие как статьи о реабилитации нацизма или об уничтожении воинских захоронений, отражает пока что фрагментарный, а не системный ответ государства на вызовы, связанные с защитой исторического наследия и национальной идентичности. Эта фрагментарность лишь подчеркивает необходимость осмысления того абсолютного блага, которое призваны охранять эти разрозненные нормы.

Ценностная значимость охраняемого блага не вызывает сомнений. Его фундаментальный статус подтверждается тем, что «историческая правда сама по себе представляет собой особое благо, представляющее огромную ценность как для индивидов, так и для коллективных общностей» [4]. Эта ценность коренится в способности исторической правды формировать идентичность, обеспечивать преемственность поколений и служить основой для коллективного самоуважения. Однако содержательная сложность и многомерность данного феномена находит свое отражение и в научном языке. Как справедливо отмечается исследователями, «в работах, посвященных проявлениям внеиндивидуальной (неиндивидуальной) памяти, термин историческая память обычно употребляется в синонимическом ряду с памятью социальной, коллективной, народной, групповой, культурной» [8]. Подобное терминологическое многообразие свидетельствует о попытках осмыслить различные грани одного сложного социокультурного явления, что, однако, может затруднять выработку единого подхода к его правовой защите. Именно осознаваемая уязвимость этого сложного, многогранного и терминологически неоднозначного феномена и определяет актуальность его целенаправленной защиты в современную эпоху.

Сегодняшние усилия по охране прошлого носят не столько стихийный, сколько стратегический характер, что объясняется ясным пониманием его хрупкости. «Современные стратегические планы по сохранению и спасению прошлого возникают не спонтанно, из естественного желания помнить о каких-то знаковых событиях, а из ясного осознания хрупкости культурных традиций и ценностей, которые необходимо сохранить по причине угрозы их исчезновения» [6]. Потребность в защите исторической памяти проистекает, следовательно, из совокупности этих факторов: ее высокой ценности, структурной сложности и

подверженности различным формам эрозии и искажения в современном мире.

Таким образом, конституционное закрепление исторической правды как охраняемой ценности создает принципиальную основу для формирования целостного правового режима ее защиты. Однако его эффективная реализация требует преодоления ключевых проблем: во-первых, разработки четкого юридического определения и содержания данного понятия, что позволит унифицировать терминологию в межотраслевом дискурсе;

во-вторых, преодоления выявленной фрагментарности охранительных механизмов путем их систематизации вокруг единого объекта защиты. Решение этих задач является не только технико-юридической необходимостью для согласованного применения норм, но и стратегическим императивом, поскольку целостный режим защиты исторической памяти служит фундаментом культурного суверенитета, гражданской идентичности и, в конечном счете, национальной безопасности.

#### Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.
- [2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
- [3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.
- [4] Васильев А. А., Боловнев М. А. Роль правосудия в формировании исторической памяти // RUDN Journal of Law. — 2025. — Т. 29. — № 1. — С. 153–170.
- [5] Гуляев А. А. К вопросу о сохранении исторической правды о Великой Отечественной войне // Власть. — 2025. — Т. 33. — № 3. — С. 242–245.
- [6] Корнющенко-Ермолаева Н. С. Коллективная историческая память: основания выделения понятия и роль в современной культуре // Векторы благополучия: экономика и социум. — 2020. — № 3 (38). — С. 32–50.
- [7] Скоробогатов А. В. Историческая память как объект преступления // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2025. — Т. 16. — № 2 (60). — С. 157–166.
- [8] Тульпе И. А. Историческая память как религиозно-нравственный концепт // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2025. — Т. 16, № 2. — С. 114–125.
- [9] Фадеева Л. А. Политика памяти и историческая правда // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. — 2025. — Т. 19. — № 1. — С. 5–9.

## References:

- [1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // SZ RF. — 2020. — No. 11. — Art. 1416.
- [2] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // SZ RF. — 1996. — No. 25. — Art. 2954.
- [3] Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ // SZ RF. — 2001. — No. 52 (Part I). — Art. 4921.
- [4] Vasiliev A. A., Bolovnev M. A. The Role of Justice in the Formation of Historical Memory // RUDN Journal of Law. - 2025. - Vol. 29. - No. 1. - Pp. 153-170.
- [5] Gulyaev A. A. On the Issue of Preserving the Historical Truth about the Great Patriotic War // Power. - 2025. - Vol. 33. - No. 3. - Pp. 242-245.
- [6] Kornushchenko-Ermolaeva N. S. Collective Historical Memory: Grounds for Identifying the Concept and Its Role in Modern Culture // Vectors of Well-Being: Economy and Society. - 2020. - No. 3 (38). - Pp. 32-50.
- [7] Skorobogatov A. V. Historical Memory as an Object of Crime // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2025. - Vol. 16. - No. 2 (60). - P. 157-166.
- [8] Tulpe I. A. Historical Memory as a Religious and Moral Concept // Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin. - 2025. - Vol. 16, No. 2. - P. 114-125.
- [9] Fadeeva L. A. Politics of Memory and Historical Truth // Bulletin of Perm University. Series: Political Science. - 2025. - Vol. 19. - No. 1. - P. 5-9.





**ЮРКОМПАНИ**

*www.law-books.ru*

Юридическое издательство  
**«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,  
учебных и методических  
пособий, монографий,  
научных статей.

Профессионально.

В максимально  
короткие сроки.

Размещаем  
в РИНЦ, E-Library.

**ФИРСОВА Даниэла Денисовна,**  
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет  
Государственной противопожарной службы МЧС России»  
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева  
e-mail: info@law-books.ru

**МОИСЕЕНКО Михаил Иванович,**  
доцент кафедры административного права,  
кандидат юридических наук,  
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет  
Государственной противопожарной службы МЧС России»  
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева  
e-mail: info@law-books.ru

## **ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО: ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ИИ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЕГО ДЕЙСТВИЯ**

**Аннотация.** Статья посвящена анализу актуальных проблем правового регулирования искусственного интеллекта (ИИ) в сфере гражданского права. Цель работы – исследовать вопрос правосубъектности искусственного интеллекта и распределения ответственности за его действия в контексте действующего и перспективного российского законодательства. Исследование основано на анализе текущих положений Гражданского кодекса РФ, стратегических государственных документов, а также на сравнительном изучении научных позиций ведущих правоведов. Используются методы догматического, сравнительно-правового и прогностического анализа. Научная новизна заключается в комплексном рассмотрении проблемы правосубъектности искусственного интеллекта через призму концепции «электронного лица» – нового, специального субъекта права. В результате исследования установлено, что в рамках действующего законодательства искусственный интеллект является объектом права и не может рассматриваться как автор. Однако прогрессирующая автономность систем искусственного интеллекта требует формирования специального правового режима. В качестве основного вывода предлагается введение в гражданское законодательство нового понятия – «результаты синтеза, генерации и преобразовательной деятельности искусственного интеллекта», с закреплением авторства за владельцем системы или гражданином, внесшим творческий вклад. Для решения проблем ответственности и идентификации обоснована необходимость признания высокоавтономных систем искусственного интеллекта, обладающих когнитивными и творческими навыками, электронными субъектами права, что потребует внесения соответствующих изменений в Гражданский кодекс РФ. Доказано, что классическая дихотомия «субъект-объект» права недостаточна для регулирования отношений с участием искусственного интеллекта. Оптимальным вектором развития законодательства является создание гибкой конструкции «электронного лица» как специального субъекта, что позволит адекватно решать вопросы ответственности и прав на результаты, создаваемые автономными системами, без разрушения сложившегося правопорядка.

**Ключевые слова:** искусственный интеллект, гражданское право, правосубъектность, электронное лицо, ответственность.

**FIRSOVA Daniela Denisovna,**  
St. Petersburg University The State Fire Service of the  
Ministry of Emergency Situations of Russia»  
named after the Hero of the Russian Federation, Army General E. N. Zinichev

**MOISEENKO Mikhail Ivanovich,**  
Associate Professor of the Department of Administrative Law,  
Candidate of Law,  
St. Petersburg University The State Fire Service of the  
Ministry of Emergency Situations of Russia»  
named after the Hero of the Russian Federation, Army General E. N. Zinichev

# THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON CIVIL LAW: THE LEGAL PERSONALITY OF AI, RESPONSIBILITY FOR ITS ACTIONS

**Annotation.** *The article is devoted to the analysis of actual problems of legal regulation of artificial intelligence (AI) in the field of civil law. The purpose of the work is to investigate the issue of the legal personality of artificial intelligence and the distribution of responsibility for its actions in the context of current and future Russian legislation. The research is based on an analysis of the current provisions of the Civil Code of the Russian Federation, strategic government documents, as well as a comparative study of the scientific positions of leading legal scholars. The methods of dogmatic, comparative-legal and predictive analysis are used. The scientific novelty lies in the comprehensive consideration of the problem of the legal personality of artificial intelligence through the prism of the concept of an «electronic person» – a new, special subject of law. As a result of the study, it was found that within the framework of current legislation, artificial intelligence is an object of law and cannot be considered as an author. However, the progressive autonomy of artificial intelligence systems requires the formation of a special legal regime. The main conclusion is the introduction of a new concept into civil legislation – «the results of synthesis, generation and transformative activity of artificial intelligence», with the assignment of authorship to the owner of the system or a citizen who has made a creative contribution. In order to solve the problems of responsibility and identification, the necessity of recognizing highly autonomous artificial intelligence systems with cognitive and creative skills as electronic subjects of law is substantiated, which will require appropriate amendments to the Civil Code of the Russian Federation. It is proved that the classical subject-object dichotomy of law is insufficient to regulate relations involving artificial intelligence. The optimal vector for the development of legislation is the creation of a flexible design of an «electronic person» as a special entity, which will allow us to adequately address issues of responsibility and rights to the results created by autonomous systems without destroying the established legal order.*

**Key words:** *artificial intelligence, civil law, legal personality, electronic person, responsibility.*

Актуальность исследования выбранной темы обусловлена широким распространением искусственного интеллекта в современном мире и его внедрением в различные сферы жизни: в обслуживание клиентов, управление транспортом, сферы медицины, финансов, безопасности, образования, производства, робототехники и развлечений. Искусственный интеллект постепенно становится самостоятельной системой, способной обучаться, анализировать информацию, принимать решения и накапливать опыт без участия человека. Это вызывает сложные правовые вопросы о его статусе: ведь если раньше роботы считались лишь объектами права, то теперь обсуждается возможность признания искусственного интеллекта субъектом права, наделенным определенными правами и обязанностями [1, с. 77].

Искусственный интеллект определяется как область компьютерной науки, создающая алгоритмы и программы, способные имитировать человеческое мышление и решать сложные задачи. Развитие искусственного интеллекта вызывает появление новых правовых проблем, в частности связанных с вопросами его правосубъектности, авторства и обладания исключительными правами на созданные им результаты. Выделяют четыре основные группы искусственного интеллекта: реактивные машины, системы с ограниченной памятью, ИИ для командной работы и ИИ, обладающий самосознанием. Последний включает виртуальные алгоритмы, киберфизических роботов и биок cyberнетические системы, и именно эту ка-

тегорию можно рассматривать как обладающую правосубъектностью. Такие интеллектуальные системы невозможно считать простыми инструментами человека, поэтому возникает необходимость создания универсальных правовых норм для регулирования взаимодействия с ними [2, с. 84].

По российскому законодательству искусственный интеллект не является субъектом права и не может рассматриваться как автор, поскольку в соответствии со ст. 1228 Гражданского кодекса РФ автором признается только человек, творческим трудом которого создан результат [3]. Следовательно, искусственный интеллект не может обладать ни правом авторства, ни исключительными правами.

Деятельность искусственного интеллекта не включает человеческие творческие процессы – рассудочное и творческое мышление, воображение, вдохновение и т.п., что служит аргументом против признания ИИ способным к творческому труду и, соответственно, против предоставления ему правосубъектности в сфере интеллектуальной собственности [4, с. 118].

В России проблема правового регулирования ИИ рассматривается на государственном уровне. В соответствии с Указом Президента РФ от 10.10.2019 №490 принят федеральный проект «Искусственный интеллект» и утверждена Национальная стратегия развития ИИ до 2030 года [5]. Дополнительно разрабатываются нормативные акты: внесение изменений в Гражданский кодекс РФ и Модельную конвенцию о робототехнике

и искусственном интеллекте, направленные на формирование правовой базы для регулирования отношений в этой сфере. В этой связи в литературе рассматриваются вопросы ответственности искусственного интеллекта и возможность создания государственного реестра робототехники, поскольку ИИ все активнее используется в сферах, где раньше действовал только человек, что вызывает необходимость определить его правосубъектность [6, с. 198].

Исследователи расходятся во мнениях: одни считают ИИ объектом права [7, с. 211], другие – его субъектом [8, с. 761]. Первая позиция основана на том, что нормы права создавались для человека, обладающего сознанием и эмоциями, а роботы лишь имитируют эти качества. Такой подход дает возможность точно установить, кто несет ответственность за действия ИИ – разработчики, владельцы или операторы, но при этом игнорирует растущую автономность и интеллектуальные способности машин. Сторонники признания искусственного интеллекта субъектом права предлагают разные варианты его статуса – юридическое лицо, аналог физического лица в ограниченной форме или совершенно новый вид субъекта, электронное лицо. Однако идея приравнивания к юридическому лицу критикуется из-за риска ухода от ответственности и ограниченности прав и обязанностей, присущих обычным юридическим лицам.

В этой связи возникают проблемы, которые могут возникнуть при попытке приравнять искусственный интеллект к юридическому лицу, так как это способно вызвать законодательные противоречия и разрушить порядок делового оборота. Идея электронного субъекта предполагает ИИ как самостоятельную, самоорганизующую систему с когнитивными, речевыми, творческими и биоподобными способностями. В зависимости от уровня этих способностей ИИ может рассматриваться либо как инструмент, либо как электронный субъект права.

Искусственный интеллект при создании продукта не проявляет творческого подхода, а лишь обобщает существующие данные, создавая аналоги уже известных результатов. На этом основании можно говорить о том, что ИИ не может обладать правами интеллектуальной собственности, поскольку его деятельность не является творческой. На этом основании предлагается ввести в Гражданский кодекс РФ новое понятие – «результаты синтеза, сгенерирования и преобразовательной деятельности ИИ», чтобы различать продукты человеческого творчества и результаты работы машин. Автором таких результатов предлагается считать либо владельца ИИ, если результат создается без участия человека, либо гражданина, внесшего вклад в его создание. Для закрепления этих норм предлагается уточнить определение творческого труда в ст. 1228 ГК РФ, расширить название раздела 7, включив упоминание

о результатах деятельности ИИ, и добавить новую ст. 1228.1, определяющую авторство таких результатов.

Таким образом, признание ИИ электронным субъектом поможет решить вопросы ответственности, авторства и идентификации, особенно когда автономные системы создают творческие произведения или принимают юридически значимые решения. Искусственный интеллект может считаться специальным субъектом права, если обладает определенными программно-синтезированными способностями. К ним относятся когнитивные, биоподобные, речемыслительные, творческие навыки, а также умение воспринимать и создавать смыслы, взаимодействовать с реальностью и проходить тестирование. Такой ИИ способен обучаться, анализировать информацию, создавать новые решения и накапливать опыт, что позволяет рассматривать его как потенциального электронного субъекта права.

#### Список литературы:

- [1] Кириллова, Е. А. К вопросу о правосубъектности искусственного интеллекта / Е. А. Кириллова, Т. Э. Зулфугарзаде // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2024. – № 4(271). – С. 76-80.
- [2] Musina, K. S. Juridical aspects of the interpretation of the legal personality of artificial intelligence / K. S. Musina // Евразийский юридический журнал. – 2022. – No. 12(175). – P. 84-85.
- [3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 №230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
- [4] Миляков, И. В. К вопросу о наделении носителей искусственного интеллекта трудовой правосубъектностью / И. В. Миляков // Эволюция права - 2024 : Сборник тезисов Международной научно-практической конференции аспирантов, студентов и молодых ученых, Москва, 11–12 октября 2024 года. – Москва: ООО «МАКС Пресс», 2025. – С. 117-118.
- [5] Указ Президента РФ от 10.10.2019 №490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
- [6] Гайворонская, Я. В. Гордиев узел противоречий: технология, этика и право в вопросе о правосубъектности искусственного интеллекта / Я. В. Гайворонская, О. И. Мирошниченко // Образование и право. – 2020. – № 9. – С. 196-203.
- [7] Яковлев, Н. Творческая деятельность искусственного интеллекта как основание наделения его правосубъектностью / Н. Яковлев // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики. – Москва: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021. – С. 211-216.

[8] Мисриханов, А. Ф. Гражданско-правовые проблемы правосубъектности искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности / А. Ф. Мисриханов // Державинские чтения. – Москва: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2023. – С. 760-763.

#### References:

[1] Kirillova, E. A. On the Issue of the Legal Personality of Artificial Intelligence / E. A. Kirillova, T. E. Zulfugarzade // Property Relations in the Russian Federation. - 2024. - No. 4 (271). - Pp. 76-80.

[2] Musina, K. S. Juridical Aspects of the Interpretation of the Legal Personality of Artificial Intelligence / K. S. Musina // Eurasian Law Journal. - 2022. - No. 12 (175). - Pp. 84-85.

[3] Civil Code of the Russian Federation (Part Four) dated 18.12.2006 No. 230-FZ (as amended on 23.07.2025) // Reference and Legal System «ConsultantPlus».

[4] Milyakov, I. V. On the Issue of Granting Artificial Intelligence Carriers Labor Legal Capacity / I. V. Milyakov // Evolution of Law - 2024: Collection of Abstracts of the International Scientific and Practical Conference of Postgraduates, Students, and Young

Scientists, Moscow, October 11–12, 2024. – Moscow: OOO MAX Press, 2025. – Pp. 117–118.

[5] Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 (as amended on February 15, 2024) “On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation” (together with the “National Strategy for the Development of Artificial Intelligence through 2030”) // Reference and Legal System “ConsultantPlus”.

[6] Gaivoronskaya, Ya. V. Gordiev Knot of Contradictions: Technology, Ethics, and Law in the Issue of the Legal Capacity of Artificial Intelligence / Ya. V. Gaivoronskaya, O. I. Miroshnichenko // Education and Law. - 2020. - No. 9. - Pp. 196-203.

[7] Yakovlev, N. Creative Activity of Artificial Intelligence as a Basis for Granting It Legal Capacity / N. Yakovlev // Legal Protection of Intellectual Property: Problems of Theory and Practice. - Moscow: O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2021. - Pp. 211-216.

[8] Misrikhanov, A. F. Civil Law Problems of the Legal Capacity of Artificial Intelligence in the Sphere of Intellectual Property Law / A. F. Misrikhanov // Derzhavin Readings. – Moscow: All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2023. – P. 760-763.





**ЮРКОМПАНИ**

*www.law-books.ru*

Юридическое издательство  
**«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,  
учебных и методических  
пособий, монографий,  
научных статей.

Профессионально.

В максимально  
короткие сроки.

Размещаем  
в РИНЦ, Е-Library.

**ЗОРИН Алексей Вячеславович,**  
кандидат юридических наук,  
Санкт-Петербургский институт (филиал)  
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)  
e-mail: a.zorin\_cof@mail.ru

## ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

**Аннотация.** Стратегические приоритеты в сфере противодействия коррупции не являются статичными; они требуют периодической актуализации. В статье исследуются особенности антикоррупционных управленческих решений, необходимых для оптимизации уголовно-правового противодействия коррупции. Выделив общую предметную специфику этих актов, автор адаптирует ее на правоохранительную систему. С учетом современных тенденций правоприменительной деятельности вносятся предложения по активизации выявления преступлений коррупционной направленности.

**Ключевые слова:** противодействие коррупции; управленческие решения; преступления коррупционной направленности; органы внутренних дел; национальная безопасность.

**ZORIN Alexey Viacheslavovich,**  
PhD,  
the Saint Petersburg Institute (Branch) of  
All-Russian State University of Justice

## PROBLEMS OF IMPROVING CRIMINAL-LEGAL ANTI-CORRUPTION

**Annotation.** Strategic priorities in the field of anti-corruption are not static; they require periodic updating. This article examines the specifics of anti-corruption management decisions necessary to optimize criminal-legal counteraction to corruption. Having identified the general subject matter specifics of these acts, the author adapts them to the law enforcement system. Taking into account modern trends in law enforcement, proposals are made to intensify the detection of corruption-related crimes.

**Key words:** anti-corruption; management decisions; corruption-related crimes; internal affairs agencies; national security.

Предупреждение и пресечение преступлений коррупционной направленности является одним из стратегических приоритетов обеспечения безопасности общества и государства. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная указом главы государства от 2 июля 2021 г. № 400, направлена на реализацию идеи построения справедливого общества. Среднесрочный стратегический документ – Национальный план противодействия коррупции на 2021-2024 годы (утвержден указом Президента РФ от 16 августа 2021 года № 478) – делает существенный акцент на предотвращении злоупотреблений должностными полномочиями. Чтобы реализовать стратегические инициативы в полном объеме, требуется принятие антикоррупционных управленческих решений. Придание им правовой основы изначально создает прозрачные условия для последующего воплощения в жизнь.

Роль права как организационного фактора,

упорядочивающего социальную жизнь, невозможно переоценить. Границы правового регулирования сочетают в себе стабильность, устойчивость и динамическое развитие [4]. Функция управления распределена по всем уровням жизни общества, и часть социально-правовой коммуникации гармонично распределяется между множественными предметами правового воздействия [5]. Предмет правового регулирования задает отраслевые приоритеты, посредством признания которых достигается цель его оптимизации.

Процедуры антикоррупционного противодействия регламентированы огромным массивом нормативных правовых актов. Различие в их юридической силе создает условия для возникновения дисбаланса при принятии комплексных управленческих решений. При их подготовке субъекты управленческой деятельности вынуждены прибегать к спектральному анализу действующего законодательства. Исходя из этого, необходимо уделить внимание категории «управ-

ленческое решение», обособить производное от нее понятие «антикоррупционное управленческое решение», а далее адаптировать его к возможности применения в уголовно-правовых и административно-правовых отношениях, поскольку именно они играют одну из главных ролей в механизме противодействия коррупции.

Управленческое решение как термин получило научное содержание через призму корреспондирующих факторов. Исследователи наполняют его такими позициями, как результат управленческой деятельности [2], способ реализации управленческих задач [3], опережающее воздействие на регулируемую деятельность [1]. Из этого следует, что управленческим решениям имманентно присущ стратегический, а не тактический характер, директивное целенаправленное воздействие на объект управления, наличие четко определенной цели и нескольких сценариев для ее достижения. Управленческие решения дифференцируются в зависимости от целевых установок, сферы воздействия и ожидаемым последствиям.

Таким образом, управленческое решение – это организационно-распорядительный документ, разработанный и принятый в соответствии с установленной процедурой, реализуемый в конкретные сроки и содержащий директивные указания, обязательные к исполнению кругом субъектов, ограниченным конкретной сферой управления.

Говоря об антикоррупционных управленческих решениях, нужно акцентировать внимание на том, что они предназначены для достижения одной из стратегически закрепленных целей противодействия коррупции, реализуются конкретным кругом исполнителей в установленный срок и требуют отражения в функциональном наборе полномочий органа исполнительной власти или другого субъекта противодействия коррупции. При их принятии учитывается как структура исполнительной власти, так и субординационные связи, установленные Федеральным законом «О противодействии коррупции». Например, антикоррупционные управленческие решения, реализуемые в системе МВД России, принимаются Президентом РФ (п. 2 ч. 1 ст. 5 Федерального закона «О противодействии коррупции»). Ряд полномочий в этой сфере делегирован Генеральной прокуратуре РФ как органу, координирующему борьбу с преступностью. В Комплексный план мероприятий по противодействию коррупции на 2021-2025 годы (утвержден приказом Генерального прокурора РФ от 15 сентября 2021 года № 532) включено несколько позиций, реализуемых во взаимодействии между правоохранительными органами: разработка механизма дисквалификации лиц, освобожденных от уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности с назначением судебного штрафа; выявление и пресечение фактов злоупотребления должностными полномочиями со стороны

сотрудников правоохранительных органов; интенсификация обнаружения и обращения в доход государства имущества, подвергнутого конфискации.

Очевидно, что два из трех названных решений охватывают сферу деятельности всей правоохранительной системы, а одно адресовано непосредственно МВД России как субъекту противодействия коррупции и как одному из правоохранительных органов. Соответственно, на основании названных направлений должно быть разработано несколько специальных, исполнение которых будет возложено на конкретные подразделения органов внутренних дел. При этом актуальность этих решений сохраняется длительный период, поскольку процесс декриминализации отдельных сфер деятельности – сложный и длительный процесс.

Предмет этих решений составляют:

1. Сфера предотвращения попыток хищения бюджетных средств, направленных на финансирование федеральных целевых программ и национальных проектов. Национальные проекты сегодня реализуются в большом количестве направлений; от этого зависит будущее устойчивое процветание и благополучие общества. Для их антикоррупционного обеспечения требуется систематический мониторинг информации выявленных и пресеченных преступлений коррупционной направленности, проверка состояния действующих правоотношений экономического содержания. О необходимости оперативного выявления коррупционного поведения свидетельствует множество резонансных прецедентов (строительство футбольной арены в Санкт-Петербурге, оставившее целый шлейф уголовных дел, рассматривавшихся судами в 2018-2021 гг., хищения бюджетных средств при реализации приоритетных национальных проектов, повлекшие возбуждение почти восьмисот уголовных дел в ряде регионов в 2023 г.).

2. Сфера выявления и раскрытия преступлений коррупционной направленности, совершенных в соучастии или причинивших крупный (особо крупный) ущерб. Здесь важно не только обеспечить наступательный темп расследования, но и добиться справедливого баланса соотношения мер уголовного наказания, применимых к взяточодателям и взяточполучателям (в настоящее время почти 50% взяточдателей подвергаются наказанию в виде штрафа, тогда как взяточполучателям чаще назначается лишение свободы, что не способствует восстановлению социальной справедливости). В этой связи требуется своевременное обнаружение скрываемых активов, на которые могут быть обращены штрафные санкции. Понимание более высокой степени общественной опасности коррумпированных должностных лиц в настоящее время уже состоялось; текущая задача – на их примере продемонстрировать финансовую непривлекательность коррупционного

поведения.

3. Сфера предотвращения попыток хищения средств, предназначенных для проведения капитального ремонта многоквартирных домов. Она тесно связана с декриминализацией правоотношений, возникающих в сфере оказания услуг ЖКХ. В данном случае разработка конкретных управленческих решений должна учитывать не только положения жилищного законодательства, но и правовые позиции Конституционного Суда РФ, потребовавшего при аккумулировании средств на проведение капитального ремонта использовать необходимые меры, направленные на надлежащее информирование граждан, определять очередность капитального ремонта на основе объективных критериев и критериев оценки состояния многоквартирных домов.

4. Сфера противодействия предоставлению «откатов» при заключении государственных контрактов. В данном случае принятие управленческих решений находится в двух плоскостях и затрагивает деятельность МВД России как государственного заказчика, а также подразумевает выявление фактов противоправной деятельности при заключении контрактов иными субъектами.

В современный период антикоррупционные управленческие решения в деятельности правоохранительной системы частично замкнуты на Генеральную прокуратуру, поэтому иные ее звенья имеют в процессе их реализации подчиненное положение. Вместе с тем, они достаточно эффективно реализуют свои функциональные обязанности, поэтому не могут рассматриваться на позиции статистов. Взяв за пример антикоррупционную составляющую МВД России, можно заключить, что усилия его подразделений способны повысить раскрываемость преступлений коррупционной направленности и создать условия для розыска имущества, приобретенного преступным путем. Это соответствует общим положениям, выделенным в антикоррупционной деятельности правоохранительных органов в среднесрочный период. Частные решения (специфические, обусловленные предметом деятель-

ности подразделений МВД России) могут варьироваться в краткосрочном периоде с учетом коррупционных факторов, возникающих в условиях конкретного региона или территории обслуживания. Их гармоничное сочетание приведет к повышению эффективности антикоррупционного противодействия.

#### **Список литературы:**

- [1] Асаул А.Н., Князь И.П., Коротаева Ю.В. Теория и практика принятия решений по выходу организаций из кризиса. СПб: АНО «ИПЭВ», 2007. 145 с.
- [2] Герчикова И.Н. Менеджмент: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ, 2018. 423 с.
- [3] Современный вектор противодействия преступности: ретроспективный потенциал и неизведанные просторы / К.В. Питулько, А.В. Зорин, Я.М. Кириллова [и др.]. СПб: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2025. 236 с.
- [4] Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2008. 421 с.
- [5] Шундилов К.В. Синергетика и правовое регулирование // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 1. С. 117-123.

#### **References:**

- [1] Asaul A.N., Knyazh I.P., Korotaeva Yu.V. Theory and Practice of Decision-Making for Organizations to Escape Crisis. St. Petersburg: ANO «IPEV», 2007. 145 p.
- [2] Gerchikova I.N. Management: A Textbook for Universities. Moscow: UNITY, 2018. 423 p.
- [3] The Modern Vector of Combating Crime: Retrospective Potential and Uncharted Territories / K.V. Pitulko, A.V. Zorin, Ya.M. Kirillova [et al.]. St. Petersburg: VSUYU (RPA Ministry of Justice of Russia), 2025. 236 p.
- [4] Tikhomirov Yu.A. Legal Regulation: Theory and Practice. Moscow: Formula Prava, 2008. 421 p.
- [5] Shundikov K.V. Synergetics and legal regulation // Leningrad Law Journal. 2013. No. 1. P. 117-123.



**ГОЛОЩАПОВА Е.О.**

студентка 6 курса 61 Сз группы  
Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП» им. В.И. Лебедева»  
e-mail: info@law-books.ru

Научный руководитель:

**РУДИК М.В.**

доцент кафедры уголовно- процессуального права  
Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП» им. В.И. Лебедева»  
кандидат юридических наук  
г. Симферополь, Россия,  
e-mail: katyusha\_crimea@mail.ru

## **АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА СУДА ПРИСЯЖНЫХ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

**Аннотация.** Институт суда присяжных, введенный в России в 1990-х годах, задумывался как гарант демократичности и справедливости уголовного судопроизводства, обеспечивающий участие граждан в отправлении правосудия. Однако, практика применения данного института выявила ряд существенных проблем, препятствующих его эффективной реализации. В данной статье анализируются ключевые проблемные аспекты функционирования суда присяжных в России, включая трудности формирования коллегии, вопросы допустимости доказательств, влияние общественного мнения и особенности взаимодействия судьи и присяжных. Предлагаются возможные пути решения выявленных проблем для повышения эффективности и справедливости института суда присяжных.

**Ключевые слова:** присяжные заседатели, уголовное судопроизводство, актуальные проблемы, варианты решения, показания, квалификация.

**GOLOSHCHAPOVA K. O.**

6th-year student of group 61  
Crimean branch of Federating State Educational Institution of Higher Education  
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»

Academic supervisor:

**RUDIK M.V.**

Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law  
Crimean branch of Federating State Educational Institution of Higher Education  
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»  
Candidate of Legal Sciences  
Simferopol, Russia

## **CURRENT PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE INSTITUTION OF TRIAL BY JURY AND WAYS TO SOLVE THEM**

**Annotation.** The institution of jury trial, introduced in Russia in the 1990s, was conceived as a guarantee of democratic and fair criminal proceedings, ensuring citizen participation in the administration of justice. However, the practical application of this institution has revealed a number of significant problems hindering its effective implementation. This article analyzes key problematic aspects of jury trials in Russia, including the difficulties of forming a jury panel, issues of evidence admissibility, the influence of public opinion, and the interactions between judges and jurors. Possible solutions to the identified problems are proposed to improve the efficiency and fairness of the jury trial institution.

**Key words:** jurors, criminal proceedings, current issues, solution options, testimony, qualification.

Суд с участием присяжных заседателей является одной из важнейших форм реализации конституционного права граждан на участие в управлении делами государства, а также повышения доверия к судебной системе. Внедрение этого института было продиктовано стремлением к демократизации уголовного процесса и расширению возможностей гражданского контроля над деятельностью органов правосудия. Однако, несмотря на благие намерения, институт суда присяжных в России сталкивается с рядом серьезных вызовов, снижающих его эффективность и ставящих под сомнение его соответствие заявленным целям [1, с. 45]. Проблематика института суда присяжных в России носит комплексный характер и охватывает как процедурные, так и содержательные аспекты уголовного судопроизводства. Недостаточная проработанность законодательства, низкая правовая культура населения, а также попытки манипулирования общественным мнением и присяжными со стороны заинтересованных лиц создают серьезные препятствия для справедливого и беспристрастного рассмотрения дел.

Далее будут рассмотрены наиболее актуальные проблемы, связанные с эффективным функционированием суда присяжных.

В первую очередь стоит отметить процедуру формирования коллегии присяжных заседателей. Одним из самых существенных факторов, определяющих эффективность суда присяжных — это формирование объективной и репрезентативной коллегии [2, с. 98]. Существующая процедура отбора присяжных сопряжена с определенными трудностями:

Добровольное участие в судебном заседании зачастую обеспечивает низкую явку потенциальных присяжных. Не секрет, что большинство граждан стремится избежать участия в данной процедуре, объясняя это занятостью, отсутствием желания тратить личное время либо же в некоторых случаях опасением за свою безопасность. Все эти факторы приводят к тому, что коллегии формируются из ограниченного круга кандидатов, а это в свою очередь снижает репрезентативность выборки, что искажает принцип случайности, изначально заложенный в основу суда присяжных.

Требования к присяжным, которые существуют на данный момент (отсутствие судимости, дееспособность, определенный возраст) исключают из процесса немалую часть населения. В частности, запрет на участие в суде присяжных лиц, имеющих неснятую или непогашенную судимость, может привести к исключению из коллегии лиц, имеющих опыт жизни в сложных социальных условиях, что негативно отражается на понимании мотивов и обстоятельств преступления.

Существующая процедура отбора (вручение повесток, составление списков кандидатов, судебное заседание по отбору) должна гаранти-

ровать объективность коллегии. С другой стороны, на практике стороны обвинения и защиты стремятся отобрать присяжных, которые, по их мнению, будут более склонны к их позиции. Это может привести к формированию предвзятой коллегии, что ставит под сомнение справедливость вынесенного вердикта.

Возвращаясь к требованиям к кандидатам в присяжные заседатели, можно также отметить, что состав коллегии присяжных заседателей может быть не вполне сбалансированным с точки зрения участия в процессе различных социальных групп, которые разделяются по: возрасту, образованию, социальному статусу и этнической принадлежности. Эти различия могут привести к тому, что некоторые присяжные будут испытывать трудности в понимании обстоятельств дела либо же проявлять предвзятое отношение к подсудимому, принадлежащему к другой социальной группе.

Варианты решения вышеуказанных нюансов:

- ввести поощрительные меры для участников в качестве присяжных заседателей (повысить размер компенсационных выплат; предоставить дополнительные отгулы для работающих кандидатов);

- усовершенствовать процедуру отвода кандидатов: необходимо более четко определить основания для отвода, расширить права сторон по представлению доказательств предвзятости кандидата;

- разработать специальные обучающие программы для присяжных, это в свою очередь повысит осведомленность присяжных о принципах уголовного процесса, основах доказательственного права и методах предотвращения предвзятости.

Особое место в уголовном процессе с участием присяжных заседателей занимает вопрос о допустимости доказательств. Если присяжных не имеет юридического образования, то на него могут оказать очень сильное влияние определенные виды доказательств и в конечном итоге эти доказательства могут привести к формированию предвзятого мнения о виновности подсудимого. К таким доказательствам относятся:

- Предыдущие судимости подсудимого: информация о прошлых преступлениях может существенно повлиять на мнение присяжных, даже если эти преступления не связаны с рассматриваемым делом.

- Признательные показания, полученные с нарушением закона: присяжные, могут некритически воспринимать признательные показания, не учитывая обстоятельства, при которых они были получены (например, под давлением следствия).

- Слухи и предположения, не подтвержденные доказательствами: информация, полученная из СМИ или от третьих лиц, может оказать влияние на присяжных, даже если она не имеет никакого отношения к фактическим обстоятельствам

дела. Данная проблема является существенной, так как свидетельствует о низком уровне критического мышления обывателей и предрасположенности к влиянию различных информационных источников [3, с. 12].

Какие могут быть варианты решения?

- расширить полномочия судьи по исключению недопустимых доказательств: предоставить судье право самостоятельно исключать доказательства, которые могут оказать чрезмерно сильное влияние на присяжных или которые получены с нарушением закона;

- разработать методические рекомендации для судей: подготовить рекомендации по разъяснению присяжным сложных юридических и фактических обстоятельств дела, а также по оценке различных видов доказательств;

- привлечь экспертов для дачи пояснений присяжным: организовать консультации с экспертами, которые могут объяснить присяжным суть сложных научных и технических вопросов (при необходимости).

Еще один нюанс, создающий трудности для функционирования института суда присяжных должным образом это влияние на присяжных общественного мнения и репортажей СМИ. Если уголовное дело активно освещается в СМИ, то с большей вероятностью будет сформировано негативное общественное мнение в отношении подсудимого, а публичные заявления политиков и общественных деятелей могут в свою очередь оказать существенное эмоциональное давление на присяжных и в конечном итоге привести к вынесению обвинительного вердикта, даже если нет достаточных доказательств. Эта проблема поднимает вопрос о возможности обеспечения беспристрастности судебного процесса в условиях информационной открытости и свободы слова. Злоупотребление правом на свободу слова, в данном случае, оказывает негативное влияние на отправление правосудия.

В данном случае следует предложить следующие меры:

- ограничить освещение уголовных дел в СМИ: введение запрета на публикацию информации, которая может повлиять на мнение присяжных, до вынесения вердикта;

- Разъяснить присяжным необходимость игнорировать общественное мнение: судья должен четко разъяснить присяжным, что их решение должно основываться только на доказательствах, представленных в суде, и что они должны игнорировать любую информацию, полученную из других источников;

- ввести ответственность за оказание давления на присяжных: установление уголовной или административной ответственности за публичные заявления, которые могут повлиять на мнение присяжных.

Также стоит отметить еще один не менее важный нюанс: разъяснение судьей норм уголовного

права, которые подлежат применению, а также формирование вопросов, на которые предстоит ответить присяжным. От того насколько точно и ясно будут сформулированы и разъяснены вопросы будет зависеть понимание присяжными существа дела и их дальнейшая способность вынести обоснованный вердикт [4, с. 789-795].

Трудности, возникающие на данном этапе:

- присяжные могут испытывать трудности в понимании специальных юридических терминов и понятий, используемых в уголовном законе;

- формулировка вопроса может быть такой, что она подталкивает присяжных к определенному ответу. В идеале формулировка вопроса должна быть максимально нейтральной.

Для того чтобы присяжные не испытывали трудностей с пониманием различных юридических нюансов, следует использовать простой и понятный язык при разъяснении закона: судья должен объяснять присяжным правовые нормы, избегая при этом сложных юридических терминов и используя примеры из повседневной жизни для четкого понимания сути присяжными. Также судья может заранее обсудить формулировку вопросов с сторонами обвинения и защиты, чтобы учесть их мнения и избежать возможных неясностей и противоречий. Далее, перед тем как задать вопросы присяжным, судья может провести пробный опрос на небольшой группе людей, не имеющих юридического образования, чтобы убедиться, что вопросы понятны и не вызывают затруднений. Также присяжные должны иметь право задавать судье вопросы и получать разъяснения по любым неясным для них вопросам.

Стоит обратить внимание и на заключительный этап рассмотрения дела- процедуру совещания присяжных и вынесение вердикта, что в свою очередь является максимально ответственным этапом, требующим максимальной объективности. На этом этапе присяжные обсуждают все доказательства, представленные в суде и затем они должны прийти к единому мнению о виновности либо невиновности подсудимого.

На данном заключительном этапе могут возникнуть следующие трудности: на присяжных, мнение которых отличается от мнения большинства, может оказываться давление с целью склонить их к принятию решения, поддерживаемого большинством. Длительное нахождение в замкнутом пространстве, необходимость принимать ответственные решения могут привести к усталости и эмоциональному истощению коллегии присяжных, что может негативно отразиться на качестве принимаемых решений. Как было указано ранее, различный социальный статус, уровень образования и культурные различия могут создавать коммуникативные барьеры между присяжными и затруднять процесс обсуждения.

В связи с этим предлагаются следующие пути решения:

- Обеспечить анонимность совещания присяж-

ных - недопущение вмешательства в процесс совещания со стороны каких-либо лиц, в том числе судьи. Регулярные перерывы в процессе совещания могут позволить присяжным отдохнуть и восстановить силы, поэтому на данный момент обязательно стоит обратить внимание. А также судья должен доступно изложить присяжным, что они имеют равные права и что мнение каждого из них имеет одинаковое значение.

Следующая проблема, заслуживающая внимания - это правовые последствия вердикта присяжных. Вердикт присяжных является основой для вынесения приговора судом. В случае вынесения обвинительного вердикта судья определяет меру наказания в соответствии с уголовным законом. В случае вынесения оправдательного вердикта подсудимый подлежит немедленному освобождению.

На данном этапе могут сложиться следующие трудности: присяжные могут вынести оправдательный вердикт по делу, в котором очевидна вина подсудимого, исходя из соображений гуманности или сочувствия. В других случаях присяжные могут вынести обвинительный вердикт, требующий назначения сурового наказания, даже если смягчающие обстоятельства свидетельствуют в пользу более мягкого приговора. Также в случае вынесения обвинительного вердикта судья связан рамками уголовного закона и не всегда имеет возможность учесть все смягчающие обстоятельства при определении меры наказания. Это может привести к вынесению несправедливого приговора.

В таких случаях стоит предоставить судье право не соглашаться с вердиктом присяжных, но только в исключительных случаях, когда судья явно видит, что вердикт присяжных объективно противоречит фактическим обстоятельствам дела, то ему должно быть предоставлено исключительное право вынести собственное решение по делу. Также стоит разработать четкие критерии для отмены вердикта присяжных. Также в качестве рекомендации может служить предложение о введении бесед-консультаций судьи и присяжных после вынесения вердикта. Это может позволить получить дополнительную информацию и разъяснения, которые смогут быть учтены при вынесении приговора.

В завершении отмечу, что роль присяжного заседателя может оказать значительное психологическое воздействие, так как в ходе уголовного процесса присяжные сталкиваются с принятием сложных решений, которые могут определить судьбу других людей, а это в свою очередь может вызвать у некоторых присяжных тревогу и подсознательное чувство вины. Также стоит не забывать о возможном давлении на присяжных со стороны СМИ, общества и сторон процесса.

Для того чтобы максимально нивелировать возможный психологический дискомфорт присяжных можно предоставить присяжным воз-

можность получить консультацию психолога после вынесения вердикта, чтобы помочь им справиться с возможными негативными эмоциями и последствиями участия в судебном процессе.

С учетом проведенного анализа, можно заключить, что реализация института суда присяжных на практике сочетается с множеством трудностей и дискуссионных моментов. Для того чтобы преодолеть эти трудности требуется задействовать всесторонний подход, который будет включать как модернизацию законодательства, так и повышение компетенции присяжных [5]. Я полагаю, что только в таком случае развития событий институт суда присяжных сможет функционировать на должном уровне и стать более эффективным инструментом защиты прав и свобод граждан. Успешное реформирование института суда присяжных будет способствовать укреплению доверия граждан к судебной системе и повышению качества отправления правосудия в России. Также стоит отметить, что для реализации необходимых изменений требуется комплексный подход, включающий в том числе повышение уровня правовой грамотности населения и изменение общественного сознания. Только в этом случае можно обеспечить полноценное функционирование института суда присяжных в соответствии с его первоначальным замыслом.

#### Список литературы:

- [1] Петрухин, И. Л. Суд присяжных: проблемы и перспективы // Государство и право. – 2019. – № 1. – С. 45-53.
- [2] Борисов, А. Н., Смирнов, П. А. Формирование коллегии присяжных заседателей: теоретические и практические аспекты // Журнал российского права. – 2020. – № 8. – С. 98-110.
- [3] Волчецкая, Т. С. Влияние средств массовой информации на формирование внутреннего убеждения присяжных заседателей // Российский судья. – 2021. – № 4. – С. 12-16.
- [4] Лебедев, В. М. (ред.). Научно-практический комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. – 8-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 1120 с.
- [5] Радутная, Н. В. Суд присяжных: история и современность. – М.: Норма, 2018. – 384 с.
- [6] Александров А.И. Уголовный процесс: учебник для вузов / А.И. Александров, Н.Н. Ковтун. - Москва: Юрайт, 2023.
- [7] Бойков А.Д. Суд присяжных: от замысла к воплощению / А.Д. Бойков // Российская юстиция. - 1994. - № 1. - С. 2-4.

#### References:

- [1] Petrukhin, I. L. Jury Trial: Problems and Prospects // State and Law. - 2019. - No. 1. - Pp. 45-53.
- [2] Borisov, A. N., Smirnov, P. A. Formation of a Jury: Theoretical and Practical Aspects // Journal of

Russian Law. - 2020. - No. 8. - Pp. 98-110.

[3] Volchetskaya, T. S. The Influence of the Mass Media on the Formation of Jurors' Inner Convictions // Russian Judge. - 2021. - No. 4. - Pp. 12-16.

[4] Lebedev, V. M. (ed.). Scientific and Practical Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. - 8th ed., revised and enlarged. - M.: Yurait Publishing House, 2021. - 1120 p.

[5] Radutnaya, N. V. Jury Trial: History and Modernity. - M.: Norma, 2018. - 384 p.

[6] Aleksandrov, A. I. Criminal Procedure: Textbook for Universities / A. I. Aleksandrov, N. N. Kovtun. - Moscow: Yurait, 2023.

[7] Boykov, A. D. Jury Trial: From Concept to Implementation / A. D. Boykov // Russian Justice. - 1994. - No. 1. - Pp. 2-4.



**ЮРКОМПАНИ**

*www.law-books.ru*

Юридическое издательство  
**«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,  
учебных и методических  
пособий, монографий,  
научных статей.

Профессионально.

В максимально  
короткие сроки.

Размещаем  
в РИНЦ, E-Library.

**СТРЫГИНА Светлана Владимировна,**  
кандидат философских наук,  
доцент кафедры теории государства и права  
юридического факультета Саратовского национального  
исследовательского государственного университета,  
почетный работник образования РФ  
e-mail: Jurid@info.sgu.ru

## ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРАНСПОРТНОЙ ПРОКУРАТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ВНУТРЕННЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

**Аннотация.** Целью статьи является обоснование роли транспортной прокуратуры в обеспечении внутренней безопасности страны. Анализируются нормативные акты, регулирующие деятельность этого надзорного органа. Поднимается проблема достаточной обоснованности актов прокурорского реагирования в судебном процессе. Подчеркивается значение межведомственного взаимодействия. Ставится проблема нормативной определенности критериев степени вмешательства в меры реагирования в хозяйственную деятельность. Обоснована важность указанного органа в системе государственного контроля. Методами исследования явились: диалектический, синтез, теоретико - методологический анализ, а также логико-правовой и статистический.

**Ключевые слова:** транспортная прокуратура, меры реагирования, транспорт, безопасность, надзор, взаимодействие, нормативная определенность.

**STRYGINA Svetlana Vladimirovna,**  
Candidate of Philosophical Sciences, Docent,  
Associate Professor at the Department of the State Theory and Law of  
Saratov National Researching State University.  
Honorary Worker of Education of the Russian Federation

## ACTIVITIES OF THE TRANSPORT PROSECUTOR'S OFFICE IN ENSURING THE COUNTRY'S INTERNAL SECURITY

**Annotation.** The purpose of this article is to justify the role of the transport prosecutor's office in the country's internal security. The regulatory acts governing the activities of this supervisory body are analyzed. The issue of the sufficient justification of prosecutorial responses in court proceedings is raised. The importance of interagency cooperation is emphasized. The issue of regulatory certainty is raised, taking into account the degree of intervention in response measures in economic activity. The essence of these provisions in the state control system is substantiated. The research methods included dialectical synthesis, theoretical and methodological analysis, as well as logical-legal and statistical methods.

**Key words:** transport prosecutor's office, response measures, transport, safety, supervision, interaction, regulatory certainty.

Актуальность данного исследования связана с тем, что одним из направлений развития нашего государства связано с обеспечением защищенности страны как от внешних, так и внутренних угроз. Об этом говорится в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, где поставлена задача, в том числе, предупреждения и ликвидации угроз в транспортной инфраструктуре [1].

Ключевую роль в решении этих проблем играет специализированная транспортная прокуратура, поскольку она осуществляет надзор за состоянием законности на всех видах транспор-

та, входящую в прокурорскую систему как один из важных элементов. Это позволяет поддерживать высокий уровень законности на транспорте, упрощать организационные и информационные связи, обеспечивая безопасность как отдельной личности, так и страны в целом.

Исторически данная система была образована в ноябре 1980 года на основе Приказа Генерального прокурора СССР №46, показав уже на первых порах высокую эффективность своей работы как элемента государственного контроля. В 2001 году в связи с проводимой реформой, функции транспортного прокурора были пере-

даны прокурорам субъектов РФ. Вместе с тем, практика показала, что данная система не эффективна, и вопросы надзора за законностью предварительного расследования преступлений на транспорте «растворились» в общих проблемах, поэтому произошло восстановление ликвидированной ранее системы, что дало положительный эффект по обеспечению безопасности на транспорте и национальной безопасности в целом [2]. Далее, уже в 2007 году была возрождена ее структура.

Этим органом транспортного надзора реализуется зонально-предметный принцип прокуратуры, поэтому он один из стержневых элементов прокурорской системы.

Одной из главных задач специализированной прокуратуры является обеспечение транспортной безопасности, что относится к реализации определяемой государством системы правовых, экономических, организационных и иных мер в сфере транспортного комплекса, соответствующих предотвращению угроз совершения актов незаконного вмешательства. В круг объектов транспортной безопасности включены самые различные технологические комплексы: железнодорожные вокзалы и станции; автовокзалы и автостанции; морские терминалы; акватории морских портов; объекты инфраструктуры внеуличного транспорта, определяемые Правительством РФ; а также судоходные гидротехнические сооружения; тоннели, эстакады, мосты; аэродромы и аэропорты и др. [3, с.10].

О.И. Лозинский считает, что органы прокуратуры обладают уникальными возможностями по обеспечению эффективности работы по защите прав и законных интересов участников транспортной деятельности [4, с. 20]. Это особенно актуально в условиях глобализации и интеграции национальных экономик, что многократно повышает роль специализированной транспортной прокуратуры.

Представители надзорных органов проводят действия по борьбе с проявлениями терроризма на транспорте, а при необходимости вносят предложения о рассмотрении на заседаниях Национального антитеррористического комитета и антитеррористических комиссий в субъектах Российской Федерации вопросов о повышении эффективности противодействия ему, устранения тех недостатков, которые влияют на причины и условия совершения противозаконных действий. Тем самым обеспечивается защищенность потенциальных объектов террористических посягательств.

После получения сведений о нарушении закона проводится прокурорская проверка, по итогам которой принимаются соответствующие меры реагирования. Они направлены на привлечение к ответственности виновных лиц и устранение выявленных нарушений.

Несмотря на то, что при осуществлении над-

зора прокурор не наделен полномочиями распорядительного характера в отношении правонарушителя и правонарушения, и ему лишь предоставлена возможность ставить вопрос о необходимости устранения нарушений закона, как показывает практика, в подавляющем большинстве случаев их требования удовлетворяются органами управления поднадзорных организаций и учреждений, принимаются меры к устранению допущенных нарушений закона и их недопущению в дальнейшем [5, с.79].

Транспортные прокуроры пользуются всеми правами и несут обязанности в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре РФ» [6].

Правовые средства реагирования на выявленные нарушения законов по общему правилу выбираются в зависимости от отрасли прокурорского надзора, в которой осуществлялась прокурорская проверка. Поэтому первым условием выбора средств реагирования является определение отрасли прокурорского надзора. Вторым условием является учет особенностей той или иной меры реагирования [7, с.39].

Стоит подчеркнуть, что железнодорожное, водное и воздушное сообщение требует специальных правовых режимов в силу требований повышенной безопасности. Это продиктовано динамикой субъектов, потребностью длительного и бесперебойного функционирования объектов, высоким риском причинения вреда интересам всего общества и государства, которые охраняются законом.

На сегодняшний день прокурорский надзор за исполнением законов на транспорте делает акцент на общие проблемы, связанные с безопасностью личности, общества и государства. Вместе с тем в ее деятельности имеются проблемы при участии транспортных прокуроров в судебном процессе, на что указывают специалисты. Речь идет о вынесении актов прокурорского реагирования в случае нарушения закона, когда они становятся предметом судебного контроля. Это связано с предпринимателями, когда нет четкой нормативной определенности критериев степени вмешательства транспортного прокурора в хозяйственную деятельность в случаях необходимости, в мерах реагирования, и поэтому не всегда удается восстановить законность. Необходимо определять ту грань, которая имеется между надзором за исполнением законодательства, предусмотренным законом и подменой контрольных органов. Это ставит проблему определения пределов прокурорской деятельности в нормативном регулировании.

При этом следует учитывать, что запрещено вмешиваться в оперативно-хозяйственную деятельность предприятий (в соответствии с ФЗ «О прокуратуре»). В противном случае представление прокурора будет признано недействительным [8, с.140].

Кроме того, решение суда в этом плане будет

зависеть от уровня обоснованности актов реагирования транспортных прокуроров. Поэтому Приказом Генпрокуратуры России от 15 июля 2011 года № 211 «Об организации надзора за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере» установлен порядок реализации надзорных полномочий.

Главная задача текущей деятельности - мерами прокурорского реагирования добиться надлежащей работы уполномоченных государственных органов, снизить количество происшествий на транспорте, обеспечить режим защищенности прав и свобод человека и гражданина, предупредить правонарушения в данной сфере.

Имеется много примеров по стране, свидетельствующих о предотвращении катастроф, аварий, несчастных случаев после проведения мер прокурорского воздействия, когда были обнаружены нарушения, которые могли бы иметь вредные последствия как для людей, так и для транспорта, что подтверждает немаловажное значение транспортной прокуратуры в обеспечении национальной безопасности страны.

Среди прочих нарушений в 2025 году только на одной Дальневосточной железной дороге выявлено более 500 нарушений транспортными прокурорами при техническом обслуживании техники и ремонте в сервисных вагонных и локомотивных депо, в связи с чем внесено свыше 170 актов реагирования [ 9].

В 2025 году Абаканская транспортная прокуратура нашла нарушения в соблюдении требований законодательства при содержании железнодорожных переездов в ряде районов республики Хакасия, что создавало риски дорожно-транспортных катастроф [10]. Эта проблема стоит постоянно на повестке для проверки у прокуроров, поскольку касается опасности травматизма и безопасности всех граждан.

При этом стоит отметить необходимость и обязательность проведения профилактических мер – предостережений на транспорте, в том числе железных дорогах, переездах. В связи с практикой прокурорского реагирования устраняются нарушения закона [11, с. 10].

Существенная роль в деятельности транспортной прокуратуры принадлежит взаимодействию с органами Ространснадзора. Первая реализует общий надзор за соблюдением законности всех субъектов транспорта, а Ространснадзор осуществляет специализированный контроль, что особенно востребовано, когда его представители привлекаются прокуратурой в качестве специалистов в проверочных мероприятиях. В то же время прокуратура контролирует его деятельность.

Надзор за исполнением законов о транспортной безопасности на водном транспорте также выявляет многочисленные нарушения, в том числе эксплуатацию речных судов, не отвечающих требованиям безопасности, без капиталь-

ного ремонта. Такие нарушения подтверждаются проверками. Так, в период навигации 2024 года в республике Алтай привлекались транспортной прокуратурой специалисты при проведении 97 осмотров судов внутреннего водного транспорта, задействованных в осуществлении деятельности по перевозке пассажиров и грузов [12].

Таким образом, являясь неотъемлемой частью всей прокурорской системы транспортный надзорный орган представляет одну из гарантий соблюдения интересов всего общества. Это имеет первостепенно значение, поскольку транспортная сфера - зона повышенного риска, где нарушение закона часто связано с гибелью людей, интересами всего государства, включая национальную безопасность.

#### Список литературы:

- [1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400// Собрание законодательства Российской Федерации. 2021 г. № 27 (часть II) ст. 5351.
- [2] 30 лет современной системе транспортных прокуратур России // Сайт Генеральной прокуратуры РФ [Сайт]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/vstp/mass-media/news?item=43663353>
- [3] Безверхов А. Г., Юдин А. В. Прокурорский надзор в сфере безопасности на транспорте // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 2. С. 7–13.
- [4] Лозинский О.И. Прокурорская деятельность в области обеспечения безопасности дорожного движения: дисс. канд. наук. М., 2019. 225 с.
- [5] Андрейченко Р.С. Особенности проведения прокурорских проверок на объектах транспортной инфраструктуры // Интерактивная наука. 2021 г. №9 (64). С. 78-80
- [6] О прокуратуре Российской Федерации. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023 г. № 1 (часть I) ст. 28.
- [7] Смирнов А.В. К вопросу о методике и тактике прокурорской проверки // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019 г. №8 (60). С. 26-39.
- [8] Мирошниченко М.Н. О практике участия транспортных прокуратур в рассмотрении судами дел об оспаривании актов прокурорского реагирования// Право и государство: теория и практика. 2025. №4. С.139-142.
- [9] Дальневосточная транспортная прокуратура. Сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/dvtp/mass-media/news/main/e6221299/>
- [10] Абаканская транспортная прокуратура. Сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/zstp/mass-media/news/archive/e8307318/>
- [11] Рубцова М.В. Обеспечение безопасности на транспорте средствами прокурорского надзора// Sciences of Europe. 2021. №69. С.8-11.

[12] Ространснадзор. Сайт. Итоги по взаимодействию МТУ Ространснадзора по СФО с органами прокуратуры, МВД за период навигации 2024 года. URL: <https://rostransnadzor.gov.ru/news/13091>

#### References:

[1] On the National Security Strategy of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021, No. 400 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021, No. 27 (Part II), Art. 5351.

[2] 30 Years of the Modern System of Transport Prosecutor's Offices in Russia // Website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation [Website]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/vstp/mass-media/news?item=43663353>

[3] Bezverkhov, A. G. and Yudin, A. V. Prosecutor's Supervision in the Field of Transport Safety // Legal Bulletin of Samara University. 2021, Vol. 7, No. 2, pp. 7–13.

[4] Lozinsky, O. I. Prosecutor's Activity in the Field of Ensuring Road Safety: Cand. Sci. (Law) Diss. M., 2019. 225 p.

[5] Andreychenko R.S. Features of Conducting Prosecutor's Inspections of Transport Infrastructure Facilities // Interactive Science. 2021, No. 9 (64). pp. 78-80.

[6] On the Prosecutor's Office of the Russian

Federation. Federal Law of 17.01.1992 N 2202-1 (as amended on 29.12.2022) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2023, No. 1 (Part I), Art. 28.

[7] Smirnov A.V. On the Methodology and Tactics of a Prosecutor's Inspection // Bulletin of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2019, No. 8 (60). pp. 26-39.

[8] Miroshnichenko M.N. On the practice of participation of transport prosecutor's offices in the consideration by courts of cases challenging acts of prosecutorial response// Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 4. pp. 139-142.

[9] Far Eastern Transport Prosecutor's Office. Website. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/dvtp/mass-media/news/main/e6221299/>

[10] Abakan Transport Prosecutor's Office. Website. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/zstp/mass-media/news/archive/e8307318/>

[11] Rubtsova M.V. Ensuring Transport Safety by Means of Prosecutor's Supervision// Sciences of Europe. 2021. No. 69. pp. 8-11.

[12] Rostransnadzor. Website. Results of interaction between the Interregional Territorial Administration of Rostransnadzor in the Siberian Federal District and the prosecutor's office and the Ministry of Internal Affairs for the 2024 navigation period. URL: <https://rostransnadzor.gov.ru/news/13091>





**ЮРКОМПАНИ**

[www.law-books.ru](http://www.law-books.ru)

Юридическое издательство  
**«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,  
учебных и методических  
пособий, монографий,  
научных статей.

Профессионально.

В максимально  
короткие сроки.

Размещаем  
в РИНЦ, Е-Library.

**ТИТАРЕНКО Илья Анатольевич,**  
студент Крымского филиала  
ФГБОУВО «РГУП имени В.М. Лебедева»  
г. Симферополь, Россия  
e-mail: info@law-books.ru

## УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ В СОСТОЯНИИ АФФЕКТА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

**Аннотация.** В статье рассматриваются актуальные проблемы квалификации убийства, совершенного в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), в теории уголовного права и судебной практике. Анализируются критерии установления физиологического и патологического аффекта, вопросы вины и ее пределов, соотношения аффекта с другими обстоятельствами, смягчающими ответственность. Особое внимание уделяется противоречиям в экспертной практике и сложностям доказывания аффективного состояния. На основе изучения современных научных взглядов и анализа судебных решений формулируются предложения по совершенствованию правоприменения.

**Ключевые слова:** аффект, убийство, смягчающие обстоятельства, вина, судебно-психологическая экспертиза, провоцирующее поведение потерпевшего, уголовная ответственность.

**TITARENKO Ilya Anatolyevich,**  
student at the Crimean branch of the  
Federal State Budgetary Educational Institution  
of Higher Education «Russian State University of the V.M. Lebedev University»  
Simferopol, Russia

## MURDER COMMITTED IN A STATE OF AFFECT: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

**Annotation.** The article examines current problems of qualifying murder committed in a state of affect (Article 107 of the Criminal Code of the Russian Federation) in the theory of criminal law and judicial practice. The criteria for establishing physiological and pathological affect, issues of guilt and its limits, the relationship between affect and other mitigating circumstances are analyzed. Special attention is paid to contradictions in expert practice and difficulties in proving an affective state. Based on the study of modern scientific views and analysis of court decisions, proposals for improving law enforcement are formulated.

**Key words:** affect, murder, mitigating circumstances, guilt, forensic psychological examination, provocative behavior of the victim, criminal liability.

Убийство, совершенное в состоянии аффекта, регламентированное статьей 107 Уголовного кодекса Российской Федерации [1], занимает особое место в системе преступлений против жизни, представляя собой сложный с точки зрения правовой оценки и доказывания состав. Данный привилегированный состав, отнесенный законодателем к категории преступлений небольшой тяжести в отличие от простого убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ), предполагает существенное смягчение ответственности в связи с особым психическим состоянием виновного, которое приводит к временному сужению сознания и волевой регуляции под влиянием виктимного (противоправного или аморального) поведения потерпевшего.

Однако, как в доктринальном толковании, так

и в правоприменительной деятельности сохраняется ряд дискуссионных и проблемных вопросов, касающихся определения юридически значимых признаков аффекта, его дифференциации от иных эмоциональных состояний, критериев оценки провоцирующего поведения потерпевшего и установления причинно-следственной связи между ними.

Понятие аффекта в контексте уголовного права РФ является междисциплинарной категорией, опирающейся на данные психологии и психиатрии. В юридической литературе традиционно выделяют два вида аффекта: физиологический и патологический. Патологический аффект, являющийся временным расстройством психической деятельности и исключающий вменяемость, подпадает под действие статьи 21 УК РФ, и лицо

в таком состоянии признается невменяемым. Предметом же регулирования статьи 107 УК РФ является исключительно физиологический аффект – кратковременная, но чрезвычайно сильная эмоциональная реакция, взрывного характера, возникающая в ответ на внезапную или длительную психотравмирующую ситуацию, вызванную противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего. Это состояние, как отмечает

А.И. Рарог, хотя и не лишает лицо способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, но существенно ограничивает эту способность, что и служит основанием для смягчения уголовной ответственности [2, с. 245]. При этом ключевым признаком является внезапность его возникновения, которая может быть, как результатом одномоментного тяжкого оскорбления или насилия, так и следствием длительной психотравмирующей ситуации, достигшей своего кульминационного момента.

Законодательная конструкция статьи 107 УК РФ связывает возникновение аффекта с конкретными видами провоцирующего поведения потерпевшего. Согласно частям 1 и 2 данной статьи, таким поведением признаются: насилие, издевательство, тяжкое оскорбление со стороны потерпевшего либо иные противоправные или аморальные действия (бездействие), а равно длительная психотравмирующая ситуация, возникшая в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

Толкование этих понятий вызывает значительные сложности на практике. Под насилием, как правило, понимается причинение физической боли, побоев, легкого или средней тяжести вреда здоровью (причинение тяжкого вреда здоровью может расцениваться уже как необходимая оборона). Издевательство предполагает действия, унижающие человеческое достоинство, носящие циничный характер. Тяжкое оскорбление оценивается субъективно, с учетом индивидуальных особенностей личности виновного и конкретных обстоятельств дела. Наибольшую дискуссию вызывает категория «иные противоправные или аморальные действия».

В научной литературе последних лет активно дискутируется вопрос о том, можно ли отнести к таковым, например, факт супружеской измены, который прямо не назван в законе. Согласно позиции Верховного Суда РФ, изложенной в пункте 4 Постановления Пленума от 27 сентября 2012 г. № 19 [3], аморальные действия должны носить характер, схожий по степени общественной опасности (вредоносности) с прямо перечисленными в диспозиции.

Многие современные авторы, такие как Д.В. Усачев, полагают, что «супружеская измена, особенно ставшая достоянием гласности или сопряженная с иными унижающими обстоятель-

ствами, может создавать длительную психотравмирующую ситуацию и в момент ее обнаружения способна вызвать состояние аффекта» [4, с. 34]. Однако судебная практика по этому вопросу остается противоречивой, что порождает проблему единообразия в квалификации.

Основной проблемой практики применения статьи 107 УК РФ является доказывание самого состояния физиологического аффекта в момент совершения преступления. Поскольку аффект – состояние преходящее и не оставляет после себя патологических изменений психики, его ретроспективная диагностика крайне сложна. Основным инструментом здесь служит комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (КСППЭ). Экспертам предлагается решить вопрос о наличии или отсутствии у обвиняемого в момент совершения инкриминируемого деяния состояния физиологического аффекта, а также о влиянии этого состояния на его способность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Однако, как справедливо указывает Е.В. Логинова, «методологическая база такой экспертизы остается дискуссионной» [5, с. 20]. Эксперты вынуждены опираться на следственные материалы, показания свидетелей, описывающих поведение обвиняемого до, во время и после преступления, а также на его собственные показания, что неизбежно привносит элемент субъективизма.

Косвенными признаками аффекта могут считаться внезапность действий, их хаотичность, неадекватность использованных орудий и средств, вегетативные реакции (побледнение, покраснение, тремор), последующая прострация и упадок сил. Однако ни один из этих признаков не является безусловным и однозначным. Возникает проблема так называемого «кумулятивного аффекта» или аффекта на фоне длительной психотравмирующей ситуации, который может проявиться в ответ на относительно незначительный, но являющийся «последней каплей» стимул. Диагностика такого состояния еще более сложна, поскольку требует анализа всей предшествующей ситуации во взаимоотношениях виновного и потерпевшего. В этой связи в научной литературе звучат предложения о необходимости разработки более детальных и формализованных критериев для экспертной оценки, возможно, с использованием данных психофизиологии.

Еще одной острой проблемой является разграничение убийства в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ) и убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ).

Оба состава являются привилегированными и предполагают смягчение наказания, но их юридическая природа различна. Состав статьи 108 УК РФ связан с реализацией права на защиту от общественно опасного посягательства, хотя и с

превышением допустимых мер. Аффект в этом случае может сопутствовать, но не является обязательным признаком.

Ключевое отличие, по мнению С.В. Бородина и А.В. Наумова, заключается в «направленности умысла и характере действий потерпевшего в момент причинения вреда» [6, с. 412]. При необходимой обороне (даже превышенной) посягательство потерпевшего носит насильственный, активный и непосредственный характер в момент причинения ему смерти.

При аффективном убийстве провоцирующее поведение потерпевшего может быть уже завершённым к моменту начала действий виновного (например, после нанесения оскорбления). На практике же, особенно в ситуациях бытовых конфликтов, где насилие взаимно, разделить эти составы чрезвычайно трудно. Нередко суды, следуя обвинительному уклону, квалифицируют такие действия по ч. 1 ст. 105 УК РФ, отвергая как доводы о защите, так и об аффекте, что, по мнению ряда исследователей, нарушает принцип справедливости.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о субъективной стороне преступления, предусмотренного статьей 107 УК РФ. Преобладающей в теории является позиция, что убийство в состоянии аффекта совершается с внезапно возникшим прямым или косвенным умыслом. Волевой элемент вины при этом ослаблен в силу доминирования эмоций.

Однако, как отмечает Н.Г. Кадников, «возникает вопрос о возможности совершения такого убийства по неосторожности» [7, с. 47]. Законодательная формулировка «убийство» априори предполагает умысел. Однако в состоянии сильного аффекта лицо может не предвидеть, либо легкомысленно рассчитывать предотвратить последствия своих хаотичных действий (например, нанося удары тупым предметом). Доктринально этот вопрос решается в пользу умысла, но данная проблематика указывает на сложное переплетение интеллектуального и волевого компонентов в аффективном состоянии.

Судебная практика по делам об аффективных убийствах демонстрирует тенденцию к достаточно строгой оценке доказательств аффекта. Суды зачастую отдают предпочтение выводам экспертизы, даже если они носят вероятностный характер, а альтернативные версии защиты не исследуются в полной мере. Частой ошибкой является подмена юридического критерия (внезапности сильной душевной волнения как реакции на конкретные действия потерпевшего) психофизиологическим критерием (наличием эмоционального напряжения как такового). Например, ревность или месть, даже вызванные аморальным поведением, сами по себе не являются аффектом, если не было внезапной, острой психотравмирующей разрядки.

Вместе с тем, в последние годы наметился

некоторый прогресс в учете комплексной оценки личности виновного и контекста взаимоотношений, особенно в случаях длительного домашнего насилия, жертвами которого впоследствии становятся сами насильники. Это отчасти связано с изменениями в общественном сознании и появлением исследований, посвященных синдрому приобретенной беспомощности у жертв домашнего насилия.

В качестве направлений совершенствования практики квалификации убийств, совершенных в состоянии аффекта, современные авторы предлагают следующее. Во-первых, необходимо дальнейшее доктринальное уточнение и легальное определение ключевых признаков «тяжкого оскорбления» и «иных аморальных действий» с приведением примерного перечня ситуаций, которые могут быть признаны таковыми. Во-вторых, требуется совершенствование методик проведения КСППЭ, возможно, с введением стандартизированных протоколов оценки, основанных на современных достижениях психологии эмоций. В-третьих, целесообразно более активное использование специальных знаний психолога на стадии предварительного следствия для выявления признаков аффективной реакции.

В-четвертых, Верховному Суду РФ следует активизировать работу по обобщению судебной практики по данной категории дел и дать более детальные разъяснения в новом постановлении Пленума, учитывающем современные научные представления и социальный контекст, особенно в части дел, связанных с бытовым насилием.

Таким образом, институт убийства в состоянии аффекта, несмотря на кажущуюся устоявшуюся регламентацию, продолжает оставаться одним из наиболее сложных и проблемных в уголовном праве. Сбалансированный подход требует одновременного учета как необходимости защиты жизни как высшей ценности, так и принципа субъективного вменения, учитывающего ограниченную возможность лица контролировать свое поведение в экстремальных психологических условиях, созданных противоправным поведением потерпевшего. Разрешение существующих теоретических противоречий и унификация судебно-следственной и экспертной практики являются необходимым условием для реализации принципов справедливости и гуманизма при квалификации данного вида преступлений.

#### Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[2] Рапог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А. И. Рапог. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2021. – 413 с.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами за-

конодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 11.

[4] Усачев Д. В. Проблемы разграничения убийства в состоянии аффекта и убийства при превышении пределов необходимой обороны / Д. В. Усачев // Законность. – 2023. – № 1. – С. 32–36.

[5] Логинова Е. В. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза аффекта: проблемы методологии и практики / Е. В. Логинова // Юридическая психология. – 2022. – № 3. – С. 18–23.

[6] Бородин С. В. Преступления против жизни : монография / С. В. Бородин. – Москва : Проспект, 2022. – 336 с.; Наумов, А. В. Российское уголовное право. Курс лекций : в 3 т. Т. 2: Особенная часть (гл. I–X) / А. В. Наумов. – 10-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2023. – 576 с.

[7] Кадников Н. Г. Вопросы субъективной стороны убийства в состоянии аффекта / Н. Г. Кадников // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 5. – С. 45–49.

#### References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.

[2] Rarog, A. I. Qualification of Crimes Based on

Subjective Features / A. I. Rarog. – St. Petersburg: Legal Center Press, 2021. – 413 p.

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2012, No. 19 «On the Application by Courts of Legislation on Necessary Defense and Causing Harm During the Detention of a Person Who Has Committed a Crime» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2012. – № 11.

[4] Usachev D. V. Problems of Distinction between Murder in a State of Passion and Murder in Exceeding the Limits of Necessary Defense / D. V. Usachev // Legality. – 2023. – № 1. – Pp. 32–36.

[5] Loginova E. V. Comprehensive Forensic Psychological and Psychiatric Examination of Passion: Problems of Methodology and Practice / E. V. Loginova // Legal Psychology. – 2022. – № 3. – Pp. 18–23.

[6] Borodin S. V. Crimes against Life: Monograph / S. V. Borodin. – Moscow: Prospect, 2022. – 336 p.; Naumov, A. V. Russian Criminal Law. Lecture course: in 3 volumes. Volume 2: Special part (Chapters I–X) / A. V. Naumov. – 10th ed., revised and enlarged. – Moscow: Prospect, 2023. – 576 p.

[7] Kadnikov N. G. Issues of the subjective side of murder in a state of passion / N. G. Kadnikov // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 5. – P. 45–49.





**ЮРКОМПАНИ**

*www.law-books.ru*

Юридическое издательство  
**«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,  
учебных и методических  
пособий, монографий,  
научных статей.

Профессионально.

В максимально  
короткие сроки.

Размещаем  
в РИНЦ, Е-Library.

**БАДОЯН Арменак Арцрунович,**  
младший научный сотрудник  
центра исследований и экспертиз Юридического факультета  
Финансового университета  
e-mail: aabadoyan@gmail.com

## СУЩНОСТЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И СПЕЦИФИКА ИСТОРИИ ЕГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ XVIII-XXВВ., КАК ИНСТРУМЕНТА ПО КОНТРОЛЮ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

**Аннотация.** В статье представлена историческая динамика развития института возвращения уголовного дела для дополнительного расследования в России с конца XVIII по XX век. Определено, что данный институт сформировался в рамках розыскного (инквизиционного) судопроизводства Императорской России, как механизм судебного контроля за следствием. Выявлена удивительная преемственность института, который не был упразднен, а был реципирован и адаптирован законодателем после революции 1917 года. Установлено, что, в силу сохранения контрольной функции, на практике применение института возвращения уголовного дела для дополнительного расследования систематически имело обвинительный уклон.

**Ключевые слова:** расследование, преемственность, следствие, контроль, надзор, судопроизводство, процесс.

**BADOYAN Armenak Artsrunovich,**  
Junior Research Fellow,  
Research and Expertise Center, Law Faculty,  
Financial University

## THE ESSENCE OF ADDITIONAL INVESTIGATION AND THE SPECIFICS OF ITS DEVELOPMENT IN RUSSIA IN THE XVIII-XX CENTURIES AS A TOOL FOR CONTROLLING CRIMINAL PROSECUTION

**Annotation.** The article presents the historical dynamics of the development of the institution of returning a criminal case for additional investigation in Russia from the late XVIII to the XX century. It is established that this institution was formed within the framework of the inquisitorial criminal procedure of Imperial Russia as a mechanism of judicial control over the preliminary investigation. A surprising continuity of the institution is revealed, which was not abolished but was received and adapted by the legislator after the 1917 revolution. It is determined that, due to the preservation of its controlling function, the practical application of the institution of returning a case for additional investigation systematically exhibited a prosecutorial bias.

**Key words:** investigation, continuity, preliminary investigation, control, supervision, legal proceedings, procedure.

Исследование и анализ истоков института возвращения судом уголовного дела для дополнительного расследования, представляется особенно актуальным, так как изучение данного аспекта и основ института позволит прийти к выводу о причинах и необходимости его легитимного закрепления, о целях и задачах, которые ставил правоприменитель, воплощая идею в закон, а также о причинах его преобразования в различные формы на протяжении более двух столетий.

Еще в 1775г. «Учреждением для управления губерний Всероссийской империи» [1] было ре-

гламентировано отделение полномочий суда и следствия, что, по мнению Вертипрахова Ю.С., дало толчок к зарождению института дополнительного расследования. Автор, обосновывая свою теорию, довольно метко отмечает появление у суда контрольной функции, которая была направлена на корректировку в сторону ясности и полноты предъявляемых следствием сведений и доказательств по делу [2; с.199].

Трифанова К.А. отмечает, что Уездные Суды уже в 1800 г. согласно Указу его императорского величества самодержца, всероссийского «О производстве следствий по уголовным делам

без наималейших упущений» имели полномочия по надзору за произведенным следствием, а в случаях обнаружения ими упущений и недостатков, дополняли их окончательно самостоятельно [3]. Данный автор также отмечает, что описанная процедура могла быть проведена с целью дополнить недостающие доказательства, а также иные сведения, которые могли бы охарактеризовать личность подсудимого и повлиять на судебный процесс [4; с. 28].

Еще до судебной реформы 1864г. рассмотрение следствия, как и ее дополнение относилось к компетенции суда. Данное положение было обусловлено целью, временем, принципами и положением права России того времени. Таким образом в Российской Империи середины 19 века суд обязан был немедленно рассмотреть дело, предоставленное следствием, на наличие элемента ошибки и других упущений, связанных с существом дела и при их выявлении указать на необходимость в исправлении данных допущений путем внесения требуемых документов и информации и в итоге прийти до цели уголовного судопроизводства того времени. Целью же являлось достижение формальной истины [5; с. 223]. Из вышесказанного делается вывод, что мотивом для дополнительных следственных действий являлась неясность и недостаточная полнота самого следствия, которое было проведено.

Конституирование дополнительного следствия как одного из основных полномочий суда, являлось одним из воплощений розыскного характера уголовного судопроизводства Императорской России, так как следствие было практически полностью подконтрольно суду, а сам суд воплощал в себе как функции уголовного преследования, так и вынесение решения по уголовному делу.

Согласно положениям Устава уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 года (далее Устав либо УУС), а точнее - в статье 534 [6], поводом для возвращения дела могло послужить произведенное с нарушением существенных форм и обрядов процесса, а также неполнота произведенных следствием действий [7; С. 21 – 27].

Также учитывая главу девятую Устава, а точнее его статьи 752, 753 и 754, после заключительных прений и по окончании судебного следствия суд приступал к постановлению вопросов о виновности лица. Но в случае, если в ходе данного этапа судебного разбирательства было выявлено преступное деяние, которое не было указано ранее, и санкция которой является более строгой, чем презюмируемая в обвинительном акте, то вопросы о виновности не рассматриваются, а дело возвращается на предварительное следствие для устранения выявленных ошибок.

Исследуя данный этап развития уголовного процесса, можно отметить, что законодатель XIX века предоставлял серьезный ряд, в том числе надзорно-контрольных, полномочий судье, что

позволяло последнему быть достаточно независимым и выносить решение, основываясь в основном только на своем внутреннем убеждении.

Целью рассматриваемого института в дореволюционной России было решение возникающих в ходе судебного разбирательства коллизий, связанных как с нарушением уголовно-процессуального законодательства, так и с восполнением недостающих сведений, упущенных органами следствия в ходе расследования.

Проблемы, связанные с состязательностью и равноправием сторон, «активностью» и «пассивностью» доказывания, принципом всесторонности, полноты и объективности суда, а также со сложностью процессуальной регламентации производства такой стадии уголовного процесса, как предварительное расследование, являются объективно образующимися коллизиями, которые нуждаются в решении в любое время и в любой процессуальной системе [8; С. 54].

Период, последовавший за революционными преобразованиями, характеризуется не отказом, а, напротив, рецепцией прежних процессуальных институтов. Законодатель не только сохранил данный институт, но и, осознавая его сложность и необходимость, как своего рода контрольно-надзорного инструмента, предпринял попытки его модернизации.

22 ноября 1917 года Декрет Совета Народных Комиссаров №1 «О суде» пришел на смену Уставу уголовного судопроизводства 1864г. Принятие данного Декрета поставило на «нет» курс на демократизацию уголовного судопроизводства России и направило его в русло большего закрепления инквизиционного характера. О значимости принятия Декрета Совета Народных Комиссаров №1 «О суде» Ленин говорил на III Всероссийском съезде Советов: «Пусть кричат, что мы, не реформируя старый суд, сразу отдали его на слом. Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда и не столько силой репрессии, сколько примером масс, авторитетом трудящихся, без формальностей, из суда, как орудия эксплуатации, сделали орудие воспитания на прочных основах социалистического общества» [9; с.421].

Как и было указано в Декрете №1, «порядок последующего направления и движения дел, будет регулироваться особыми актами. Таковыми стали Декреты №2 и №3 «О суде». Данные документы определили роль и полномочия окружных и народных судов, а также порядок проведения судопроизводства» [10; с. 687].

Согласно Декрету №2 «О суде», судопроизводство по уголовным делам должно было происходить согласно тем правилам, которые были установлены в судебных уставах 1864г., но лишь в тех пределах, которые допускали декреты Центрального Исполнительного Комитета Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов и Совета Народных Комиссаров (далее –ВЦИК),

такое же правило применялось при решении вопроса о соблюдении гражданских и уголовных законов.

Согласно ст. 21 Декрета «обязанность проведения предварительного следствия по уголовным делам налагалась на новый орган - следственную комиссию. Обвинительный акт был замещен постановлением следственной комиссии о передаче уголовного дела в суд. В случае, если данное постановление окружной Народный Суд не почитает обоснованным в достаточной степени, то он может принять решение о возвращении дела на доследование или же может делегировать данные полномочия на одного из членов суда» [11]. В этом документе также четко прослеживается политика законодателя, направленная на достижение формальной истины и на наказание лица, признанного виновным. Такой вывод делается на основе положений, закрепленных во втором абзаце статьи 21 исследуемого Декрета. Согласно данному абзацу, в определенных случаях было возможно ограничение участия стороны защиты на стадии предварительного следствия.

Исходя из вышеназванных положений, можно справедливо заключить, что суд, реализуя предоставленные контрольно-надзорные функции, официально был уполномочен совершать уголовное преследование лиц, что повлияло на склонение чаши весов в сторону обвинения.

30 ноября 1918г. был издан новый Декрет «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики», который пошел дальше по пути расширения полномочий и функций суда и разрешил в особых случаях, не терпящих отлагательств, производить предварительное следствие постоянным Народным Судьям. Так же в ст. 39 закреплялось за Народным Судом полномочие по направлению постановления Следственной Комиссии на доследование в случаях, если суд решит, что данный документ недостаточно мотивирован, а описанные обоснования требуют дополнения [12].

Период с 22 ноября 1917г. по 30 ноября 1918г., описанный выше, можно охарактеризовать как период начала закрепления за судом функций обвинения и разрешения уголовного дела в их совокупности, а также как период ущемления законодателем стороны защиты на этапе предварительного следствия. Судья обременялся широким кругом полномочий и теперь мог полноценно руководить предварительным следствием и контролировать направление производимых следственных действий.

Принятый 25 мая 1922г. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (далее - УПК РСФСР 1922г.) усилил у суда контрольные функции и закрепил право суда на обращение уголовного дела для дополнительного расследования. Данный вопрос был урегулирован статьями 207, 231, 241-242, 306, 317 УПК. Данный документ впервые установил на законодательном уровне право

возвращения уголовного дела для производства предварительного расследования не только суду, но и сторонам по их ходатайству.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922г. прослужил меньше года и 15 февраля 1923 был заменен новым Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР (далее - УПК РСФСР 1923г.), но при всем этом, новый кодекс не затронул основания для возвращения уголовного дела на дополнительное расследование и не отказался от возможности предоставления права сторонам ходатайствовать о возвращении дела. Несмотря на некую диспозиционность, судебная практика сложилась однозначно и практически во всех случаях дело направлялось на доследование императивно по инициативе суда. Наряду с перечисленными основаниями новый УПК 1923 года дополнял их перечень обновленным списком, связанным с проведением предварительного слушания либо подготовительного судебного заседания. Решение о назначении данного заседания принималось самим судьей на основании ст. 236 УПК РСФСР 1923г. [13].

Судья, получив следственное дело, «принимал решение о придании обвиняемого суду (ст. ст. 234, 235 УПК 1923 г.)» [14]. При признании обоснованным предание дела суду, но в случае, если суд не соглашается с обвинительным заключением и почитает, что в нем допущены нарушения, которые не позволяют председателю составить новое заключение самостоятельно, - дело направляется на дополнительное расследование (ст. 238 УПК 1923г.).

Сложившийся пласт судебной практики наклонил весы в сторону развертывания сферы возвращения судом уголовного дела для дополнительного расследования. Институт окончательно сформировался с момента принятия УПК РСФСР 1960 года. Данный уголовно процессуальный кодекс попытался «отшлифовать» коллизии, которые ранее отметил доктор юридических наук Головкин Леонид Витальевич, говоря об объективно возникающих проблемах, которые не укладываются в хрестоматийное представление о расследовании и разрешении уголовного дела.

Систематизировав причины возвращения судом дела для направления на дополнительное расследование, законодатель на данном этапе модернизации уголовно-процессуального законодательства РСФСР выделил их перечень и закрепил его в ст.232 УПК РСФСР 1960г.

Исходя из данного перечня, можно установить, что исследуемый институт был внедрен в систему законодательства «с целью достижения поставленных перед нею задач, которые заключались в том, чтобы не допустить упущений в судебном разбирательстве, восстановить социальную справедливость и устранить ошибки материального и процессуально характера, обеспечить всесторонность, полноту и объективность исследования обстоятельств дела, и недопущение

ние нарушения прав человека на защиту» [15; с.35].

Однако, несмотря на высокую цель, в действительности правоприменительная практика начала развиваться в негативном направлении и процесс стал превращаться из состязательного в обвинительный. Стало частым явлением усиление контроля судом за предварительным следствием, предотвращение вынесения оправдательных приговоров, появилась волокита, также раздулись сроки уголовного судопроизводства, и сроки содержания под стражей.

На протяжении более двух веков институт возвращения уголовного дела для дополнительного расследования, изначально олицетворяющий розыскной характер уголовного судопроизводства Императорской России, сохраняется в российском праве как устойчивый механизм судебного контроля за следствием. Его ключевая историческая миссия - обеспечение полноты и правильности предварительного расследования - оказалась сильнее любых политико-правовых трансформаций, что позволило институту не только пережить революцию 1917 года, но и быть адаптированным в советскую процессуальную модель. Однако, институт возвращения дела на доследование не утрачивал свою контрольно-надзорную функцию: контроль суда всецело фокусировался на полноте и силе обвинительных доказательств, обеспечивая не столько всесторонность исследования, сколько безупречность обвинительного акта. В результате эта функция, задуманная как инструмент достижения объективной истины и законности, де-факто превращался в инструмент усиления обвинения, систематически подрывающий состязательное равновесие и ограничивающий возможности защиты.

#### Список литературы:

[1] Учреждение о губерниях от 7 ноября 1775 г. // Свод законов Российской Империи. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2350/> (дата обращения: 02.12.2025).

[2] Вертипрахова Ю. С. Возникновение и развитие института возвращения уголовного дела прокурору судом в России. – М. : Статут, 2009. – 199 с.

[3] Указ его императорского величества самодержца всероссийского «О произведении следствий по уголовным делам без наималейших упущений». – URL: <https://www.prilib.ru/item/328512> (дата обращения: 02.12.2025).

[4] Трифонова К. А. Правовой институт возвращения уголовного дела на дополнительное расследование: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / К.А. Трифонова. – Челябинск, 2012. – 28 с.

[5] Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. С. 223;

[6] Устав уголовного судопроизводства 20

ноября 1864 года URL.: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения 02.12.2025).

[7] Конин В. В. Институт возвращения уголовных дел для производства дополнительного расследования: прошлое и настоящее // Адвокат. – 2012. – № 9.

– С. 21–27.

[8] Головкин Л. В. Истоки и перспективы института дополнительного расследования уголовных дел на постсоветском пространстве // Государство и право. – 2009. – № 11. – С. 54.

[9] В.И. Ленин. Соч., т.26, с.421

[10] Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР М. 1942, СУ РСФСР, 1918, №52, ст. 589, с. 687.

[11] Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде» // URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> (дата обращения: 02.12.2025).

[12] Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» // СУ РСФСР. – 1918. – № 85. – Ст. 889. – URL: [http://www.libussr.ru/doc\\_ussr/ussr\\_408.htm](http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_408.htm) (дата обращения: 02.12.2025).

[13] Постановление ВЦИК от 15.02.1923 (ред. от 31.01.1958) «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.» // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3551#wJu5w5VUHUsARajr> (дата обращения: 02.12.2025).

[14] Исаев М. А. История Российского государства и права : учебник / М. : Статут, 2012. URL: [https://www.consultant.ru/edu/student/download\\_books/book/isaev\\_ma\\_istorija\\_rossijskogo\\_gosudarstva\\_i\\_prava/](https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/isaev_ma_istorija_rossijskogo_gosudarstva_i_prava/) (дата обращения: 02.12.2025).

[15] Власов В. И. Направление судами уголовных дел для дополнительного расследования : монография / В. И. Власов. – Кемерово :, 1977. – 35 с.

#### References:

[1] The Constitution on the Provinces of November 7, 1775 // Code of Laws of the Russian Empire. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2350/> (date of access: 02.12.2025).

[2] Vertiprakhova Yu. S. The Emergence and Development of the Institute of Returning a Criminal Case to the Prosecutor by the Court in Russia. – Moscow: Statut, 2009. – 199 p.

[3] Decree of His Imperial Majesty the Autocrat of All Russia «On the Conduct of Investigations in Criminal Cases Without the Slightest Omissions.» – URL: <https://www.prilib.ru/item/328512> (date of access: 02.12.2025).

[4] Trifonova K. A. Legal Institute of Returning a Criminal Case for Further Investigation: Theoretical and Practical Issues: Abstract of Cand. Sci. (Law):

12.00.09 / K. A. Trifonova. – Chelyabinsk, 2012. – 28 p.

[5] Barshev Ya. Grounds for Criminal Proceedings, with Application to Russian Criminal Proceedings. St. Petersburg, 1841. P. 223;

[6] Charter of Criminal Procedure of November 20, 1864 URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (accessed on December 2, 2025).

[7] Konin V. V. Institute of Returning Criminal Cases for Further Investigation: Past and Present // Advocate. – 2012. – No. 9. – P. 21–27.

[8] Golovko L. V. Origins and Prospects of the Institute of Additional Investigation of Criminal Cases in the Post-Soviet Space // State and Law. – 2009. – No. 11. – P. 54.

[9] V. I. Lenin. Works, v. 26, p. 421

[10] Collection of Government Legislations and Orders for 1917–1918. Administration of the Council of People's Commissars of the USSR. Moscow, 1942, SU RSFSR, 1918, No. 52, art. 589, p. 687.

[11] Decree of the All-Russian Central Executive Committee of March 7, 1918, No. 2 «On the Court» //

URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> (date of access: 02.12.2025).

[12] Decree of the All-Russian Central Executive Committee of November 30, 1918 «On the People's Court of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (Regulations)» // SU RSFSR. – 1918. – No. 85. – Art. 889. – URL: [http://www.libussr.ru/doc\\_ussr/ussr\\_408.htm](http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_408.htm) (date of access: 02.12.2025).

[13] Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of 15.02.1923 (as amended on 31.01.1958) «On approval of the Criminal Procedure Code of the RSFSR.» (together with the «Code of Criminal Procedure of the RSFSR» // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3551#wJu5w5VUHUsARajr> (date of access: 02.12.2025).

[14] Isaev M. A. History of the Russian state and law: textbook / M.: Statut, 2012. URL: [https://www.consultant.ru/edu/student/download\\_books/book/isaev\\_ma\\_istorija\\_rossijskogo\\_gosudarstva\\_i\\_prava/](https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/isaev_ma_istorija_rossijskogo_gosudarstva_i_prava/) (date of access: 02.12.2025).

[15] Vlasov V. I. Referral of criminal cases for additional investigation by courts: monograph / V. I. Vlasov. – Kemerovo:, 1977. – 35 p.





**ЮРКОМПАНИ**

*www.law-books.ru*

Юридическое издательство  
**«ЮРКОМПАНИ»**

Издание учебников,  
учебных и методических  
пособий, монографий,  
научных статей.

Профессионально.

В максимально  
короткие сроки.

Размещаем  
в РИНЦ, E-Library.

# ЦИФРОВОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал

№ 3 (ИЮЛЬ - СЕНТЯБРЬ) 2025 ГОД



научно-издательская группа  
**ЮРКОМПАНИ**